

Мэри Хоффман

Город Масок

Параллельный мир Талиа, очень похож на Италию XVI века. В романе мы наблюдаем за Люсьеном, который в нашем мире очень болен. Получив мраморную тетрадь, которую использует как дневник, Люсьен неожиданно попадает в этот опасный новый мир; мир, который приводит в восторг от политических интриг и где жизнь может отнять вспышка мерлинского кинжала. Город Беллеция (Венеция в нашем мире) вызывает удивление, с кинематографической точностью к деталям, с чувственностью шелка и бархата, волнением и опасностью покушений и убийств Мир Талии забываем и убедительно реален.

Люсьен Малхолланд — подросток который восстанавливается после химиотерапии, получает красно-фиолетовую мраморную тетрадь от своего отца, чтобы тот мог писать в ней когда болит горло. Когда он засыпает с тетрадью, он просыпается в очаровательной Беллеции в стране Талиа (который напоминает Италию эпохи Возрождения), где правит красивая и властная Герцогиня. Здесь он встречает Арианну Гаспарини и таинственного Родольфо Росси. Родольфо является Стрваганте, секретным путешественником, который может перемещаться между миром Люсьена и Родольфо, путем использования талисмана (объект из другого мира). Однако, Беллеция при всей своей красе также опасна, особенно для тех, кто был рядом с Герцогиней...

Мэри Хоффман

Город Масок

Стиви и Джессике за то, что они были такими хорошими слушателями, и ассоциации «Шотландские Вдовы», с чьей помощью я снова оказалась в Венеции и смогла прийти в себя.

Посвящается Рианнону, истинному гражданину Беллеции.

Каждый раз, когда я описываю город я говорю что-то о Венеции.

Итало Кальвино

Невидимые Города

...каждый человек испытывает великое удовлетворение всякий раз, когда он предстает перед взором Герцогини... Ни у кого никогда не возникало и мысли о том, что это не является высшим удовольствием, которое он может получить в этом мире — доставлять ей наслаждение, и величайшим несчастьем — оскорбить ее.

Кастильоне

Книга Придворного, 1561

Пролог

ПРЕДСКАЗЫВАЯ БУДУЩЕЕ

В комнате на самом верху высокого дома, нависающего над каналом, сидел человек и раскладывал карты на столике, покрытом черным шелком. Особым образом перетасовывая колоду, он выложил двенадцать карт кругом, картинками вверх, и, положив тринадцатую в центр, откинулся назад, разглядывая то, что получилось.

— Странно, — пробормотал он.

Картой в середине — самой важной — оказался Меч, знак опасности. Родольфо пришлось принять этот символ, как основной, задающий тон всему предсказанию. Для него не стало сюрпризом то, что справа от Меча, седьмой по счету, лежала Королева рыб. Опасность часто появлялась рядом с самой важной женщиной Беллеции, и Водяной Королевой, без сомнения, была именно Герцогиня.

Но первой картой была Принцесса Рыб, лежавшая справа от Меча, и он понятия не имел, что это может означать.

Это было самое странное предсказание, которое он когда-либо видел. Единственными выпавшими картами с цифрами были четверки, причем все четверки, по одной от каждой масти — Рыб, Птиц, Саламандр и Змей. Они располагались, как стража, по обеим сторонам от Принцессы и Королевы.

Все другие карты были старшими козырями — Любовники, Чародей, Богиня, Башня, Дева Весны и, что самое волнующее — Смерть.

Родольфо долго смотрел на карты, прежде чем смахнул их со стола, старательно перетасовал и начал раскладывать заново. Принцесса Рыб, Четверка Змей, Любовники, Чародей... К тому времени, как он выложил Меч на середину, его руки тряслись. Он сдал тот же самый расклад.

Родольфо поспешно смешал карты, собрал их и завернул в черный шелк. Он убрал их в ящичек резного стола и достал из другого ящичка бархатный мешочек, наполненный прозрачными камешками. Закрыв глаза опустил в него руку, достал пригоршню камней и легким движением бросил их на стол, где они засверкали в огне свечей.

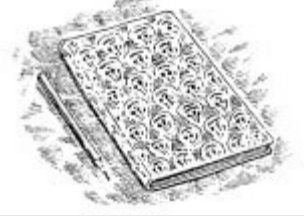
В каждый кусочек сверкающего стекла была вставлена серебряная эмблема. С удивлением Родольфо узнал корону, лист, маску, число 16, локон волос и книгу — с нее он и начал.

Затем он поднялся. «Снова Сильвия», — пробормотал он, держа в руке кусочек гладкого пурпурного стекла с заключенной в нем серебряной короной. Он подошел к окну и посмотрел на свой сад на крыше. Фонари слегка покачивались меж деревьев, нежно освещая цветы и листья, потерявшие свои яркие дневные краски. Вдалеке крикнул павлин.

Он отвернулся к столу и достал из ящичка пару двенадцатигранных костей. Выбросил шестерку и десятку, восьмерку и еще одну восьмерку, семерку и девятку — куда бы он не смотрел сегодня ночью, всюду появлялось число шестнадцать. Оно, да еще символы молодой

девушки и опасности. Что бы это не означало, оно было связано с Герцогиней, и он сообщит ей об этом. Зная Сильвию, он полагал, что она не скажет, что эти предсказания могут означать для нее, но, по крайней мере, сможет подготовиться к приближающейся опасности, какой бы она не была.

Вздыхнув, Родольфо постарался избавиться от собственных толкований и приготовился нанести визит Герцогине.

Глава 1

ВЕНЧАНИЕ С МОРЕМ

Свет залил атласные покрывала на кровати Герцогини, когда служанка открыла ставни.

— Сегодня прекрасный день, Ваша Светлость, — сказала молодая женщина, поправляя свою маску, усыпанную зелеными блестками.

— В Лагуне ¹¹ всегда прекрасный день, — сказала Герцогиня, садясь и подавая знак горничной набросить ей на плечи накидку и подать чашку горячего шоколада. На ней была ее ночная маска из черного шелка. Она присмотрелась к молодой девушке. — Ты новенькая, не так ли?

— Да, Ваша Светлость, — она сделала реверанс. — И если позволите, то я хочу сказать, что для меня это большая честь служить вам в этот великий день!

«Сейчас она захлопает в ладоши», — подумала Герцогиня, потягивая шоколад.

Горничная восторженно захлопала в ладоши.

— О, Ваша Светлость, вы, наверное, с нетерпением ожидаете Венчания!

— О, да, — устало ответила Герцогиня. — Каждый год я ожидаю его с тем же нетерпением.

* * *

Лодка опасно накренилась, когда Арианна вступила в нее, сжав свою огромную брезентовую сумку.

— Осторожно! — проворчал Томмазо, помогая сестре сесть в лодку. — Ты опрокинешь нас. И зачем тебе с собой столько всего?

— Девушке нужно много вещей, — серьезно сказала Арианна, хорошо зная, что Томмазо считает все женское великой тайной.

— Даже на один день? — в свою очередь спросил Анджело, другой ее брат.

— День сегодня будет очень длинным, — отрезала Арианна, положив конец разговору.

Она устроилась на корме ложки, держа свою сумку на коленях, а братья начали грести медленными уверенными движениями рыбаков, которые все жизнь провели на воде. Они приплыли со своего острова, Мерлино, чтобы подобрать ее на Торроне и отвезти на самое большое торжество года в Лагуне. Арианна встала с рассветом.

Как все жители лагуны, она ездила на Венчание с морем с самого раннего детства, но в этом году у нее был особый повод для волнения. У нее был план. И то, что было в ее сумке, было его частью.

— Мне так жаль твоих волос, — сказала мама Люсьена, кусая губы, после того как в очередной раз сдержала привычный ободряющий жест — погладить сына по его кудрявой голове. Кудрей больше не было, и она не знала, как поддержать его, а может быть себя.

— Все в порядке мам, — сказал Люсьен, — Это сейчас модно. Многие ребята в школе обрили головы.

Они не стали упоминать о том, что он слишком плох, чтобы идти в школу. Но все равно это было правдой — он действительно не переживал из-за волос. Что на самом деле беспокоило его, так это слабость. Она не была похожей ни на одно из того, что он чувствовал раньше. Это было совсем не то, что усталость после игры в футбол или долгого плавания. К тому же слишком много времени прошло с тех пор, как он мог делать что-нибудь вроде этого.

Казалось, что в его жилах течет вода вместо крови, и поэтому он чувствовал себя таким утомленным даже после попыток встать с кровати. Выпить чашку чая или хотя бы дотянуться до него было так же тяжело, как забраться на Эверест.

«Это не на всех действует так плохо, — сказала медсестра, — Люсьену просто не повезло. Но это не является показателем того, насколько эффективно лечение».

В этом-то и состояла проблема. Ощущая себя столь опустошенным и истощенным, Люсьен не мог сказать — это лечение или сама болезнь доставляет ему такие страдания. И он понимал, что его родители тоже этого не знают. Вот это было самым страшным — видеть, как они напуганы. Ему казалось, что глаза матери наполняются слезами каждый раз, когда она смотрит на него.

Что касается отца Люсьена, то он никогда по настоящему не разговаривал с сыном до того, как тот заболел, но теперь они поладили. Они должны были делать вместе массу вещей — плавать, ходить на матчи, смотреть телевизор. Теперь, когда они не могли делать всего этого, отец начал говорить с ним. Он даже приносил библиотечные книги в спальню и читал ему, потому что Люсьену не хватало сил держать книгу в руках. Мальчику это очень нравилось. Книги которые он уже читал, вроде «Хоббита» или Полночного Сада Тома», сменились теми, которые отец помнил по своему детству и юности, например «Лунной Флотилии» и новеллами о Джеймсе Бонде.

Отец открыл в себе новый талант — он придумывал и изображал голос каждого персонажа. Иногда Люсьен думал, что это почти стоило того — так болеть, чтобы узнать этого нового, другого отца, который говорил с ним и рассказывал ему истории. Он гадал, станет ли отец прежним, если лечение подействует и болезнь отступит. Но от таких мыслей у Люсьена начинала болеть голова.

После последнего сеанса химиотерапии Люсьен был слишком изнурен, чтобы говорить. В этот вечер отец принес ему тетрадь с тонкими страницами и прекрасной обложкой под мрамор, на которой сплетались и кружились темно-красные и пурпурные прожилки так, что Люсьену пришлось закрыть глаза.

— Я не смог найти ничего достаточно хорошего в магазине Смита, — сказал отец. — Но мне повезло. Мы убрали в старом доме на Вэверли Роад, рядом с твоей школой, и моя племянница попросила выбросить все старые бумаги, а я увидел эту тетрадь и сохранил для тебя. Она пустая, и я подумал, что, если оставлю её и карандаш здесь, на столике у кровати, ты сможешь написать то, что хочешь сказать, когда у тебя болит горло.

Голос отца звучал уютно, как тихий далёкий гул; он не дал ответа Люсьена. Он

рассказывал что-то о городе, где была сделана эта великолепная тетрадь, но должно быть Люсьен что-то пропустил, так как не мог понять смысла сказанного.

— ...плавает в воде. Ты должен увидеть его однажды, Люсьен. Приблизившись со стороны лагуны, ты увидишь все эти купола и шпили, висящие над водой, ну это как будто ты попадаешь в рай. Всё это золото... Голос отца отдалился. Люсьен удивился, поскольку упоминание рая в его присутствии считалось бестактностью. Но ему понравилось описание загадочного города, кажется, Венеции?

Веки его отяжелели, разум затуманился приближением сна, и он почувствовал, как отец вложил маленькую тетрадку в его руку. Ему приснился город на воде, разрезаний каналами.

Арианна наблюдала за процессией из лодки своих братьев. У них был выходной, как и у всех на островах лагуны, исключая поваров. Никто не работал в день Спозалио^[2], кроме тех, кому пришлось работать, чтобы было чем накормить столько гуляк.

— Вон она — внезапно закричал Томмазо. — Вон «Баркона»!

Арианна встала в лодке, вновь заставив ее накрениться, и пристально взгляделась в устье Большого канала. Вдалеке она увидела алую с серебром «Баркону». Другие люди тоже увидели церемониальную барку, и вскоре приветственные крики и свист стали разноситься над водой, по мере того как Герцогиня величественно продолжала путь на свое Венчание с Морем. На барке была команда лучших мандольеров города — красивых и статных юношей, управлявших мандолами^[3] на каналах, заменявших Беллеции улицы. Именно их и хотела увидеть Арианна. Когда барка Герцогини поравнялась с лодкой Томмазо и Анджело, Арианна уставилась на напряженные мышцы темноволосых ясноглазых мандольеров и вздохнула.

— Да здравствует Герцогиня! — кричали ее братья, подбрасывая шапки в воздух, и Арианна с трудом отвела глаза от гребцов и посмотрела на фигуру, неподвижно стоящую на палубе.

Герцогиня представляла собой впечатляющее зрелище. Она была высокой, с длинными темными волосами, высоко поднятыми, прихотливо завитыми и украшенными белыми цветами и драгоценными камнями. Платье ее было сделано из тончайшей темно-синей тафты и подбито зеленой тканью с серебром, так что она сверкала на солнце, как русалка, Лица ее почти не было видно. Она, как обычно, была в маске, сегодня сделанной из перьев павлина, сверкающих и переливающихся в тон платью. Позади нее стояли ее фрейлины, держа накидки и полотенца, все в масках, но одетые гораздо проще.

— Это чудо, — сказал Анджело. — Она совсем не состарилась. Уже двадцать пять лет, как она правит нами и заботится о нас, а все еще сохранила фигуру юной девушки.

Арианна фыркнула.

— Вы не знаете, как она выглядела двадцать пять лет назад, — сказала девочка. — Вас не было на Свадьбе в то время.

— Родители впервые взяли меня с собой, когда мне было пять лет, — ответил Томмазо, — и это было двадцать лет назад. И тогда она выглядела точно так же, маленькая сестренка. Это чудесно.

— И он сделал жест, который жители Лагуны делают на удачу — сложил вместе

большой палец и мизинец на правой руке и приложил средние пальцы сначала к бровям, затем к груди.

— А я видел ее на два года позже, — добавил Анджело, неодобрительно посмотрев на Арианну.

Он заметил, что все, что касалось Герцогини, пробуждало в ней бунтарский дух. Арианна снова вздохнула. Она тоже увидела Венчание в пять лет. Десять лет наблюдения и ожидания. Но в этом году все будет по-другому. Завтра она получит все, что задумала, или умрет, пытаясь получить — и это не просто слова.

Барка достигла острова Святого Андреа, где первосвященник ожидал Герцогиню для того, чтобы вывести ее на красную дорожку, брошенную прямо на покрытый галькой берег. Она спустилась легко, как девочка, сопровождаемая свитой женщин. С того места, где они находились, Арианна и ее братья могли хорошо видеть сине-зеленую фигурку со звездами в волосах. Вспотевшие мандольеры отдыхали на веслах, а тем временем музыка с берега плыла над водой. Когда музыка серебряных труб достигла кульминации, два молодых священника благоговейно опустили Герцогиню в море на специальной платформе. Ее прекрасное платье всплывало по мере того, как она медленно опускалась под воду; мускулы на плечах священников напрягались, они изо всех сил старались, чтобы церемония проходила медленно и возвышенно. В момент, когда вода захлестнула верх бедер Герцогини, все наблюдавшие церемонию громко воскликнули:

«Спозати!^[4]» Вновь зазвучали барабаны и трубы и все радовались и кричали, когда Герцогиню подняли из воды и ее окружили фрейлины. Долю секунды все видели ее юные формы под мокрым тонким платьем. Платьем, которое больше никогда не наденут.

«Какая расточительность», — подумала Арианна.

* * *

В государственной каюте барки другая женщина подумала то же самое. Настоящая Герцогиня, уже одетая в богатое красное бархатное платье и серебряную маску, как того требовало торжество, потянулась и зевнула.

— Как глупы эти беллецианцы! — сказала она двум своим слугам. — Они все думают, что у меня фигура юной девушки — и вот как я поступаю. Как ее зовут на этот раз?

— Джулиана, Ваша Светлость, — ответил один из них. — А вот и она! Мокрую и чихающую девушку, теперь уже не так похожую на герцогиню, фрейлины практически внесли.

— Снимите с нее мокрую одежду, — приказала Герцогиня, — уже лучше. Разотрите ее хорошенько полотенцем. А ты вынь бриллианты у нее из волос. — Герцогиня поправила искусную прическу, точную копию прически мокрой девушки. Лицо Джулианы, хоть и приятное, было совершенно обычным.

Под маской Герцогиня улыбнулась мысли о том, как легко ей удастся вводить людей в заблуждение.

— Отлично, Джулиана, — сказала она дрожащей девушке, которая попыталась сделать реверанс.

— Ты прекрасно сыграла свою роль. — Она мельком взглянула на амулет, висящий на цепочке на шее девушки. Рука с распрявленными тремя средними пальцами и

соединенными большим и мизинцем. У островитян это был символ удачи, manus fortunae — рука фортуны, обозначающая целостность круга жизни и охранявших его богини, ее супруга и сына — священной троицы Лагуны.

Но вряд ли это дитя знает об этом.

Герцогиня поморщила нос, не из-за самого символа, а из-за безвкусицы дешевой золотой поделки.

Вскоре Джулиана высохла и согрелась. Она сидела завернутая в теплую шерстяную мантию, потягивая, рубиново-красное вино из серебряного кубка. Девушка уже сняла павлинью маску, которая будет храниться вместе с испачканным солью платьем, как и двадцать четыре других наряда, во Дворце.

— Спасибо, Ваша Светлость, — сказала она, с радостью ощущая, как холод ледяных объятий лагуны оставляет ее ноги.

— Варварский обычай, — сказала Герцогиня, — но нужно удовлетворять желания толпы. Итак, ты слышала и поняла условия?

— Да, Ваша Светлость.

— Повтори. — Я никогда не должна рассказывать никому, как я вошла в воду вместо Вашей Светлости.

— А если ты расскажешь?

— Если я расскажу, — а этого не случится, миледи, — я буду изгнана из Беллеции.

— Ты и твоя семья. Изгнаны навсегда. И не потому, что кто-нибудь поверит тебе — не существует никаких доказательств. — Герцогиня бросила стальной взгляд на своих фрейлин, жизнь которых целиком и полностью зависела от нее.

— И в обмен на твое молчание, а также за аренду твоего свежего юного тела я жалую тебе приданое. С давних времен многие девушки награждались, таким образом, за подобные услуги.

Тебе повезло больше, чем большинству. Твое целомудрие не пострадало, разве что немного подмокло.

Фрейлины почтительно улынулись, так же, как и каждый год. Джулиана покраснела. Ей показалось, что слова Герцогини непристойны, но, наверное, это было не так, раз уж они прозвучали из ее уст. Она страстно желала вернуться домой к семье и показать им деньги. И сообщить своему жениху, что теперь они смогут позволить себе сыграть свадьбу. Тем временем одна из фрейлин закончила разбирать ее прическу.

* * *

Томмазо и Анджело следовали за «Барконой», медленно плывшей по водам лагуны к Беллеции, самому большому из островов. На палубе стояла Герцогиня в красном бархатном платье и черной мантии, скрадывавшей линии ее фигуры, и заходящее солнце отражалось в ее маске. Она сейчас была одета в цвета «Барконы», сливаясь со своим кораблем и морем. Процветание города было гарантировано — еще на год.

Пришло время празднования. Пьяцца Маддалена, раскинувшаяся перед главным кафедральным собором, была заполнена палатками, в которых продавали еду. От аппетитных запахов у Арианны потекли слюнки. Здесь были все блюда из пасты^[5], которые только можно было вообразить, с пикантным перечным или сладким луковым соусом,

жареное мясо и тушеные овощи, оливки, сыры, ярко-красная редиска и темно-зеленый горький салат; великолепная рыба, тушенная в масле с лимоном, розовые креветки и крабы, целые горы шафранового риса и сочные дикие грибы.

Супы и жаркое бурлили в огромных котлах, терракотовые миски были наполнены картофелем, обжаренным в оливковом масле и приправленным морской солью и розмарином.

— Розмарин — роза моря! — вздохнул Анджело и облизнул губы. — Пойдем, поедим. — Он привязал лодку там, где ее можно было бы легко найти после празднования, и трое молодых людей присоединились к толпе на площади.

Но никто не начинал есть. Глаза всех присутствующих были прикованы к балкону на самом верху собора. Там вскоре должна была появиться фигура в алом и остановиться между двух пар бронзовых овнов.

— Вот она — крик разнёсся над площадью и в тот же момент зазвучали колокола на колокольне Святой Магдалены, Герцогиня помахала рукой. Она не могла слышать их приветственных криков, потому что уши ее были плотно заткнуты воском. Однажды она не сделала этого — в свое первое появление на празднике Венчания, — но никогда больше не повторяла этой ошибки. Внизу на площади началось празднование, Арианна села под одной из арок, поджав ноги и поставив большую тарелку с целой горой еды себе на колени. Она незаметно поглядывала по сторонам.

Томмазо и Анджело сосредоточенно уплетали за обе щеки, не отрывая глаз от своих тарелок.

Арианна знала, что пока ей следует оставаться с ними, она собиралась ускользнуть во время фейерверка.

* * *

Внутри палаццо шло гораздо более изысканное празднество. Герцогиня почти не ела, пока на ней была надета серебряная маска — основательный ужин ждал ее в покоях. Но она могла пить и теперь, когда дневной фарс был окончен, с радостью наслаждалась вином.

Справа от нее сидел ремский посол, и много красного беллецианского вина понадобилось, чтобы разговорить его. Но это было ее единственной важной задачей на сегодняшний вечер — сделать так, чтобы он остался доволен, в силу личных причин. Наконец посол повернулся ко второму своему соседу, и Герцогиня могла свободно посмотреть влево.

Родольфо, элегантный в своем неизменном черном бархате, улыбнулся ей. И Герцогиня улыбнулась ему — под маской. Даже по прошествии всех этих лет его сухое ястребиное лицо всё ещё нравилось ей. И в этом году у неё была особая причина радоваться этому.

Родольфо как, всегда угадав её мысли, отсалютовал её бокалом вина.

— Еще один год, еще одно Венчание, — сказал он. — Я мог бы приревновать к морю. — Не беспокойся, — ответила Герцогиня, — ему никогда не сравниться с тобой по изменчивости и непредсказуемости.

— Возможно, я мог бы позавидовать твоим молодым гребцам, — настаивал на своем Родольфо.

— Единственным гребцом, который когда-либо что-либо значил для меня, был только

ты, Родольфо.

Он усмехнулся:

— Значил так много, что ты даже не позволила мне стать одним из них, как бы мне этого ни хотелось.

— Стать мандольером — этого недостаточно для тебя. От тебя гораздо больше пользы в университете.

— Этого было достаточно для моих братьев, Сильвия, — ответил Родольфо, внезапно перестав улыбаться. Это был деликатный момент, и Герцогиня удивилась, что он заговорил об этом, особенно сегодня ночью.

Она даже не знала о существовании Родольфо, когда его братья, Эджидио и Фиорентино, пришли в Скуола Мандалиера^[6]. По праву правительницы она выбрала их для обучения и по своему обыкновению — как самых красивых — сделала своими любовниками. Только когда младший из братьев пришел в Школу, сердце ее было задето. Она послала Родольфо в университет Падавии и, когда он вернулся, оборудовала для него лучшую в Талии лабораторию. И лишь после этого они стали любовниками.

Герцогиня потянулась и провела по тыльной стороне ладони Родольфо своими серебряными ноготками. Он взял ее руку и поцеловал.

— Я должен идти, Ваша Светлость, — сказал он, повысив голос. — Пришло время фейерверка.

Герцогиня наблюдала, как удаляется его высокая худая фигура. Если бы она была обычной женщиной, она, несомненно, постаралась бы уединиться с ним. Но она была Герцогиней Беллеции, поэтому поднялась — все поднялись вместе с ней — и пошла в одиночестве к стулу, стоявшему у окна, из которого открывался вид на площадь и море. Темно-синее, сливавшееся с морем небо было усыпано яркими звездами.

Сейчас она подаст знак ремскому послу Рональдо ди Киммичи, и он займет место подле нее. Но на секунду, стоя спиной к сенаторам и консулам, она сняла маску и провела рукой по уставшим глазам. Бросив взгляд на свое отражение в длинном окне, она осталась довольна: быть может, ее волосы уже не сами по себе оставались, темными и блестящими, но темные фиалковые глаза были настоящими, а бледная кожа практически не тронута морщинами. Она все еще выглядела моложе Родольфо, с его седыми волосами и легкой сутулостью, хотя и была старше его на пять лет.

* * *

Толпа на площади оживленно наслаждалась вином и прочими радостями трехдневного праздника. И беллецианцы и островитяне знали, как получить удовольствие. Сейчас все танцевали, взявшись за руки и образовав круги, и распевали непристойные песни, традиционно сопровождающие празднование Венчания с Морем. Приближался апогей вечера. Мандола Родольфо была замечена в устье Большого канала, возле плота, загроможденного ящиками и коробками. Все ждали, что Родольфо приготовит что-нибудь особенное к двадцать пятому Спозализио Герцогини — ее Серебряной Свадьбе, Они не были разочарованы. Представление началось с обычных огненных звездных фонтанов, римских свечей и колес Катерины. Лица беллецианцев на площади заливали зеленые, красные и золотые отсветы небесного представления и его отражения в водах канала. Сейчас

никто не смотрел на палатку и фигуру в серебряной маске, наблюдавшую за представлением из окна.

Арианна и братья тоже стояли на площади, зажатые в толпе.

— Держись поближе, Арианна, — предупредил ее Томмазо. — Мы не хотим, чтобы ты потерялась в этой давке. Держись за руку Анджело.

Арианна кивнула, но вот что она собиралась сделать, так это как раз потеряться. Она взялась за протянутую потемневшую от солнца и загрубевшую от моря руку Анджело и сжала ее изо всех сил.

У них будут огромные неприятности, если они вернутся в Торроне без нее.

После небольшого перерыва темно-синее небо вспыхнуло огненными, фигурами из арсенала Родольфо. Сначала огромный бронзовый бык ударил копытами в небо, затем разлились зеленые и голубые морские волны, из которых поднялся сверкающий змей. И наконец, крылатая лошадь, пролетела над ними и пропала в водах канала. В завершение серебряный овен поднялся из моря, взлетел над зрителями, разлетаясь на тысячи искр, и расворился в звездном небе.

Анджело выпустил руку сестры, чтобы присоединиться к овациям.

— В этом году синьор Родольфо превзошел самого себя, — сказал Томмазо, не переставая хлопать, — как ты думаешь, сестрица? — но когда он обернулся, ее уже не было.

Арианна тщательно разработала свой план. Ей придется остаться в Беллеции на ночь. Но день, следующий за Спозализио, был особым праздником города, и никому, кроме рожденных в Беллеции, не позволялось оставаться на острове. Все остальные жители лагуны — с Торроне, Мерлино и Бурлески — должны были отплыть на свои острова в полночь. Наказанием для тех, кто нарушит это правило и останется в Беллеции в Запретный день, была смерть, но никто на памяти живущих не рискнул сделать это.

Арианна не собиралась испытывать судьбу: она точно знала, где спрячется. В полночь колокола Санта-Маддалены снова зазвонят и к тому моменту, когда они замолчат, все небеллецианцы — и островитяне и туристы — должны быть на своих лодках в море. Томмазо и Анджело придется ехать без нее. Но к тому моменту Арианна уже спрячется в безопасном месте.

Она проскользнула в собор, пока снаружи все продолжали кричать «О-о-о!», когда огни гасли, и «А-а-а!» — когда новые ракеты с шипением взлетали вверх. В Санта-Маддалене все еще сияли свечи, но было пусто, и никто не заметил девчонку, легко взбежавшую по ветхим крутым ступеням в музей. Это было ее любимое место в Беллеции.

Она всегда могла попасть туда, даже когда собор был так переполнен туристами, что они выстраивались снаружи на площади в длинную очередь, и их пропускали партиями, будто овец на дезинфекции. Они не очень-то интересовались музеем с его пыльными книгами и музыкальными манускриптами в стеклянных витринах. Арианна поспешно пробежала через зал на балкон с четырьмя бронзовыми овнами, где пару часов назад стояла Герцогиня. Арианна посмотрела вниз — на площадь, кишашую людьми. Их было так много, что, наверное, легко потерять одного. Она не могла разглядеть своих братьев среди шатающихся гуляк, но сердцем тянулась обратно к ним. «Не размякай, — сурово сказала она себе. — Это единственный способ». Она села возле одной из бронзовых ног, опершись на нее для удобства. Ей открылся самый лучший вид на представление синьора Родольфо. Ее ждала долгая ночь.

Люсьен проснулся, ощутив солнце на своем лице. Сначала он подумал, что заходила мама и открыла окно, но, проснувшись окончательно, увидел, что находится на улице. «Я, наверное, все еще сплю», — подумал он. Люсьен не имел ничего против — это был чудесный сон. Он находился в плавающем городе, он это чувствовал. Было очень тепло, несмотря на раннее утро. Прекрасная тетрадь все еще была у него в руке. Он положил ее в карман пижамы. Люсьен встал, во сне это было легко. Он стоял в прохладной мраморной колоннаде, между колонн которой сияло солнце, и его теплые лучи были приятны, будто горячая ванна. Люсьен чувствовал себя сейчас совершенно по-другому: он потрогал голову и нащупал свои прежние кудряшки. Это точно был сон. Он вышел на площадь. Похоже, что здесь была грандиозная вечеринка: несколько человек неподалеку собирали мусор, и не в пластиковые пакеты, — обратил он внимание, — а во что-то вроде мешков из грубой ткани. Люсьен пристально оглядел собор напротив. Он был смутно знаком, но что-то в нем было определено не так. Он обернулся и посмотрел на воду — это было самое прекрасное место, где он когда-либо бывал. Но что было действительно замечательно, так это возможность погулять, Люсьен почти забыл, что это за ощущение — свободно гулять. Но через мгновение сон внезапно изменился. Кто-то подскочил к нему, схватил за руку и затащил обратно в прохладную тень колоннады. Энергичный мальчишка, примерно его возраста, прошептал ему в ухо:

— Ты что, с ума сошел! Тебя же казнят!

Люсьен смотрел на мальчишку в изумлении, при этом его рука действительно сильно болела, как раз там, где ее сжали. В реальности Люсьен, скорее всего, не выдержал бы подобного и заплакал. Но дело было в том, что он все-таки почувствовал это, а значит, происходящее не было сном.

Глава 2

ШКОЛА МАНДОЛЬЕРОВ

Ночь была еще более тяжелой, чем ожидала Арианна. На Галерее овнов было ужасно холодно, несмотря на теплый плащ, который она принесла с собой. Она переделалась в мальчишку, как только добралась до лоджии, скрываясь в темноте, уверенная, что все взгляды прикованы к фейерверку над лагуной.

В полночь зазвонили колокола, практически оглушив Арианну, но она натянула свою рыбацкую шапку на уши и спряталась в глубине собора. Когда они, наконец, замолкли, она вернулась и, выглянув с мраморной балюстрады, понаблюдала за толпой, устремившейся к лодкам. Где-то среди них неохотно шли ее братья, вынужденные вернуться домой без нее.

Арианна снова спряталась в тени, когда услышала, как приближается старый монах-смотритель.

Больше всего она опасалась, что он запрет ее на балконе до самого утра. Она даже подложила щепку в косяк двери, ведущей в лоджию, — на всякий случай, но ее страхи были напрасны. Старик лишь поднял повыше фонарь и, убедившись, что балкон пуст, пошел дальше. Арианна шумно выдохнула и устроилась на ночь между двух пар овнов. Они давали какое-то ощущение защищенности, прикрывая ее с обеих сторон, левая пара с поднятой левой передней ногой и правая — ее зеркальное отражение.

— Спокойной ночи, овны, — сказала Арианна, осенив себя «рукой фортуны» и укрывшись плащом.

* * *

Она проснулась рано, разбуженная криками людей, пришедших убрать площадь после вчерашнего веселья. Она расправила замерзшие и затекшие члены и протерла глаза, потом тихонько подошла к краю балюстрады и посмотрела вниз, глядя через площадь на колоннаду за колокольней. И замерла

Там был чужак, парень примерно ее возраста, рисковавший жизнью. Судя по его одежде, он точно не был беллецианцем и даже итальянцем. Арианна никогда не видела ничего более чужеземного, чем то, во что он был одет. Он был тут не на месте, как собака в Городском Совете. И казалось, он не подозревает об опасности, греясь на солнышке и улыбаясь, будто сомнамбула. Может, у него с головой не в порядке?

Арианна не медлила, Схватив сумку, она выскользнула из лоджии, сбежала по ступеням музея и прошмыгнула через площадь.

* * *

— Что значит казнить? — глупо переспросил парень. — Ты кто? И что это за место? — он обвел рукой сверкающее море, серебристые купола собора и шумную площадь.

— Ты точно сумасшедший, — удовлетворенно сказала она. — Как ты оказался в Беллеции в единственный день, запретный для всех, кроме местных жителей, не зная, где находишься? Тебя не похитили, а?

Парень потряс своими черными кудрями, но ничего не ответил. Арианна быстро поняла, что ей придется сделать, и была готова возненавидеть его за это. Она оттащила его назад, в тень колокольни, и стала срывать с себя мужскую одежду, не замечая, какое производит впечатление.

Мальчишка изумленно наблюдал, как ее темные волосы выпали из-под рыбацкой шапки, как она в своем старомодном женском белье вытаскивает юбку из сумки.

— Что ты хлопаешь глазами, быстро надевай мою одежду поверх своей. У нас всего пара минут, пока кто-нибудь не заметил тебя и не оттащил в Совет Беллеции.

Парень, двигаясь будто во сне, послушно натянул грубые шерстяные штаны и куртку, еще хранившие тепло странной девчонки, пока она одевалась, доставая одежду из своей сумки, ни на минуту не переставая разговаривать. Она казалась взбешенной.

— Почти год ушел у меня, — кипела от злости она, — чтобы подготовить маскировку, и теперь ты все испортил. Мне придется ждать еще год. И все это ради спасения жизни какого-то полусумасшедшего незнакомца. — Как, кстати, тебя зовут?

— Люсьен, — ответил он, хоть как-то показав, что понимает ее.

— Лючиано, — сказала она, изменив имя так же, как и всю его жизнь в этом месте, Беллеции, как она ее назвала. Люсьен был уверен, что это не было настоящим названием города, так же, как он был уверен, что его зовут не Лючиано, но он решил принять ее версию. Пока что он ничего не мог понять.

— А тебя как? — спросил он, придерживаясь привычного ритуала знакомства, который оказался общим для обычной жизни и этого места.

— Арианна, — ответила она, пытаясь собрать растрепавшиеся волосы кружевной лентой. Она оглядела его критически.

— По крайней мере, теперь ты не будешь привлекать внимание. Хорошо, что у нас один размер.

Но тебя раскроют после первого же вопроса. Придется тебе побыть со мной.

— А почему ты вообще переделалась парнем? — спросил Люсьен. Арианна вздохнула.

— Это длинная история. Пойдем, лучше нам уйти с площади, потом я тебе все расскажу. А затем ты расскажешь мне, как ты оказался здесь именно в этот день, Я была готова поклясться, что сегодня я единственная чужая в городе.

Она повела его по коридору под большими часами, потом через лабиринт узких улиц, через множество мостиков над узкими каналами, через маленькие пустынные площади. Казалось, город еще спал. Люсьен следовал за ней, тихо наслаждаясь возможностью гулять, не испытывая усталости, следовать за непонятной энергичной девчонкой, ощущая, как солнце греет плечи через грубую куртку и чувствуя себя счастливее, чем он мог припомнить.

Они пришли на площадь с небольшим крытым помостом, где сонные продавцы раскладывали овощи и мужчина открывал кофейню. Арианна умерила свой целеустремленный шаг и понаблюдала за ним некоторое время, прежде чем войти в помещение. Люсьен последовал за ней.

Внутри, смешавшись, витали соблазнительные сладкие и острые ароматы. Рабочие

стояли у стойки, и пили кофе из маленьких чашечек. Арианна жестом пригласила Люсьена сесть и принесла две чашки шоколада и несколько хрустящих пирожных.

— Итак, — сказала Арианна, — какова твоя история?

— Расскажи мне сначала свою, — попросил Люсьен. — Почему ты так рассердилась?

— Ну, наверное, это не твоя вина, — сказала Арианна, впервые с момента их встречи немного расслабившись. — Ты же не хотел мне все испортить. Это просто из-за того, что я так долго готовилась. Если ты и, правда ничего не знаешь о Беллеции, — она понизила голос, — то ты не знаешь, что сегодня единственный день в году, когда приезжие должны покинуть город под страхом смерти. Это Запретный день, следующий после Венчания с Морем.

И, видя, что Люсьен не очень понимает, о чем она говорит, переспросила:

— Ты ведь знаешь о Венчании с Морем, а?

— Давай предположим, что я ничего ни о чем не знаю, — ответил Люсьен, — так будет проще. — Ему нужно было время, чтобы понять, что к чему, или, по крайней мере, что собиралась делать Арианна.

— В этот день, — объяснила она, — всегда в мае, у Герцогини церемония Венчания с Морем. Ее опускают в воду. Когда вода достигнет ее талии, свадьба считается состоявшейся, и процветание города гарантировано еще на год. Да, я знаю, что это глупо, но в это верит большинство жителей Лагуны. На следующий день, в соответствии с традицией, каждый, кто хочет стать мандольером, должен прийти в Школу.

— Постой, — сказал Люсьен, — Что такое мандольер?

— Конечно же, человек, управляющий мандолой, — нетерпеливо ответила она. — Герцогиня выбирает самых красивых, и можно сказать, что их судьба состоялась. И все знают, что она делает с самыми красивыми.

Она выжидающе посмотрела на него. В очередной раз Люсьен почувствовал, что не понимает, о чем говорит девочка. — И какое это имеет отношение к тебе? — осторожно спросил он.

— Должен прийти в Школу, — повторила она. — Все мандольеры — мужчины. Ты не считаешь, что это неправильно? Я такая же высокая и сильная, как парень моего возраста, и, например, сильнее тебя, — она обвела оценивающим взглядом фигуру Люсьена, — и у меня приятная внешность, если это имеет значение.

Она снова сделала паузу, и на этот раз он следил за ее мыслью:

— У тебя приятная внешность, — согласился он.

Арианна кивнула, но не в благодарность за комплимент; она просто констатировала факт.

— Я имею в виду то, что городом правит женщина.

— Герцогиня, — отозвался Люсьен, который был очень рад, что начинает что-то понимать.

— Конечно, Герцогиня, — нетерпеливо продолжала Арианна. — Проблема в том, что она устанавливает правила, и если ей хочется красивых мандольеров — она их получит.

— Но что будет с тобой, если все раскроется? — спросил Люсьен.

— Ты хотел сказать, что было бы со мной, — горько сказала Арианна, раздавив свое пирожное. — Теперь я не могу попытаться, ведь я одета как девчонка. Однако мне повезло: пока что меня не поймали и не казнили. Как и тебя. Мы должны надеяться, что никто не поймет, что мы не беллецианцы, — добавила она шепотом.

Люсьен сосредоточился на своем пирожном. Он закрыл глаза и позволил сладкому миндальному крему раствориться у него на языке. Он давно не пробовал ничего подобного.

— Можешь взять и мое, если ты так голоден, — сказала Арианна, придвигая тарелку.

— Спасибо. Послушай, мне жаль, что я испортил твой план. Как ты сама сказала, я ничего не знал. И спасибо, что спасла меня, если это действительно так.

— Нет никакого «если». А теперь твоя очередь рассказывать — посмотрим, стоило ли это того.

Люсьен ответил не сразу. У него не было никакого объяснения. Все вокруг него было таким странным: люди, язык, на котором они говорили, — он был уверен, что это итальянский, и при этом понимал его. Пылкая, симпатичная девушка, сидящая напротив него, похоже, тоже была итальянкой, но понимала, что он говорит. В кофейню входили женщины в масках. Это было странно. Но все это не шло ни в какое сравнение с тем, что Люсьен ощущал внутри.

Он ощущал себя здоровым и сильным, что бы там ни думала Арианна. Он чувствовал, что может взбежать на гору, переплыть лагуну, и еще — он абсолютно не представлял, почему он находится в этом прекрасном городе, а не лежит в своей постели в Лондоне. Если это сон, то неважно, что он скажет. Но это не может быть сном. Поэтому он решил сказать правду.

— Я не могу объяснить, как попал сюда, но я действительно не здешний. Я из Лондона. Из Англии.

Когда я находился там, то был очень болен. Я думаю, я умирал. У меня был рак, и мне делали химиотерапию. У меня выпали волосы. Я чувствовал себя совершенно обессиленным. Я заснул, мечтая о городе на воде, и когда очнулся, — то оказался там, где ты меня нашла, у меня были волосы как прежде.

Арианна потянулась и подергала его кудри. Удостоверившись, что они настоящие, она с удивленным выражением лица сделала правой рукой какой-то знак, соединив большой палец с мизинцем и прикоснувшись остальными ко лбу и груди.

— Боже, — прошептала она, — это правда. Я не понимаю всего, что ты сказал, но я верю тебе. Ты из большого города, находящегося очень далеко отсюда, ты болел, а теперь ты здесь и здоров. Что же это значит?

Они посмотрели друг на друга. Потом Арианна оглядела кофейню. Похоже, хозяин давно с интересом разглядывал их.

— Здесь слишком много людей. Кто-нибудь может узнать меня. Пойдем.

— Почему все женщины носят маски? — поинтересовался Люсьен. — Это для следующего праздника?

— Не все, — ответила Арианна. — Только незамужние. Я тоже должна буду надеть маску в день шестнадцатилетия, через несколько месяцев. Это еще одно правило Герцогини. Не самое тяжелое.

Так продолжается многие годы. Ей тоже приходится носить маску.

— Значит, она тоже не замужем? — спросил Люсьен. Но Арианна лишь фыркнула в ответ.

Она вела его подальше от площади, в тихий район города. Дома были окрашены в розовый, песочный и охряный цвета, маленькие садики поднимались над крышами и террасами, Небо было ярко-синим, и между домами он замечал высокие колокольни и птиц, кружащих над ними. Узкие каналы пересекали их путь так часто, что им приходилось все

время петлять в поисках моста. В этом городе невозможно было пройти по прямой.

— Он очень красив, твой город, — наконец заговорил Люсьен.

— Да, и потому он так богат, — сказала Арианна, констатируя факт— Красота — это деньги. — Куда мы идем? — спросил Люсьен.

— Ну, мы могли бы хотя бы взглянуть на Школу, — ответила она. Они перешли через узкий канал, прошли по пассажиу и попали на тротуар, идущий вдоль гораздо более широкого канала. За мостом возвышалось большое здание, над входом в которое была высечена надпись «Scuola Mandoliera».

Перед ним покачивалось несколько черных лодок и люди ходили оживленными группами — здесь явно происходило что-то важное.

— Мандольеры, — произнес Люсьен, — Это люди, которые гребут в этих лодках, правильно?

Арианна бросила на него испепеляющий взгляд.

— Не гребут, а галанят^[7], и это не лодки, а мандолы. Они называются так потому, что по форме напоминают миндаль — Из-за формы ими очень тяжело управлять.

— Ты пробовала? — снова спросил Люсьен, глядя на узкие лодки. Он думал о том, как он управлял плоскодонкой, когда гостил в Кембридже у дяди Грэхема, маминого брата. Ею тоже приходилось управлять, стоя на корме.

— Конечно, — ответил Арианна со своим обычным нетерпением. — На наших островах тоже множество каналов. И я управляла мандолой всю свою жизнь на Торроне. А оба моих брата — рыбаки в Мерлино. Она понурила голову, — Я навлекла на них ужасные неприятности — и все зря! Родители будут жутко переживать из-за того, что они вернулись без меня этой ночью. Я их подставила. И родители не знают, где я и что со мной.

Люсьен ничего не ответил, лишь подумал, что с его родителями то же самое. «Но Арианна хотя бы сама знает, где находится. В отличие от меня». Арианна сжала его руку.

— Сейчас как раз время конкурса, — вздохнула она. — Вон мандола Герцогини.

Искусно украшенная мандола тихо скользила по водной глади, управляемая — на что не мог не обратить внимание Люсьен — чрезвычайно красивым юношей. На середине был шатер из серебряной парчи. Мандольер умело направил судно к причалу, и представитель Школы в богато украшенном костюме подал руку вначале служанке, а затем и элегантной женщине в маске, которая без сомнения и была Герцогиней.

— Быстро! — сказала Арианна, — пойдём внутрь!

— Это разрешается? — спросил ее Люсьен. — Нас не поймают?

— Это открытый конкурс, — резко ответила Арианна, — и они не ожидают, что кто-нибудь вздумает нарушить запрет. Я делала ставку на это. Все будет хорошо, особенно если ты будешь молчать, — и она потянула его за собой через мост.

Деревянные ворота были и, правда открыты, и вскоре Люсьен оказался во внутреннем дворе, заполненном изящно одетыми людьми. Он почувствовал себя неловко, но никто не обращал на него внимания. В одном конце двора был помост, на который как раз поднялась Герцогиня и села в резное деревянное кресло. Справа выстроилась очередь из нервничающих молодых людей. Арианна протиснулась сквозь толпу поближе к помосту, забыв об опасности быть узнанной. Когда Люсьен добрался до нее, она как зачарованная наблюдала за происходящим, ее фиалковые глаза горели, а волосы растрепались.

Она ждала этого целый год, и, хотя была не там, где ей так хотелось оказаться, по крайней мере, она была так близко! Происходящее на сцене слегка напоминало конкурс

красоты. Молодых людей подводили по одному к Герцогине. И хотя она не заглядывала им в рот, проверяя зубы, выглядело это не менее неприятно.

После осмотра очередного претендента Герцогиня обращалась к представителю Школы, и счастливики скромно выстраивались за ее спиной, а тех, кому повезло меньше, уводили со сцены.

Стало понятно, что толпа, в основном, образована их семьями — вздохи или аплодисменты сопровождали каждое решение.

Люсьен подумал, что план Арианны вряд ли сработал бы — никто не пришел без поддержки.

Тем временем толпа прижимала его и Арианну почти к самой сцене. Внезапно Люсьен оказался прямо перед Герцогиней. Соискателей осталось всего двое, и, руководствуясь предыдущими решениями, он подумал, что один слишком низок, а другой кривоногий, Они быстро получили отказ, Люсьен уже отвернулся и собрался уходить, как вдруг прозвучал голос Герцогини.

— Вон тот юноша, там... Ведите его сюда. Все повернули головы, вместе с ними и Люсьен. Руки указывали... на него.

— Это ошибка, — запротестовал он. — Я не хотел стать мандольером!

Но сильные руки подхватили его со всех сторон и подняли на сцену. Он искал взглядом Арианну, в толпе мелькнуло ее взбешенное лицо и пропало. Его подтолкнули к Герцогине, и он замер под ее гипнотическим взглядом. Глаза ее, сверкнувшие под серебряной маской, были фиалковыми, как и у Арианны. «Наверное, это обычно для здешних мест», — подумал Люсьен. Ее голос был низким и ласковым, а пахло от нее чем-то невообразимо прекрасным. Люсьен, чья мать практически не пользовалась духами, к тому же мало общавшийся с девчонками, чуть не потерял сознание.

Герцогиня взяла его за руку — знак внимания, оказанный всего одному или двум кандидатам — и спросила:

— Как тебя зовут, юноша?

— Лючиано, — ответил Люсьен, вспомнив версию Арианны.

— Лючиано, — медленно произнесла Герцогиня, смакуя слоги, будто изысканной деликатес.

Люсьен почувствовал, что краснеет. Что там говорила Арианна? Все знают, что она делает с самыми красивыми. Он почувствовал себя не в своей тарелке. Он не хотел становиться мандольером или одним из фаворитов Герцогини. В эту секунду все, чего он хотел, — это оказаться дома, среди знакомых и понятных вещей.

Но несмотря на эти мысли, он почувствовал, что может быть мандольером: он был достаточно силен, и это не должно сильно отличаться от того, что он уже делал.

— Ты напоминаешь мне одного из молодых людей, избранных мною много лет назад, — произнесла Герцогиня, и по звуку ее голоса он понял, что она улыбается. — Да, я уверена, ты станешь отличным мандольером. Добро пожаловать в Школу.

Толпа молчала. Если Арианна и была там, она не издала ни звука, когда Люсьена отвели к остальным принятым кандидатам и Герцогиня спустилась с помоста, Чувствуя в себе необычную силу в этом сказочном городе, он подумал, что у него все получится. Будущих мандольеров — Люсьен понял, что он самый младший из них, — сопроводили в их новое жилище. Всех кроме него обнимали члены семей, со слезами и гордостью прощаясь с ними. Люсьену тоже пару раз досталось от чьих-то слишком восторженных матерей и

сестер. Наконец он остался один в маленькой комнате с деревянной кроватью, старинным резным сундуком, китайским кувшином и кружкой. Сопровождавший его дружелюбный гид сказал: «Встретимся утром, с первыми лучами солнца» — и удалился. Люсьен сел на кровать и оперся головой на руки. Он никак не мог понять, что же с ним происходит, и внезапно почувствовал, что устал за день от всех этих впечатлений.

Он улегся на жесткий матрац, вытянул ноги и опустил голову на подушку. Пытаясь устроиться поудобнее, он почувствовал, как что-то впивается ему в бок и, пошарив рукой под шерстяной курткой, вытащил венецианскую тетрадь из кармана пижамы.

Засыпая, он держал ее в руке и гадал, вернется ли когда-нибудь домой.

Глава 3

САД В ВОЗДУХЕ

Возвращение в свое тело Люсьен ощутил как удар. На него мгновенно навалилась тяжесть болезни. Если бы он не лежал в постели, то упал бы от бессилия. Его горло пересохло и болело.

Он попытался нащупать волосы, но ощутил лишь голую кожу. Слезы навернулись ему на глаза — потерять волосы во второй раз было значительно тяжелее.

Значит, это был сон. Чудесный сон... Такой реальный. И как он мог придумать Арианну и Герцогиню, и весь этот невероятный город, который и был и не был Венецией? Даже сейчас произошедшее казалось ему абсолютно реальным, а жизнь, в которой он был прикован к постели, — дурным сном. Люсьену показалось, что он все еще одет в брюки и куртку Арианны. Но, конечно же, это было не так. На нем была та же синяя пижама, в которой он оказался в Беллеции.

В дверь постучали, вошел отец.

— Доброе утро, сынок, Сегодня ты выглядишь чуть получше — у тебя нормальный цвет лица.

Люсьен удивился. Чувствовал он себя просто ужасно. Но если подумать, то так казалось по сравнению с тем, каким живым и здоровым он был в Беллеции. Вполне возможно что он действительно чувствовал себя лучше, чем в последний раз в этом теле. Или в этой кровати, как бы там ни было.

— Горло все еще болит? — сочувственно спросил отец. — Не забывай, ты можешь писать в тетради.

Тетрадь! Люсьен вытащил ее из кармана и написал: «Расскажи мне еще о Венеции».

Родители Арианны ее очень сильно ругали, но она не обращала на это внимания. После того как Герцогиня позвала Люсьена на сцену, она убежала и изо всех сил понеслась обратно к Санта-Маддалене, поблизости от которой можно было найти лодку. Там она наняла лодочника, чтобы тот отвез ее обратно на Торроне, воспользовавшись деньгами, приготовленными для вступительного взноса в «Scuola Mandoliera».

Она еле сторговалась с беллецианцем, уговаривая его покинуть город в день после Венчания с Морем. Он ворчал всю дорогу, но Арианне было не до него. Сжав одной рукой борт лодки, а другой, закрыв рот, она изо всех сил сдерживалась, чтобы не закричать от разочарования.

Это было нечестно. Этот парень, Лючиано, разрушил все ее планы и затем спокойно занял ее место. С одной стороны, она понимала, что это не его вина, что он не специально

попался

Герцогине на глаза. Он был таким простаком, не знающим ничего о Герцогине, мандольерах и вообще о Беллеции.

Но, с другой стороны, она отчаянно ему завидовала. Он, со своими темными глазами, кудрявыми волосами и застенчивой улыбкой, скоро будет катать туристов по Большому Каналу, уверенный в своем будущем. Она ни на минуту не сомневалась, что Герцогиня изберет его. И хотя он выглядел едва ли достаточно взрослым, чтобы его приняли в Школу, и был слегка худоват, его внешность гарантировала ему успех. И это при том, что он не был не то что беллецианцем, он не был даже итальянцем.

Арианна попыталась расслабиться и побрызгала лицо водой. Они были в водах лагуны, далеко от омерзительной воды каналов. Лючиано сказал, что он англичанец, и она ему верила, хотя он и говорил по-тальянски. Но она больше не верила остальной части его истории. Да и как она могла поверить ему?

Он сказал, что болен, хотя явно был здоров, он сказал, что облысел, — она пренебрежительно фыркнула. Должно быть, он обманул ее. Его история была абсолютной бессмыслицей. Возможно, он был вовсе не таким уж простаком, как ей показалось.

К моменту, когда лодка коснулась причала Торроне, ее гнев сменился жалостью к себе. Дозорный, выставленный специально для того, чтобы узнать о ее возвращении, приветственно махнув ей рукой, побежал вдоль канала, а Арианна побрела домой. Она прекрасно понимала, какая суматоха поднялась на острове из-за ее отсутствия. Она была их «дочерью острова», единственным ребенком, родившимся здесь за последние двадцать лет.

Все на Торроне были старыми. Арианне не с кем было играть, за исключением родителей и двух своих братьев, которые были намного старше нее. На Торроне вообще осталось лишь несколько семей.

Отец Арианны, Джанфранко, прожил тут всю свою жизнь и сейчас был прожитором маленького музея при соборе. Собор на Торроне был самым старым зданием во всей Лагуне, которое построили много веков назад, когда Беллеция была болотом. Туристы со всего мира приезжали посмотреть на его волшебные серебряные мозаики.

Но здесь не было ни магазинов, ни школы. Арианну возили на лодке в школу, находившуюся на Мерлино, большом острове, где оба ее брата работали и жили в маленьком домике на берегу. Там были и магазины, где торговали едой и предметами роскоши с материка. Летом на Торроне приезжали торговцы с Бурлески, привозя сладости, вино, кружева и изделия из стекла, чтобы продать их туристам, зимой же жители Торроне могли рассчитывать только на рыбу из Мерлино и то, что удалось вырастить самим.

Все долгие зимние месяцы Арианна мечтала о побеге.

Мать Арианны, Валерия, выскочила из их маленького белого домика возле собора и подбежала к ней, плача и смеясь с облегчением, вскоре сменившимся бранью и угрозами. Дозорный вбежал в собор, спеша передать Джанфранко новости.

— Где ты была? — продолжала допрашивать ее мать. — Мы так беспокоились! Томмазо и Анджело всюду разыскивают тебя. Вместо того чтобы наслаждаться праздником, знаешь, чем им приходится заниматься? Они в лодке плавают вокруг Беллеции, высматривая тебя.

Арианна пробормотала что-то о естественных потребностях и о том, как она потерялась в толпе.

Она не ждала, что ей поверят: даже если она не смогла найти братьев, ее взяли бы на

любую лодку, ведь им всем необходимо было покинуть город. Вообще-то она не придумала, что скажет родителям, если ее примут в Школу. Ее планы заканчивались на конкурсе. Возможно, закончив обучение, она раскрыла бы свою тайну, и Герцогине пришлось бы согласиться с тем, что девушки могут обучаться и в будущем.

Но если быть честной, она понимала, что вряд ли еще кто-нибудь из девочек захочет поступить в Школу. Она строила свои планы только для себя.

Ее продолжали ругать весь день и отец, и братья, вернувшиеся лишь в полдень, голодные и расстроенные. Соседи тоже заходили удостовериться, что с ней все в порядке, и укоризненно качали головами, осуждая ее поведение и непослушание.

Арианну просто тошнило от всего этого, и она, как много раз до того, пожалела, что на острове больше нет детей, которые могли бы отвлечь от нее хотя бы часть этого внимания.

— ...и никто не знает, как долго он продержится, — закончил отец. — Вода поднимается каждый год, и, если перестать возводить дамбы, город скроется в море, как Атлантида.

Так что это не Беллеция, Люсьен был уверен, что город в его сне не тонул, хотя он не мог точно знать этого. Беллеция была абсолютно не похожа на обреченный город — суетливая, благополучная, исполненная собственной значимости. И насколько он успел узнать Герцогиню — она не позволит отнять у себя город.

— Тебя интересует Венеция? — спросил отец. — Я могу принести тебе несколько книг из библиотеки.

Люсьен вздохнул и написал: «Ты когда-нибудь бывал там?» Отец выглядел несколько смущенным.

— Только один раз, — наконец ответил он. — Еще до того, как повстречал твою маму. Люсьен сразу понял, что отец был там со своей предыдущей подружкой.

— А ты бывал на островах?

Отец странно посмотрел на него:

— Откуда ты знаешь об островах? Я ничего тебе о них не рассказывал. Да, мы были на них. То есть я был: на одном, где делают стекло; на другом, где все дома разного цвета; и на третьем — где старинный собор с золотыми мозаиками.

— Торроне? — написал Люсьен.

— Я помню, что это было труднопроизносимое название... — озадаченно ответил отец, — но звучит, похоже. Лучше я пойду и принесу тебе книги.

Когда отец ушел, мама принесла завтрак. Люсьен съел несколько ложек размоченных хлопьев, выпил полчашки чая и обессилено откинулся на подушки.

Он слышал, как она закрыла дверь, унося поднос, и провалился в глубокий сон. И тут же проснулся, вспотев ото сна, в котором он стоял на корме узкой черной лодки, держа длинное весло. Герцогиня сидела на другом конце и делала пометки в журнале, как будто оценивала его успехи.

— Если ты не побьешь рекорд, — произнесла она, — то я сниму свою маску.

Во сне это казалось ему самым страшным. Люсьен проснулся от одной мысли, что ему придется столкнуться с тем ужасом, который, как он знал, скрывается за маской. Но когда

он лежал, вспотевший от ужаса, очевидная и естественная мысль пришла ему в голову. Если это было сном, тогда то, что произошло перед этим, точно им не было. Сейчас был обычный второсортный кошмар, не имевший ничего общего с логичностью и реальностью ночного посещения Беллеции.

Город, где он встретил Арианну и Герцогиню, был реален — теперь он в этом уверен. Все, что нужно было сделать, — это понять, как туда вернуться.

Наступила суббота, и, хотя родители и не разговаривали с Арианной, они не запретили ей пойти, как обычно, на мессу в Санта-Маддалену. Вся семья приплыла в Беллецию ранним утром, пришвартовавшись у Пьяццы, рядом со многими другими жителями Лагуны.

Оказавшись внутри переполненного собора, Арианна подняла взгляд на галерею, где незадолго до этого она провела ночь между бронзовых статуй. Ее внимание привлекла фигура в коричневой рясе, стоявшая на одном из многочисленных деревянных переходов, пересекавших собор под самым куполом. Она поняла, что видела ее или точно такую же, когда поднималась в свое укрытие той ночью. Тогда, в спешке, Арианна не обратила на нее внимания, но сейчас, во время мессы, она поняла, что это. Почему монах остался в соборе, а не вышел на площадь смотреть фейерверк вместе со всеми?

Все в Беллеции уделяли гораздо больше внимания церемониям и праздникам, чем самой религии, — это касалось и священников, и монахов. Традиции — вот что имело значение в Лагуне.

Традиции и суеверия. Именно поэтому ее семья сегодня была здесь, так как по традиции все островитяне оставляли свои церкви, даже наиболее древнюю на Торроне, и приезжали на мессу в базилику Санта-Маддалена в воскресенье после Венчания с Морем.

Сама Герцогиня сидела в первом ряду, будто молодая жена, затянутая в белое, в серебряной маске, изображавшей кошку. Арианна бывала здесь каждый год, и всегда все было одинаково.

Но сегодня что-то было не так. Вот и после мессы они почему-то пошли не к Пьяццетте, а к северу от площади, двигаясь по маленьким улочкам. «Мы собираемся навестить твою тетю Леонору», — вот все, что ей сказали. Она подумала, что этот визит не представляет опасности. Они пришли в дом жены брата ее отца на Кампо-СанСулъен, где Арианна обожала бывать из-за удивительного сада с каменным фонтаном. Вода в сердце этого окруженного водой города всегда была сюрпризом.

Леонора тепло приветствовала их и налила им красного вина. Однако атмосфера оставалась натянутой. Братья Арианны явно нервничали, сидя на самых краешках изящных кресел.

Джанфранко откашлялся.

— Поскольку ты не просто провинилась перед нами, но и нарушила законы города, — наконец сказал он, — подвергая себя опасности и вызвав столько волнений, мы попросили твою тетю оставить тебя здесь. Будем надеяться, что это изменит твое отношение к Беллеции, и ты начнешь больше ценить свой дом, хоть и не такой интересный, зато наполненный людьми, которые тебя любят.

После этой, слишком длинной для него речи он шумно высморкался, а Арианне

захотелось его обнять. Но она была так поражена, что не могла сдвинуться с места. Что же это за наказание? Это то же самое, что запереть ребенка, укравшего конфету, в магазине сладостей на неделю.

У Леоноры не было детей, и Арианна не слишком хорошо ее знала, но ее муж, старший брат Джанфранко, умер несколько лет назад, оставив ей приличное состояние, сколоченное на продаже туристам безделушек. Так что дом был весьма комфортабелен, а Леонора казалась доброй и сердечной женщиной. И она останется в Беллеции! Арианна и не представляла себе, что так легко отделается. Однако, когда она прощалась с родителями и братьями, слезы навернулись ей на глаза. И если раньше она чувствовала себя утомленной бесконечным однообразием жизни на Торроне с его небольшим населением и отсутствием приключений, то теперь она ощутила свое одиночество и ей захотелось заслужить прощение родителей.

* * *

Люсьен проснулся на жесткой маленькой кровати и увидел льющийся в окно солнечный свет.

Выглянув наружу, он увидел зеленый канал под ярким синим небом. Итак, он вернулся. Судя по всему, в Беллеции только начинался следующий день, несмотря на то, что в его мире была ночь.

Он провел бесконечно долгий, грустный день в своей постели в Лондоне, слегка оживившись при виде картинок из книг о Венеции, которые его отец принес из библиотеки. Люсьен потрогал голову, с трудом веря, что к нему вернулись его кудри. В дверь тихонько постучали, и внезапно из-за приоткрытой двери высунулась голова весьма уродливого старика.

— Быстро! — прошептал он. — Мы должны убраться подальше, прежде чем они заметят, что тебя нет!

И не дожидаясь ответа, он схватил Люсьена за локоть и потащил из комнаты, потом через двор к причалу Школы, где была привязана узкая черная мандола. Он толкнул Люсьена в лодку, умело развернул ее, и они поплыли по каналу с впечатляющей скоростью.

— Куда мы плывем? — спросил Люсьен, не знавший, спасли его или похитили. Как и в предыдущий свой визит в Беллецию, он «плыл по течению», наслаждаясь ощущением здоровья и тем, что находится в самом центре разворачивающихся событий.

— В лабораторию, — коротко ответил мандольер. — Синьор Родольфо ждет вас.

Так как это ни о чем ему не говорило, Люсьен молчал всю дорогу, пока мандола не причалила, судя по всему неподалеку от той большой площади, где он был вчера. Над крышами были видны серебряные купола собора, совсем близко. Его сопровождающий повел Люсьена по мраморным ступенькам, начинавшимся прямо у канала, через тяжелые деревянные двери, явно постоянно открытые, Внутри этого дома или дворца — чем бы это ни было — было довольно темно, и Люсьен задержался, пытаясь приспособиться после яркого света. Его повели дальше вверх по ступенькам, и, когда он решил, что находится на самом верху здания, мандольер остановился перед темной широкой деревянной дверью и постучал, пропуская Люсьена вперед. Люсьен замер, пытаясь разобраться, что же он видит. Это было нечто среднее между мастерской, химической лабораторией и библиотекой. И

если под потолком и не висело чучело крокодила, то оно точно пришлось бы здесь к месту. Там было множество фолиантов в кожаных переплетах, полок, заставленных сосудами с разноцветными жидкостями и непонятными объектами. Там были огромные глобусы и странная конструкция из металлических кругов на подставке. И еще модель солнечной системы — Люсьен был уверен, что действующая. В углу, перед большим окном с низким подоконником сидел мужчина, одетый в черный бархат. Его одежда выглядела дорогой, и Люсьен сразу понял, что это кто-то важный, и, пожалуй, даже не из-за одежды, а благодаря окружавшей его атмосфере. Он был седым, высоким и худощавым, при этом сильно сутулился и смотрелся в своем кресле, как ястреб на насесте. Но в нем не было ничего пугающего, несмотря на исходившее от него ощущение контролируемой силы. Этот человек сказал своему слуге, что он свободен, и Люсьен услышал, как за ним закрылась массивная дверь.

— Добро пожаловать, — произнес Родольфо. В его глазах сверкнула радость. Казалось, он сейчас начнет потирать руки от удовольствия. — Я ждал тебя.

— То же самое мне сказал тот старик, — ответил Люсьен, чувствуя себя довольно глупо. — Но я не понимаю, как это может быть. Я имею в виду, что даже я сам не знаю, как оказался здесь. И зачем.

— Но ты, верно, догадался, что это связано с твоей тетрадью, — ответил Родольфо, — ты же смог попасть сюда во второй раз.

— Да, но... — Люсьен замолчал. Как этот человек узнал о тетради? И как он узнал, что это произошло во второй раз?

У Люсьена ушел почти целый день на попытки уснуть с тетрадью в руке, а сон все не шел. Он положил тетрадь в карман до того, как появился странный старик, и она все еще была там, под одеждой Арианны, которую он так рад был вновь ощутить на себе.

— Я не знал, что ожидал именно тебя, — продолжал Родольфо, — но, увидев в Школе, сразу понял, что ты именно тот, кто мне нужен.

— Я не видел вас там, — возразил Люсьен.

— А меня невозможно было увидеть, — скромно ответил Родольфо.

Он встал и, жестом позвав Люсьена за собой, прошел в темный угол комнаты, закрытый шторой из серебристой парчи. Когда Родольфо отдернул ее, Люсьен не сразу понял, что же он видит. На первый взгляд, это было похоже на набор телевизионных экранов, если бы это не звучало слишком современно и технологично. Шесть небольших овальных зеркал в витиеватых украшенных рамах из чего-то похожего на эбонит, показывали движущиеся изображения различных мест, причем некоторые из них Люсьен узнал. Там были Школа и Пьяцца, кажется внутренность собора и три других места, все — богато обставленные комнаты, которых он не знал, но которые выглядели явно по-беллециански. Под зеркалами был сложный набор рифленых ручек и медных рычагов, с множеством позиций, отмеченных знаками, очень похожими на знаки Зодиака, хотя многие из них Люсьен точно никогда раньше не видел. Он отказался от попыток понять увиденное — проще было думать о Беллеции как о сне. Родольфо указал на зеркало, которое показывало Школу мандольеров, и Люсьен понял, как его вчера увидели. Пока он восхищенно рассматривал его, маленькая мандола всплыла в поле зрения, элегантная миниатюрная фигурка легко соскочила с нее и, сопровождаемая толпой служащих Школы, скрылась в воротах.

— Это Герцогиня? — спросил Люсьен. — Она пришла проверить новых рекрутов. И ей будет интересно, что же с тобой случилось.

— Зеркало, зеркало на стене, — пробормотал Люсьен. Родольфо посмотрел на него удивленно.

— Магия, — сделал вывод мальчик.

— Вовсе нет, — слегка раздраженно сказал Родольфо. — Наука.

— Хорошо, я понял, как вы меня увидели, — но как вы поняли, что это именно я? Я так не похож на беллецианца?

Родольфо внимательно взгляделся в его лицо:

— Ты и правда не знаешь? — сказал он. — Пойдем, я покажу тебе кое-что.

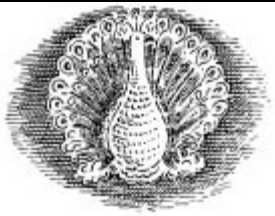
Широкими шагами он подошел к окну, открыл створки и перебросил длинные ноги через подоконник. Люсьен успел испугаться, прежде чем понял, что снаружи находится что-то вроде сада на крыше. Родольфо кивнул, и Люсьен последовал за ним. Это было похоже на оазис в самом сердце города. Но Люсьен сразу понял, что сад гораздо больше, чем мог бы быть: он занимал площадь гораздо большую, чем крыша здания, где они находились. Он таял вдали, и Люсьену по казалось, что где-то там он видит нескольких павлинов. В огромных кадках росли настоящие большие деревья, всюду было множество цветов, наполнявших воздух густым ароматом. В середине сада бил фонтан. «Еще немного науки», — подумал Люсьен. Большая часть сада была тенистой, и там, между двумя деревьями, висел гамак, а у самой балюстрады, окружавшей сад, солнце заливало покрытую плиткой террасу. Родольфо стоял на солнце и ждал его. Когда Люсьен подошел, он аккуратно взял его за плечи и слегка надавил на них.

— Что ты видишь? — спросил он. Люсьен сначала посмотрел прямо, на Беллецию, ее серебряные шпили и колокольни, сверкающие на фоне неба, но Родольфо было нужно другое. Он снова направил голову Люсьена вниз, на плитку, покрытую загадочными астрономическими узорами.

«Как раз такими, какими должен пользоваться волшебник», — подумал Люсьен. И тут Люсьен увидел то, что ему так настойчиво пытались показать. Тень. От их ног тянулся темный силуэт.

Силуэт одного человека.

— Я ждал кого-то без тени.

Глава 4

СТРАВАГАНТИ

Казалось, что в этом саду время замерло. Или, по крайней мере, замедлило свой ход. Люсьен все еще стоял и смотрел туда, где должна была быть его тень. Родольфо сходил в дом и возвратился с двумя бокалами искрящегося прозрачного напитка.

— Прозекко, — сказал он. — Похоже, ты шокирован.

Люсьен собрался, было сказать, что не хочет пить, но вдруг ощутил жажду и внезапно подумал, что понятия не имеет, какова вода в этом городе. То, где он находился, а главное, когда — так это точно не в двадцать первом веке, и вся красота города не могла скрыть плохой запах от воды в каналах. Он выпил Прозекко. Оно было холодным с резковатым вкусом и, по мнению Люсьена, просто чудесным!

Альфредо, старый мандольер, который доставил его сюда, вышел следом за Родольфо через окно с бутылкой в одной руке и подносом, на котором горкой лежали сэндвичи с ветчиной, в другой.

Люсьен почувствовал, что жутко голоден. Когда же он последний раз ел? Пирожные в кофейне с Арианной? Или несколько ложек гоголь-моголя дома перед сном, в другой жизни? Как бы там ни было, похоже, что это было давно, так что он съел три сэндвича и выпил два бокала игристого вина, прежде чем смог задать Родольфо первый из вопросов, роившихся у него в голове. Седой ученый, или волшебник, или кем он там был, понимающе сидел молча, пока Люсьен не закончил, есть, хотя сам к еде не притронулся.

— Чувствуешь себя получше? — наконец спросил он.

— Да, большое спасибо, — ответил Люсьен, — вообще-то я чувствую себя просто замечательно.

Он поставил бокал на террасу и потянулся, наслаждаясь ощущением в теле. Не было ни усталости, ни слабости, ни боли. Может быть, из-за вина, но он чувствовал, как энергия растекается по его жилам.

Родольфо улыбнулся.

— Расскажи мне о себе и о своей жизни в другом мире.

— Так вы ничего не знаете? — удивленно спросил Люсьен, который уже причислил Родольфо к могущественным всезнающим волшебникам.

— Только откуда ты должен быть и, примерно, из какого времени, — ответил Родольфо, — ничего о тебе лично, даже имени.

— Люсьен, — ответил Люсьен, — но здесь, наверное, Лючиано. По крайней мере, так я сказал Герцогине.

— Тогда лучше будем называть тебя именно так, — серьезно сказал Родольфо.

— Я не знаю, что именно вы хотите знать, — продолжил Люсьен. — В моей настоящей жизни я очень серьезно болен. Мне дают лекарство, которое должно со временем помочь, но

сейчас от него мне только хуже. А здесь я чувствую себя прекрасно. Со мной абсолютно все в порядке.

Родольфо наклонился вперед, внимательно слушая и не пропуская ни единого слова. Он целый час расспрашивал Люсьена обо всех деталях его повседневной жизни, включая самые тривиальные вещи, например, что они едят и как делают покупки. Его темные глаза сверкали, когда Люсьен описывал совершенно приземленные вещи — супермаркеты, метро, футбольные матчи. Даже пицца, про которую Родольфо, по идее, должен был знать, вызвала у него удивление.

— Круглый плоский хлеб, запеченный с помидорами и сыром? — переспросил он. — Ты уверен?

Люсьен улыбнулся.

— Пиццу делают с разной начинкой, сейчас люди едят все подряд, — и он принялся перечислять варианты.

— У нас в Талии нет всех этих вещей, — Родольфо выглядел сбитым с толку. — И каковы они на вкус?

— Очень хороши — и не обязательно в пицце, — ответил Люсьен. Родольфо откинулся в кресле и потянулся, хрустнув суставами.

— Теперь ваша очередь, — сказал Люсьен, — расскажите мне о Беллеции, о Талии.

— Что ты хочешь знать?

Люсьен обвел рукой вокруг себя:

— Я здесь мало что понимаю. Ну, например, как я здесь оказался, почему у меня нет тени и зачем вы ждали кого-то вроде меня?

Родольфо встал и подошел к каменному парапету. Он поглядел вдаль, на серебряную крышу собора. Затем обернулся и пристально посмотрел на Люсьена.

— Чтобы ответить на твои вопросы, мне придется углубиться в прошлое. Некоторое время назад путешественник явился из твоего мира в мой. Это было сотни лет назад в твоём мире и не так давно в моём. Он первым открыл секрет и стал первым членом Братства, к которому я принадлежу. Он был первым *страваганте*^[8].

— Что это значит?

— Чудак. А для нас — путешественник между мирами, Он был великим ученым у себя на родине.

Ты мог слышать о нем. Его звали Уильям Детридж. — Родольфо остановился и с надеждой посмотрел на Люсьена, который лишь покачал головой в ответ. — С тех самых пор, как доктор Детридж совершил свое первое путешествие, — продолжал Родольфо, — *страваганте* работали над принципами, делающими эти путешествия возможными. Это трудная и иногда опасная задача.

Со временем мы узнали об опасностях перехода с одной стороны на другую.

— Как в «Звездном Пути», — сказал Люсьен и сразу понял, что требуются пояснения. — Это телесериал о будущем. Они не должны вмешиваться в пространственно-временной континуум во избежание ужасных последствий. И они не должны пересекаться с цивилизациями чужих. Это Основная Директива.

— Я не все понял, — медленно ответил Родольфо, — но звучит верно, по духу. Каждое путешествие между твоим и моим миром таит в себе опасности, которые нельзя недооценивать.

Путешествия могут совершать лишь те, кто постиг таинства науки *стравагации* и закон

со всеми подводными камнями и ограничениями.

— Пойдите, — сказал Люсьен, — я не знаю ничего об этом. Я просто держал тетрадь и думал о городе. В первый раз это даже не была Беллеция. Я думал о Венеции, которая, как я думаю, в моем мире соответствует Беллеции.

— Ве-не-ци-я — задумчиво повторил Родольфо. — Это звучит не похоже на итальянское слово, но я уже слышал его ранее. Так доктор Детридж называл наш город.

— Как бы там ни было, меня никто не тренировал.

— И, тем не менее, ты *страваганте*, — ответил Родольфо. — И это делает твое пребывание здесь опасным.

— Почему? — удивился Люсьен. — И вы все еще не объяснили, зачем вообще я здесь.

— Это довольно трудно понять, — продолжил Родольфо, меряя террасу шагами. — Я не все понимаю сам, хотя изучаю эту науку многие годы. Ты, кстати, сказал «держал тетрадь». Могу я взглянуть на нее?

Люсьен достал тетрадь из кармана своей синей пижамы под его беллецианской одеждой и неохотно протянул ее Родольфо. Родольфо благоговейно взял ее, будто Библию, и спросил:

— Ты знаешь, откуда она?

— Мой отец нашел ее в мусорной тележке на Вэверли Роад, — ответил Люсьен.

— Нет. Что бы это ни значило, это не совсем так. Ее сделали в мастерской моего брата, Эджидио, здесь в Беллеции.

— Тогда как она оказалась в моем мире?

— Я сам отнес ее туда.

Люсьен открыл рот от удивления:

— Вы были в моем мире?

— Конечно, — с достоинством ответил Родольфо. — Разве я не говорил тебе, что я *страваганте*?

Мысль о Родольфо, вышагивающем по Лондону в своем черном бархате, заставила Люсьена улыбнуться. Скорее всего, его приняли за старого хиппи, и никто даже не удивился — люди сочли его пришельцем из Хэмпстеда, а не из другого мира.

Родольфо вернул Люсьену его красно-пурпурную тетрадь.

— Следи за ней. Никому не показывай. Есть люди, которые хотели бы ее у тебя отнять.

— Зачем? — спросил Люсьен, — Зачем она им?

— Она могла бы помочь им открыть секрет путешествия в твой мир. Более того, в этом случае ты не сможешь вернуться, — очень серьезно ответил Родольфо. — Кого вы имеете в виду? Других *стравагантов*?

— *Страваганты*, — поправил его Родольфо. — Нет. Даже если чужой талисман попадет в его руки, истинный член Братства не воспользуется им. Но у нас есть враги. Люди, которые хотят использовать твой мир и принести его волшебство сюда.

— Волшебство? — удивился Люсьен. — Но в моем мире нет волшебства. Он абсолютно обычен.

— И, тем не менее, вы можете переносить большие количества людей в железных коробках под землей, по земле и даже над землей! — сказал Родольфо. — У вас есть машины, позволяющие заказать ужин, который другие машины вам приготовят. У вас есть множество способов общаться с людьми на огромных расстояниях и читать книги из библиотек на другой стороне земного шара.

Разве это не волшебство?

— Нет, — проговорил Люсьен. — Я понимаю, почему вы так это воспринимаете — здесь нет таких вещей, как самолеты, Интернет и мобильные телефоны. Но это не волшебство, это изобретения.

Ну, вы понимаете, технические, научные.

Родольфо выглядел неубежденным.

— То, что я делаю в моей лаборатории — это наука, но не будем спорить об этом. Именно за вашей наукой, которую я называю магией, охотятся Киммичи.

— Киммичи, — повторил Люсьен, — это ваши враги? Родольфо кивнул.

— Они — одна из старейших семей Талии, — продолжил он. — Большая семья, и все время расширяется посредством браков. Один из них управляет всеми городами Северной Талии.

Некоторыми — неофициально. Они стоят за каждым герцогством или княжеством Талии, за исключением этого, единственного, — Беллеции. Даже Папа — один из них.

— Папа? — удивленно переспросил Люсьен, — у вас есть Папа?

— Конечно, — ответил Родольфо, — наш, фактически, правит Реморой. Но его старший брат, Николо ди Киммичи — вот кто реально правит страной.

— Что они собираются делать, если смогут попасть в мой мир? — спросил Люсьен.

— Если они *попадут* не только в твой мир, но и в твое время, — ответил Родольфо, — они принесут сюда. все виды магии — лекарства, чтобы лечить болезни; заклинания, позволяющие заставлять вещи двигаться; мистическое оружие, позволяющее убивать и калечить на большом расстоянии... Мне продолжать?

— *А стравангани?* Что они делают? Разве они не приносят ничего в этот мир?

— Нет, — тихо ответил Родольфо. — Они или, скорее, мы — так как ты уже один из нас, нравится это тебе или нет — не приносим ничего из одного мира в другой, кроме того, что обеспечивает возможность безопасного возвращения. Мы стали хранителями секрета этого способа путешествовать. С тех пор как доктор Детридж совершил свое первое путешествие, нам приходится следить за теми, кто приходит в наш мир и уходит из него.

Люсьен нахмурился.

— Пойдите, я кое-чего не понимаю. Я имею в виду, ну разве вы не говорили, что доктор пришел из прошлого моего мира — сотни лет назад?

— Да, из шестнадцатого века. Это были времена вашей королевы Елизаветы.

— У нас сейчас опять королева, — отозвался Люсьен, — Елизавета II. Но если вы ничего не знаете о супермаркетах и всем остальном и носите все эти старомодные одежды, то какой век здесь сейчас?

Родольфо вздохнул.

— Шестнадцатый. Вот почему Киммичи так жаждут получить твою магию из двадцатого века.

— Уже из двадцать первого... — задумчиво поправил его Люсьен. Его мысли бежали все быстрее, он начал понимать всю ситуацию, хотя в его знаниях об этом мире были огромные пробелы. — Вы имеете в виду, что Киммичи не хотят ждать, пока все эти вещи будут изобретены здесь, таким образом, они хотят ускорить развитие цивилизации?

Родольфо взглянул на него с сожалением:

— Если цивилизация означает возможность убивать большое количество людей одним движением руки — тогда да, именно этого они и хотят.

— Но цивилизация заключается не в этом, — запротестовал Люсьен, — вы же сами сказали — лекарства и все такое.

— Разве они безвредны? И разве Киммичи знают, как применять ту магию, что должна вылечить тебя?

Люсьен представил себе какого-нибудь безумного негодяя в фиолетовом плаще, вводящего химикаты беллецианцу, вовсе не больному раком.

— Нет, для этого нужно быть специалистом, врачом из двадцать первого века, как я полагаю.

— И если бы у них были все эти лекарства и знания, позволяющие воспользоваться ими, — настаивал на своем Родольфо, — ты думаешь, они бы сделали их доступными всем? Нет. Киммичи хотят помогать только Киммичи. Они украдут все, что может сделать их сильнее, позволит им жить дольше и поможет их женщинам выносить здоровых детей и легко перенести роды. А все остальное пусть отправляется к дьяволу.

Сейчас он мерил террасу широкими шагами, разгневанный и весьма пугающий. Постигая правила игры, в которую он оказался вовлечен, Люсьен порадовался, что оказался на одной стороне с Родольфо. *Страваганте* мог быть ужасающим врагом.

Внезапно Родольфо остановился, увидев высунувшегося из окна Альфредо.

— Господин, — выпалил он, — ремский посол у дверей. Он хочет встретиться с вами.

Быстро, так же, как и говорил, он сложил большой палец правой руки с мизинцем и прикоснулся средними пальцами к бровям и груди.

— Скажи ему, что меня нет, — нахмурился Родольфо.

— Я пытался, господин, но он видел вашу мандолу внизу, — продолжал старик, — и он сказал, что «его человек» не видел, чтобы вы сегодня уходили.

— Его человек? — возмутился Родольфо. — Так он шпионит за мной! — он повернулся к Люсьену.

— Быстро, в лабораторию. Если шпион следит за дверями, они знают, что ты здесь. Но вот выйти отсюда можно еще несколькими путями. Мы должны спрятать тебя.

Люсьен перешагнул через низкий подоконник вслед за Родольфо, ощущая себя совершенно сбитым с толку. Как ему удастся сбежать? И какое отношение к нему имеет ремский посол?

Родольфо подскочил к стене и схватился за подсвечник в форме павлина с распущенным хвостом.

Подсвечник был просто великолепен, и Люсьен удивился, что не обратил на него внимания, когда в первый раз вошел в лабораторию. Он был сделан из серебра, и все цвета были прекрасно переданы с помощью яркой эмали. Синевя павлиньей груди и зелень и пурпур его хвоста сияли в темноте, как маяк, обозначающий безопасную гавань. Родольфо повернул голову павлина на полный оборот, и стена за ним раскрылась.

Люсьен не поверил своим глазам. Потайной ход! «Точно как в «Посвященных», — пробормотал он, а Родольфо уже втолкнул его в проход и вновь взялся за голову павлина. Люсьен успел услышать шаги за дверью лаборатории.

— Просто иди вперед, — сказал ему Родольфо. — Проход приведет тебя во дворец Герцогини.

Слегка надави на дверь, и ты окажешься в ее личных апартаментах.

Люсьен помедлил, услышав эти тревожные слова. Ему абсолютно не хотелось встречаться с Герцогиней наедине! Он скорее предпочел бы оказаться лицом к лицу с

тигрицей в ее клетке.

Герцогиня была самым пугающим человеком из всех, кого он здесь видел.

— Стоп! — воспротивился он. — Почему я должен делать это?

Родольфо наклонился близко к нему, его большие темные глаза гипнотизировали Люсьена.

— Потому что за дверью стоит Ринальдо ди Киммичи, — ответил он мягко. — И если он когда-нибудь поймает тебя, то с легкостью убьет за твою тетрадь. Иди! Я последую за тобой сразу, как только смогу. Возьми этот огненный камень, он будет освещать тебе путь. — Он порывлся в одежде и положил в руку Люсьена что-то размером и формой напоминающее крупное яйцо. — Скажи Сильвии, что это я послал тебя.

И, толкнув Люсьена внутрь, он закрыл проход, прежде чем Люсьен успел спросить, как поэт времен Елизаветы: «Но кто такая Сильвия?»

Люсьен стоял в секретном проходе и ждал, пока глаза привыкнут к темноте. А темнота была полнейшей. Будто зачарованный, он наблюдал как «яйцо» в его руке начало светиться. Вскоре оно нагрелось и засияло красным светом, мягким, но вполне достаточным, чтобы разглядеть узкий каменный коридор с неровным полом, в котором он находился. Слегка пахло плесенью. Люсьен постоял немного, прислушиваясь к звукам за дверью с канделябром, но сквозь ее толщю не было слышно ничего. Он пожал плечами и пошел вперед. Огненный камень рисовал на стенах причудливые узоры. Он вновь убедился, что не отбрасывает тени.

— Герцогиня, я иду, — тихо сказал он.

* * *

— Посол, что я могу сделать для вас? — Родольфо приветствовал Ринальдо ди Киммичи с ледяным спокойствием, но внутри он просто кипел, возмущенный наглостью этого аристократичного шпиона и его помощника, внизу у ворот.

— Сенатор, — любезно сказал Киммичи, в то время как его взгляд рыскал по комнате. Он получил информацию, что мальчишку привезли из Школы Мандольеров в лабораторию синьора Родольфо, и был весьма заинтригован. Но он не мог прямо спросить, где мальчик.

— Я даю обед в честь Герцогини в посольстве, на следующей неделе, — симпровизировал он, — и я надеялся, что вы будете присутствовать.

— С удовольствием, — ответил Родольфо, — но вы оказываете мне слишком большую честь, сообщая о приглашении лично.

Оба говорили одно, а имели в виду другое, и встреча была короткой. Родольфо избавился от посла так быстро, как только мог, не нарушая этикета, но не последовал за Люсьеном сразу же.

Сначала он подошел к своим зеркалам и навел одно на канал, поблизости от своих апартаментов,

Там, на ближайшем мосту стояла фигура, закутанная в синий плащ и, казалось, наблюдавшая за игрой волн. По мере того как Родольфо бормотал что-то себе под нос, человек на мосту стал испуганно вертеть головой, как будто чувствуя взгляд волшебника. И через мгновение мост опустел. Родольфо улыбнулся.

— Слишком много для такого ничтожества, — сказал он.

Люсьен тихо крался по потайному ходу, залитому красным светом. Время от времени до него доносилась музыка, но приглушенная. Стены, без сомнения, были очень толстыми. Наконец он увидел дверь, очень похожую на дверь в лабораторию. Он остановился, чтобы подумать. Сильвия — это, должно быть, Герцогиня. Друг она или враг? Она явно была другом Родольфо, а значит, на их стороне. Но она была значительно более пугающей персоной, чем Родольфо, так что лучше всего будет подождать здесь, пока ремский посол не уйдет.

Думая о после, он ясно вспомнил слова Родольфо: «Если он когда-нибудь поймает тебя, то с легкостью убьет за твою тетрадь».

Внезапно Люсьен почувствовал себя не только испуганным, но и очень уязвимым. Жизнь в Беллеции была явно более интересной, чем его реальная, с постелью и болезнью, но он не хотел остаться здесь навсегда в случае потери тетради. И что произошло бы там с Люсьеном, если бы его здесь убили? Этих мыслей хватило, чтобы он пулей выскочил в комнату.

На этом его мужество закончилось, и он закрыл глаза, пока дверь за ним закрывалась.

— Ну и ну, кто же это к нам пожаловал? — спросил знакомый голос. Люсьен открыл глаза и заморгал, ослепленный роскошью комнаты, в которой оказался. Напротив него сидела Герцогиня.

Без маски. Ее лицо вовсе не было пугающим, наоборот, оно было ошеломляюще красивым, хотя и не молодым. Большие фиалковые глаза пронизывали Люсьена, пока он с открытым ртом смотрел на нее; губы изогнулись в улыбке, ей было приятно видеть, какое она произвела на него впечатление.

— Тебе нравится то, что ты видишь, мальчик? — сказала она мягко и затем, внезапно сменив тон, произнесла: — Это стоит того, чтобы умереть?

Она щелкнула пальцами и приказала служанке:

— Вызови стражу. Скажи им, что у нас нарушитель.

— Нет, подождите — вскрикнул Люсьен. — Родольфо послал меня сюда!

Герцогиня сделала жест, и служанка остановилась.

— У меня и в мыслях не было, что ты воспользовался ходом без его ведома. Но кто ты?

Она встала и взяла его за подбородок. Люсьен снизу вверх смотрел на высокую женщину.

— Ты один из моих новых мандольеров?

Она не ждала ответа,

— И о чем только думал Родольфо? Он же знает, что всякого чужого, увидевшего меня без маски, ждет смерть.

Люсьен был в панике. Казалось, смерть поджидала его с обеих сторон.

— Он сказал, что я должен перейти сюда, потому что Ринальдо ди Киммичи поднимался к нему. Он сказал, что тот убьет меня.

Герцогиня замерла.

— Ты свободна, — властно приказала она служанке.

— А как же стража, Ваша Светлость? — переспросила та и была одарена взглядом, чуть не обратившим ее в камень.

— Передай, чтобы они почистили оружие, — наконец ответила Герцогиня. Когда служанка вышла.

Герцогиня указала на кресло напротив себя.

— Любой враг Киммичи — друг Беллеции. Беллеция это Я. А теперь, рассказывай, *кто ты* такой на самом деле.

* * *

К ее собственному удивлению, Арианне было скучно. Да, она находилась не на своем родном острове, вдали от надоедливых взглядов его жителей, Но здесь, в Беллеции, она была совершенно обычной девушкой. Пока она стояла вместе с тетей в очереди за фруктами и зеленью с корзиной в руке, никто не поприветствовал ее по имени, не поинтересовался, как нога ее бабушки. Взгляд Арианны все время устремлялся к собору. Вот к чему привело ее «большое приключение». Вместо того чтобы катать туристов по каналам города, она стала домохозяйкой, и максимум, что она могла совершить — это выбрать самый лучший баклажан. Арианна вздохнула. Не в первый раз ей захотелось знать, что же могло получиться, останься она с Лючиано. Она могла бы назваться его сестрой и, может быть, сумела бы занять его место после ухода Герцогини. Герцогиня! Нечестно, что одна женщина обладает такой властью, тогда как все остальные женщины Беллеции не имеют практически никакой. Арианна ее ненавидела.

В очереди образовался некоторый беспорядок — женщины расступались, пропуская высокую, затянутую в черное фигуру. «Доброе утро, синьор», «здравствуйте, сенатор», — мурлыкали они, делая реверансы и кивая.

Арианна посмотрела вверх, заинтригованная тем, что человек остановился, чтобы поговорить с ее тетей. Леонора казалась взволнованной. Может, у нее новый кавалер? Он был весьма симпатичен и казался хорошей парой для состоятельной вдовы, но разве не ходили по городу слухи про него и Герцогиню?

— Договорились, сегодня днем. Добрый день. Добрый день, дамы. — Он ушел, широко шагая через Пьяцца, оставляя за собой множество учащенно бьющихся сердец.

— Что все это значило? — любопытствовала Арианна по дороге к дому. — Я не знала, что вы знакомы с синьором Родольфо.

— Немного. Он однажды помог моему мужу, — ответила Леонора, оглядываясь, не подслушивает ли кто. — Он интересовался тобой, а не мной.

Арианна снова удивилась:

— Мной? Почему это вдруг?

— Понятия не имею. Но он обещал навестить нас сегодня днем и особенно просил меня передать тебе, что у него есть новости от твоего друга Лючиано.

Арианна фыркнула: «Тоже мне друг!» Но так как она не сказала больше ни слова, а Леонора тоже ничего больше не знала, то они обе провели следующие несколько часов, сгорая от нетерпения.

Леонора пыталась справиться с любопытством, вновь и вновь протирая каждый дюйм безукоризненно чистого дома и полируя драгоценный серебряный кофейник.

Арианна делала все, что ей говорили, но мысли ее были далеко.

Сенатор вошел во внутренний двор, когда часы на колокольне пробили три, Он

одобрительно оглядел сад, сел и поприветствовал Леонору. После этого он направил свой пронизывающий взгляд на Арианну, и она неволь, но залилась краской. Он был совершенно невозмутим, и девочку охватило странное чувство, что он знает все о ее неудачной попытке стать мандольером. Лючиано, бесчувственная скотина, должно быть, рассказал ему все. Но смущение ее сменилось страхом, когда она поняла, как опасно для нее, что кто-то знает об этом. Когда принесли кофе и пирожные, Родольфо наклонился вперед и учтиво обратился к ней:

— Мне кажется, вы знакомы с моим юным подмастерьем, Лючиано?

— Вашим подмастерьем, сир? Я думала, что он стал мандольером, — Арианна не могла скрыть горечь, прозвучавшую в ее голосе. — Разве Герцогиня не выбрала его?

— Да, — согласился Родольфо. — Но я указал ей на ее ошибку. Обычное недоразумение, ведь он пришел в Школу не для поступления. Он просто шел на встречу со мной.

«В какие игры он играет?» — недоумевала Арианна. Лючиано вообще не знал о его существовании, когда она спасла его несколько дней назад. Что касается того, что он стал подмастерьем...

Внезапно она поняла, что просто счастлива, оттого что он не стал мандольером. По-настоящему счастлива, впервые за последние дни. Теперь у нее нет причины на него дуться.

— Хочешь ли ты с ним повидаться? — спросил Родольфо и, быстро повернувшись к Леоноре, добавил: — Конечно, если вы не против, синьора. Он не знает никого своего возраста в Беллеции, и я подумал, что ваша племянница будет ему подходящим другом. Он не знает города, и она могла бы показать ему все здесь.

Леонора выглядела задумчиво, прощаясь с гостем час спустя. Она долго смотрела на Арианну, и, наконец, сказала:

— Так подмастерье синьора Родольфо не беллецианец, и, тем не менее, он оказался в Школе на следующий день после Венчания с Морем? Значит, уже двое вас находились в городе в Запретный день. Может, объяснишь мне, как вы с ним встретились?

* * *

Люсьен проснулся и обнаружил рядом с собой маму, пристально смотревшую на его лицо. Он слегка испугался и не сразу понял, что уже не в Беллеции.

— Ох, Люсьен, — сказала она, кусая губы, — ты так меня напугал. Я не могла тебя разбудить. Как ты себя чувствуешь?

Это был вопрос, на который он не мог ответить. С одной стороны, он чувствовал себя так же плохо, как и все последнее время в реальной жизни. Но он был в отличном настроении, и адреналин придал ему силы. Он практиковался в «стравагации», как называл это Родольфо, и все оказалось удивительно легко. Он улыбнулся матери:

— Отлично, просто отлично. Я прекрасно выспался. Я уснул очень крепко, вот, наверное, потому и не слышал тебя. — Он потянулся и притворно зевнул, следя за тем, как с ее лица сходит испуганное выражение. Она улыбнулась в ответ.

— Хочешь позавтракать?

— Да, с удовольствием. Можно мне сэндвич с беконом?

Она радостно вышла. Он не просил ничего такого уже давно, и ей приятно было

приготовить это.

Люсьен откинулся на подушки, у него кружилась голова. Оказавшись наедине с Герцогиней, он думал, что его часы сочтены, но, к счастью, появился Родольфо и все ей объяснил. Удивительно, как она менялась в него присутствии. Было абсолютно очевидно, что они знали друг друга очень давно, и столь же очевидно, что Родольфо несколько не боялся ее.

Втроем они придумали прикрытие для Люсьена. Он стал Лючиано, юным кузеном Родольфо, прибывшим из Падавии, чтобы стать его учеником. Ему дадут беллецианскую одежду, соответствующую его положению, и комнату в резиденции Родольфо. Но чтобы суметь защитить себя, он должен прилежно учиться. Кроме того, он не должен был исчезать внезапно, отправляясь в свой мир, и постигать науку *стравагации*.

Оставалось еще столько всего, чего Люсьен не мог понять. Он сам догадался, как ему попасть из реального мира в Беллецию — нужно было просто заснуть с тетрадь в руке, думая о городе на воде. Первый раз он вернулся домой случайно, но, судя по всему, если он терял сознание в Беллеции, он возвращался в свой мир, однако только в том случае, если у него в руке была тетрадь.

— Это значит, что я не могу спать в Беллеции? — спросил он, вернувшись в лабораторию Родольфо.

— Нет, пока ты касаешься тетради, — ответил Родольфо, уже целый час, выпрашивавший все о деталях его предыдущих путешествий.

— И я могу попасть сюда, только когда сплю в своем мире? — настаивал Люсьен. — Я заметил, что здесь всегда день, когда там ночь.

— Скорее всего, это так, — согласился Родольфо. — То же самое было и у доктора Детриджа, хотя он так и не смог понять почему. Все, что мы знаем, так это то, что *страваганты* из вашего мира проникают сюда и возвращаются с гораздо большей легкостью, чем мы. Наверное, это из-за *того*, что первый из нас, доктор Детридж, открывший путь, был из твоего мира. И до сих пор мы очень мало знаем про разницу в течении времени в наших мирах.

По какой-то причине Люсьен мог вернуться домой, просто взяв в руки тетрадь и сконцентрировавшись на мыслях и доме. Он даже ненадолго вернулся в Беллецию той же ночью, чтобы рассказать своему новому учителю, как прошло путешествие. Похоже, он всегда возвращался в то же место всего лишь несколько мгновений спустя, независимо от того, сколько времени он провел в своем мире — в тот раз он промучился несколько часов, прежде чем смог заснуть. Наверное, именно из-за всего этого Люсьен и чувствовал себя таким утомленным.

Но, все равно, когда принесли сэндвич, он, к великому удовольствию матери, съел его почти полностью. У Люсьена была надежда, что его ночная активность в Беллеции: прогулки, еда, нормальное общение — поможет ему набраться сил и в этой жизни. И сейчас все, о чем он думал каждую ночь, это о возвращении в Беллецию.

— Ты должен узнать все о Беллеции, — напутствовал его Родольфо перед очередным возвращением домой, на закате, когда в доме зажгли вечерние свечи. — Я найду кого-нибудь, кто покажет тебе здесь все и расскажет о том, что необходимо знать.

Как же ему занять себя в его мире на целый день?

Арианна растерялась. Она рассказала тете обо всем, что произошло с ними. «И когда я увидела, что Герцогиня выбрала его, я убежала и отправилась домой», — закончила она. Леонора ходила взад-вперед по маленькому дворику.

— Это мне не нравится, — сказала она. — Какая-то бессмыслица. И я боюсь, что ты ввяжешься в эти дела. Политика всегда означала неприятности здесь, в Лагуне, да и вообще в Талии. А если это касается Герцогини, то просто не может обойтись без политики. Тем не менее, сенатор Родольфо — уважаемый человек, и, если он принял этого странного мальчика под свою опеку, я не вижу ничего страшного в том, что ты будешь проводить с ним время.

В кофейне на севере города человек в синем плаще сидел за столиком и осушал один стакан стрела за другим. Он считал, что заслужил это, учитывая, что ему пришлось недавно пережить.

Минуту назад он шпионил за домом синьора Родольфо и вдруг оказался в Падавии. У него ушло несколько дней, чтобы дойти пешком до Беллеции, и он был в ужасном настроении.

В будущем он собирался потребовать со своих хозяев значительно большей оплаты, если придется следить за таким могущественным ученым, как Родольфо — хотя бы для того, чтобы нанять коляску для возвращения, если с ним снова произойдет подобное.

— Еще! — велел он хозяину. Он собирался напиться и потом отправиться к своей невесте Джулиане.

Глава 5

ГОРОД В ЛАГУНЕ

— Ты! — воскликнул Люсьен, когда слуга Родольфо впустил Арианну в лабораторию. Она засмеялась, видя его замешательство.

— Кажется, ты уже освоился в Беллеции, лысый, — язвительно заметила она. — А знаешь ли ты, сколько местных жителей готовы отдать свои глаза ради того, чтобы оказаться на твоём месте?

Синьор Родольфо очень важный человек, к твоему сведению.

— Спасибо, — отозвался сенатор, выходя из тени. — Я рад, что ты подтвердила это.

Арианна присела в нескладном реверансе, одновременно осеняя себя знаком «руки фортуны».

— Это совершенно лишнее, — неодобрительно сказал он, — Здесь, в обители науки, нет места суевериям.

— Я и не предполагал, что моим гидом станешь ты, — сказал Люсьен. — Давай, я расскажу тебе, что произошло в Школе.

— Я знаю, что произошло, — все еще с неприязнью отозвалась Арианна. — Герцогиня увидела тебя, и ей понравилось то, что она увидела. Так это происходит в Беллеции. Внешность — это все.

Я знаю, что это не твоя вина.

— Именно тому, что и как происходит в Беллеции, ты и должна будешь научить Лючиано, — снова отозвался Родольфо. — Мы говорим всем, что он из Падавии, но я думаю, ты знаешь, что это не так?

Арианна медленно кивнула и повернулась к Люсьену:

— Так это правда. Ты из другого мира?

— Да, — ответил он, — я *страваганте*.

Арианна не могла справиться с собой; ее рука мгновенно поднялась к бровям. Все в Лагуне слышали это слово, но мало кто знал, что за ним скрывается, кроме того, оно означало власть, тайну и опасность. Вот где продолжится ее приключение.

— Так ты согласна? — спросил Родольфо. — Ты поможешь Люсьену стать беллецианцем?

Последующие несколько недель были самыми счастливыми в жизни Люсьена. Дни его тянулись так же медленно и болезненно, как и раньше, но по ночам он легко соскальзывал в беллецианскую жизнь. Он одевался в бархат, пил вино, проводил утро за уроками, абсолютно не похожими на то, что он учил в школе, и каждый день гулял с Арианной —

вместе они бродили по улицам и мостам чудесного города. Единственной трудностью оставалось отсутствие тени, приходилось стараться не выходить на солнце, чтобы никто ничего не заметил.

В своей реальной жизни он старался прочесть все, что только мог найти о Венеции. Отец был очень обрадован: этим новым интересом и приносил ему массу книг из библиотеки и соседних книжных магазинов.

— Ты станешь настоящим экспертом, когда вернешься в школу, — сказал он. — Это должно помочь с историей и географией.

Но чем больше Люсьен узнавал о Венеции, тем яснее он осознавал, что она очень отличается от Беллеции. К примеру, в Беллеции серебро было наиболее ценным материалом, значительно ценнее золота, которое считалось «низким» материалом. Все купола и мозаики собора в Беллеции были сделаны из серебра. Когда он заговорил об этом с Арианной, она характерно фыркнула.

— Конечно, а чего же ты ожидал? Золото тускнеет. Ну, ты знаешь, становится темным. Разве в твоём мире не так?

— Нет, — ответил Люсьен, — у нас темнеет серебро, если его не чистить. А вот золото чистить не нужно.

— А мы не чистим серебро. Только полируем иногда.

Люсьен стал думать, что будет, если он возьмет немного золота, которое было доступным и дешевым в Беллеции, в свой мир.

— Ты начинаешь думать, как Киммичи, — сказал Родольфо, когда Люсьен спросил его об этом.

Люсьен ужаснулся, осознав справедливость этого утверждения.

— Так это распространяется на путешествие в обе стороны? — переспросил он. — Я не должен брать с собой ничего?

— Только тетрадь, которую ты принес с собой, — ответил Родольфо. — И значительно позже, когда ты станешь адептом, ты сможешь выбрать другой талисман, объект, который поможет будущему *страваганте* совершить путешествие из твоего мира в наш.

— Так же, как ты принес тетрадь?

Родольфо кивнул, и Люсьен вздохнул в ответ. Он не мог представить себе, что когда-нибудь станет таким, как Родольфо. Уроки были трудны. Это было слегка похоже на изучение физики и геологии, но Люсьен с трудом мог назвать это наукой. Занятия больше походили на медитацию. Родольфо всеми силами развивал в нем способность к концентрации.

— Опустоши свой разум, — говорил он, хотя это казалось Люсьену невозможным. — А теперь сосредоточься на точке в городе. Представь ее. Описывай мне цвета, запахи, звуки, текстуры. Это упражнение получалось у Люсьена все лучше и лучше, *благодаря* дневным прогулкам с Арианной,

Настал день, когда он знал каналы, площади и причалы Беллеции не хуже улиц, парков и аллей своей родной части Северного Лондона.

Но город не перестал казаться ему странным. Город напоминал паутину. Сотни водных нитей соединяли его в единое целое. Лоскуты земли неправильной формы, соединенные мириадами мостов, деревянных и каменных, были плотно набиты высокими узкими домами: большими и роскошными, маленькими и бедными. На каждой маленькой площади был колодец место встреч местных жителей. Люди здесь проводили на улице гораздо больше

времени, чем жители его родного Лондона. Он напоминал себе, что город этот живет в далеком прошлом — более четырехсот лет назад в его мире. В водах каналов не было моторных судов, в городе не было электрического освещения и нормальных туалетов. Он предпочитал сдерживаться до возвращения в свой мир, чем возиться с этим здесь, в Беллеции. Он знал, что каким бы очаровательным ни казался ему этот город, он оставался туристом, туристом во времени и пространстве.

В том, что он путешествует в прошлое, его убеждало еще кое-что — новизна некоторых основных зданий. По всему городу строились новые здания; мандолы и баржи, несшие каменные блоки, заполняли каналы, Мир Арианны был очень деятельным, полным новых планов.

— Да что ты говоришь! — был ее обычный ответ, когда он пытался рассказать ей о своем мире. — И у всех в гостиной есть ящик с движущимися картинками? И у людей в нашем возрасте уже есть собственный, в их комнате? И почти у всех из них комната отдельная? И они могут болтать с друзьями на другом конце города, даже не выходя из нее? Что ты говоришь!

Некоторые вещи он просто не мог объяснить ей. К примеру, *игровые приставки*, — она не понимала, зачем они вообще нужны, — или футбол. Чем больше Люсьен описывал правила и ритуалы, тем более нелепыми они казались ему самому. «Но зачем они натягивают футболку на голову?» — спрашивала она, и у Люсьена не было ответа. Чем больше он узнавал о ее мире, тем более отстранено, воспринимал свою жизнь в Лондоне. Арианна рассказала ему о множестве городских праздников.

Конечно, карнавал — он уже знал о нем из книг о Венеции, и в первый визит он узнал от девушки о Венчании с Морем. Но были еще гонки мандол, соревнования гребцов, праздник света, когда все мандолы несли зажженные факелы, особые мосты, на которых устраивались ритуальные бои между местными шайками, — и многое другое. Казалось, что почти каждую неделю у суеверных и непостоянных жителей Лагуны был повод для праздника. И во время всех праздников устраивали пиршества и фейерверки.

— Все это звучит так весело, — сказал Люсьен. — Вы, беллецианцы, знаете, как получать удовольствие.

— Все не совсем так, — ответила Арианна, внезапно посерьезнев. Они сидели на парапете Большого Канала и ели сливы. Арианна указала вдаль, на прекрасное здание, близкое к завершению строительства. — Это — новая церковь, она называется — Святая Мария Благодарения.

— Благодарения? — озадаченно переспросил Люсьен. — Что это за имя?

— Святая Мария Благодарения, — повторила Арианна. — Двадцать лет назад, еще до моего рождения, началась чума. Она убила почти треть жителей города.

— Это ужасно, — отозвался Люсьен, представивший, что подобное произошло с третью его одноклассников и соседей.

— Да, — продолжала Арианна, — но могло быть и хуже. Церковь построили в благодарность за то, что этого не случилось; за то, что чума остановилась, забрав лишь треть жителей и оставив две трети в живых.

Пока она говорила о чуме, она постоянно повторяла рукой жест, который Родольфо назвал *рукой фортуны*. Он называл его распространенным суеверием и делал замечания своему слуге Альфредо каждый раз, когда замечал этот жест. Люсьен обратил внимание, что жители города повторяют его постоянно — спонтанно, похоже, на то, как в его мире стучат

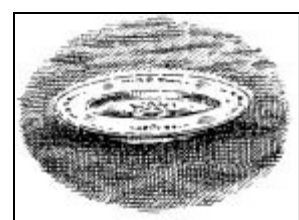
по дереву наудачу, но гораздо чаще. Сейчас он спросил об этом Арианну. Она взглянула на свою руку, замершую в воздухе, удивленная своими действиями. Это получалось у нее инстинктивно.

— Это означает... «пусть богиня, ее муж-король и их сын помогут нам» и «пусть никогда не разорвется круг нашей жизни», — сказала она, будто цитируя школьный урок.

— Богиня? — переспросил Люсьен. — Но вон там обычная церковь. Я думал, это христианская страна. Арианна пожала плечами.

— Так и есть. Но ведь нет ничего плохого, если мы сохраним наших старых богов, так ведь? Я не уверена, кого бы хотела иметь на своей стороне, если вдруг снова начнется чума.

Люсьен вспомнил, что Родольфо рассказывал про стремление Киммичи достать лекарства из двадцать первого века и сохранить их для своих людей. Остается лишь один шаг до того, чтобы принести сюда в пробирке болезнь из того же двадцать первого века, Люсьен подумал о СПИДе и содрогнулся. Потихоньку, отвернувшись от Арианны, он сам повторил «руку фортуны». И когда они пошли дальше вдоль Большого Канала, наблюдавший за ними человек в синем плаще последовал за ними.

Глава 6

ДОКТОР СМЕРТЬ

Люсьен чувствовал себя значительно лучше. Сейчас был перерыв в лечении, и он начал думать, что действительно когда-нибудь снова вернется к нормальной жизни. Его лучший друг, Том, пришел навестить его — это был первый посетитель с тех пор, как началось лечение.

Смушение быстро прошло, Том привык к новому виду Люсьена, и спустя несколько минут друзья болтали, как ни в чем не бывало. Люсьен предоставил инициативу Тому и ограничился вопросами.

В общем-то, как был убежден Том, с Люсьеном не происходило ничего интересного — он целыми неделями не вставал с постели.

С другой стороны, сам Том был полон историй о школе: новый учитель, подвиги команды по плаванию, капитаном которой он был, и множество сплетен о том, кто кому нравится. Том был увлечен девчонкой по имени Катерина с восьми лет и сейчас пытался собрать все свое мужество, чтобы пригласить ее на дискотеку в конце последнего семестра одиннадцатого класса.

Люсьен слушал Тома с улыбкой. Он представил себя на дискотеке с Арканной. Со своими длинными ногами и пышными волосами она бы смотрелась не хуже Джулии Робертс. Он улыбнулся еще шире, подумав, что сказали бы об этом его друзья. Потом он представил себе лицо

Арианны, когда она слышала бы музыку, и представил себе, как она сделает «руку фортуны» и произнесет «Боже!». Это то же самое, что прийти с марсианином. Он заметил, что хихикает, и попытался замаскировать это кашлем.

Том раскаялся:

— Прости, глупо с моей стороны было заострять внимание на дискотеке. Как я понимаю, ты будешь еще болен и не сможешь прийти?

— Скорее всего, — кивнул Люсьен. — Кроме того, с кем бы я пошел? Наверное мне подошла бы невеста Франкенштейна.

Прощаясь, Том осторожно похлопал его по плечу.

* * *

Родители Люсьена не могли нарадоваться тому, что он пошел на поправку. Теперь он вставал и одевался почти каждый день. Он даже совершал небольшие прогулки, хотя по-прежнему быстро уставал. В менее удачные дни, когда он не чувствовал себя достаточно хорошо для того, чтобы выйти на улицу, он сидел за компьютером и путешествовал по интернету в поисках хороших сайтов, посвященных Венеции.

Его любимым стал *virtualvenice.com*, где можно было поплавать по каналам и пробродить по улицам этого города, так похожего на Беллецию, что у Люсьена перехватывало дыхание. Он проводил за этим занятием все свободное время. На другом сайте он нашел подробнейшую карту города и часто исследовал ее, отмечая различия и сходства с названиями мест, где каждую ночь гулял с Арианной.

Однажды он вписал имя Уильяма Детриджа в строку поиска и был вознагражден всего несколькими ссылками. Как только он отбросил случайные совпадения — современного музыковеда, горную цепь в Аляске, нескольких австралийских математиков, нумизмата и магазин мотоциклов, — он обнаружил, что осталось всего три сайта, имевших какую-либо информацию о докторе елизаветинских времен. И он не нашел никаких упоминаний о том, что тот был *страваганте*.

Тем не менее, Люсьен изучил все записи с огромным вниманием, скачал их и распечатал. Он пожалел, что не может взять распечатку с собой в Беллецию, так как это означало бы нарушение одного из правил Родольфо, но постарался выучить все на память. Первым шел академический сайт перечислявший сухие факты:

ДЕТРИДЖ, Уильям (1523–1575)

Родился 20 апреля 1523 года.

Умер: Ноябрь 1575.

Примечание: даты приблизительные, отсутствует независимое подтверждение.

Место жительства: Великобритания, много лет учился в Италии.

Образование: Оксфорд (1538 — 42), Болонья (1543 — 46); с 1547 читал лекции по математике в колледже Уадхама в Оксфорде, сохранил этот пост вплоть до своего исчезновения в 1575.

Вероисповедание: англиканец; но так же, как и Джон Ди, подвергался преследованиям как оккультист; в 1575 был осужден за колдовство и приговорен к смертной казни через сожжение на костре, но подтверждения того, что приговор был приведен в исполнение, отсутствуют.

Научные дисциплины: математика, календаризм, алхимия, астрология.

Семейное положение: женат, 1548, Джоанна Эндрюс, шесть детей, трое выжили: сыновья Бруно и Томас, дочь Элизабет.

Для дальнейшей информации воспользуйтесь ссылками:

Публикации / Библиография / Другие сайты

Несмотря на сухой тон записей, эти факты привели Люсьена в восторг. Значит, Уильям Детридж действительно существовал и был кем-то вроде волшебника, имел отношение к Италии, хотя его слегка удивило, что он был математиком. Алхимик и астролог — это звучало гораздо правдоподобнее, хотя непонятно, что такое календаризм. Но что же с ним случилось? На сайте упоминалось о его исчезновении и говорилось, что записи о приведении приговора в исполнение не сохранились, но все-таки была приведена предполагаемая дата смерти.

Следующий сайт был гораздо менее официален: заявлял, что является главной страницей «Общества Уильяма Детриджа», которое, судя по всему, было каким-то странным

клубом. На сайте предлагались ссылки на официальный бюллетень этого общества, называвшийся «Маг», чат для последователей «Учителя», список фактов, мало отличающийся от найденного на предыдущем сайте, и еще один список —

Нераскрытые Тайны Доктора Детриджа:

Когда он родился? Детридж говорил, что родился 20 апреля 1523 года в деревне Барнсбюри, но в приходском реестре записи об этом нет. В свете всего, произошедшего с ним, встает вопрос: а был ли доктор Детридж простым смертным?

Какие науки он изучал? Он был астрологом, в те времена своего астролога имела даже королева, и алхимиком, что тоже было узаконенной профессией. Что же он сделал такого, что стоило ему жизни? (Если действительно это стоило ему жизни — см. ниже)

Когда он умер? Он был приговорен к смерти Елизаветой I в 1575 году, но, судя по всему, исчез прежде, чем приговор привели в исполнение. Что произошло с ним? Его никогда больше не видели в Англии. По одной теории, его могущественные друзья организовали ему побег на континент, но упоминания о нем не были найдены ни в одном документе. Да и куда бы он мог деться? Италия не была безопасным местом для человека с его репутацией; в те времена людей часто сжигали на кострах по обвинению в колдовстве. Его исчезновение остается тайной, объяснение которой кроется, скорее всего, в оккультных науках, которые он практиковал.

Все это было еще более захватывающим. Люсьен не мог дождаться момента, когда сможет рассказать об этом Родольфо. Третий сайт был любительским, сделанным кем-то по имени Пауль Эванс, написавшим статью об Уильяме Детридже для загадочного журнала «Натурфилософия».

Он сообщал:

Доктор Смерть: странные потери сознания Уильяма Детриджа, статья Пауля Эванса в «Натурфилософии» (подшивка 43, выпуск 2, сентябрь 2001).

Конспект: жители родной деревни Детриджа (Барнсбюри) называли его «Доктор Смерть» из-за того, что много раз находили его в состоянии какого-то транса, из которого его невозможно было вывести. По преданию, доктора как минимум два раза хоронили, и он вставал уже из гроба. Могло ли это стать причиной, по которой его обвинили в колдовстве? Автор исследует свидетельства распространенного мнения, что Уильям Детридж был связан с дьяволом.

У Люсьена по спине мурашки пробежали, когда он прочел это; ясно, что эти «потери сознания» происходили, когда доктор Детридж находился в Талии. Люсьена напугало осознание того, что доктор должен был умереть страшной смертью за то, что он сам делал каждую ночь.

Джулиане приходилось нелегко. Она никогда не думала, что, поступая в услужение Герцогини, подвергается опасности. Работа оказалась нетрудной, хотя она еще целую неделю была ужасно простужена, да и деньги были явно не лишними. Она собиралась через несколько недель выйти замуж за своего красавца Энрико, и теперь они смогут позволить себе гораздо больше.

Вот тут-то и начались проблемы. Она ничего не могла с собой поделывать, и, гордясь тем, что ее материальный вклад в их будущее хозяйство будет значительно большим, чем можно было ожидать от простой крестьянской девушки, рассказала ему про деньги. Он был очень возбужден и беспощадно выпытал у нее всю историю. Его глаза засверкали, когда он узнал, что Герцогиня использовала замену на некоторых государственных праздниках.

Джулиане он сказал лишь: «Только подумать, там, в воде была ты, моя дорогая! И все люди Беллеции, сами того не зная, чествовали и славили мою Джулиану!» Про себя же, будучи профессиональным шпионом, он уже рассуждало том, как ему заработать на этой информации как можно больше. Как истинный итальянец, он завернулся в свой синий плащ и сказал: «И поскольку именно ты венчалась с Морем, именно ты должна получать выгоду от процветания города. Эти деньги — только начало, Джулиана, Мы будем богаты!»

Это больше всего напугало Джулиану. Она умоляла его, просила понять, что она поклялась молчать, что ее история не должна выйти за пределы этой комнаты. Но она хорошо знала Энрико и всем сердцем сожалела, что рассказала ему.

* * *

Родольфо пришел в восторг от того, что Люсьен сообщил ему в свой следующий визит. Люсьен начал с попытки разъяснить Родольфо, что же такое Интернет, поскольку тот представлял себе настоящую всемирную паутину, сплетенную пауками. И вслед за этим легко можно было представить себе что-нибудь злое в ее центре, что-то вроде ди Киммичи, пытающегося завлечь ничего не подозревающих пользователей в ловушку.

— Нет, все совсем не так, — настаивал Люсьен. — Интернет нейтрален. На самом деле некоторых беспокоит именно то, что он практически не управляем. Кто угодно может опубликовать там любой бред. Каких-нибудь танцующих гвинейских свиней, да вообще все что угодно.

Родольфо одарил Люсьена одним из тех своих взглядов, которые Люсьен называл «озадаченный космический пришелец».

— Я не понимаю, зачем кому-нибудь интересоваться танцующими свиньями, — рассудительно сказал он, — но если кто угодно может «шутить» в этой твоей сети, то как же ты можешь знать, правда ли то, что ты нашел о докторе Детридже, или нет?

— Я этого не знаю, — терпеливо ответил Люсьен, — но, я подумал, что эта информация может вас заинтересовать.

Наконец он приступил к рассказу о том, что же собственно узнал: сайт университета, Фан-клуб и самое интересное — статья о частых «потерях сознания», наблюдавшихся у «Доктора Смерть».

Родольфо был захвачен этими новостями и заставил Люсьена повторить все несколько раз. Он явно заинтересовался тайной исчезновения Детриджа.

— Как вы думаете, что же с ним произошло? — спросил его Люсьен.

— Я этого не знаю, — медленно ответил Родольфо, — но я надеюсь, это означает, что он где-нибудь здесь, в Талии, в безопасности.

Внезапно, Люсьену в голову пришла идея:

— Какой сейчас год? Здесь, в Беллеции?

Родольфо обратил свои большие темные глаза к Люсьену, как будто не хотел отвечать, но все-таки сказал:

— 1577.

И хотя Люсьен и ожидал услышать что-то вроде этого, он все равно был шокирован. Он почувствовал, как возбуждение охватывает его.

— Следовательно, он исчез всего два года назад, даже меньше, если это произошло в ноябре. Сейчас июнь. Когда вы видели его в последний раз?

Родольфо снова помедлил, будто решая, рассказывать ли Люсьену историю, подробности которой он так долго скрывал.

— Это было примерно два года назад, — наконец ответил он. — Все в Братстве уже смирились с тем, что больше не увидят его. Мы думали, он погиб, так как Детридж говорил, что находится в опасности.

— Но почему бы ему не оказаться здесь? — спросил Люсьен. — Если уж он собирался избежать смертного приговора, то мог *стравагировать* в Беллецию.

— Нет, — ответил Родольфо, — это не его город. Он появлялся в Беллоне, в университете. Хотя, конечно, путешествовал и по другим городам, когда находился здесь.

Люсьен уже заметил, что итальянские названия были похожи на названия в его мире, Баллона соответствует Болонье, решил он. Но он не задумывался о том, что каждый *страваганте* привязан к одному городу. Это было похоже на то, как если можно пользоваться только одним аэропортом. Теперь он предположил, что он, Люсьен, прибывает именно в Беллецию потому, что его красно-пурпурная тетрадь была сделана здесь.

— Доктор Детридж использовал талисман, вроде моей тетради?

Родольфо кивнул.

— Да, но, чтобы ты все понял, я должен кое-что объяснить — как он совершил свое первое путешествие в Талию. Ты уже знаешь, что он был алхимиком. Ты знаешь, что это значит?

— Алхимик — это тот, кто пытается превратить свинец в золото?

— Не совсем. Кстати, в нашем мире натурфилософы пытаются получить серебро, золото здесь достать легко.

Люсьен вспомнил название журнала, опубликовавшего статью «Доктор Смерть».

— Натурфилософами здесь называют ученых?

— Да, ученых, таких, как я. Но далеко не все из нас ищут способы получить серебро, почти все — *страх агонии*. А вот доктор Детридж как раз пытался получить золото, но не из свинца, а из солей и различных минералов. Он учился в университете в вашей версии Талии, в городе, который у нас называют Баллона. Когда, поздно ночью, он проводил очередной эксперимент у себя в лаборатории в Англия, — то есть у вас в Англии, — произошел несчастный случай — алхимический взрыв, искаживший время и пространство. Он пришел в себя, все еще сжимая медную пластину, которую использовал в эксперименте. Представь себе его волнение и изумление, когда он увидел, что теперь в ней золото!

— Так ему удалось! — воскликнул Люсьен.

— И да и нет, — ответил Родольфо. — Это действительно было золото, но он получил

его не в своем мире, где оно было драгоценно, а в нашем, где оно таковым не было. И когда он огляделся, то обнаружил, к еще большему своему удивлению, что переместился в Талию, в Беллону, в лабораторию одного из наших великих ученых — Федерико Бруно, с этого дня доктор Детридж оставил свою алхимическую практику и посвятил себя изучению *стравагации*.

— И он не взял золота с собой обратно?

Родольфо покачал головой:

— Он попробовал — взял с собой свою медную пластину, но, когда он вернулся в твой мир, она вновь содержала лишь компоненты, а его лаборатория была практически уничтожена огнем.

Несмотря на все это, пластинка стала его талисманом, драгоценностью, переносившей его между мирами. Его больше не интересовало золото и возможность разбогатеть; он всецело отдался чистой науке, изучая *стравагацию*. Именно доктор Детридж установил правило, запрещающее переносить между мирами что-либо кроме талисманов.

— Вы сказали талисманов? Во множественном числе? — переспросил Люсьен, — Он принес в Талию, что-то кроме пластинки?

— Да, спустя многие годы и путешествия. Медленно и осторожно он приносил новые объекты, позволившие *стравагантам*, которых он обучал во множестве тальянских городов, совершать их опасные путешествия. И, со временем, он перенес несколько объектов из нашего мира в твой, позволив путешествовать и в обратном направлении. Лишь его пластинка, созданная в одном мире и преобразованная в другом, могла перенести *страваганте* в мир Талии, не будучи частью этого мира.

Люсьен кое-что вспомнил.

— Но ведь не он принес мою тетрадь, вы сказали, что сами сделали это — и это было в мое время.

Родольфо вздохнул.

— Мы по-прежнему многого не знаем. С самого первого путешествия доктора Детриджа, двадцать пять лет назад, все путешественники из нашего мира отмечали, что время в вашем мире течет гораздо быстрее. Это не влияло на доктора Детриджа, он всегда возвращался в то же самое время и место. Врата, которые он открыл, соединили Талию и твою Англию, но всегда было не ясно, как течение времени изменяется между нашими мирами.

Мы все еще пытаемся научиться путешествовать в параллельном времени, так же точно, как и в параллельном пространстве.

Люсьену понадобилось какое-то время, чтобы переварить все услышанное. И он снова повторил свою мысль:

— Если он *стравагировал*, чтобы избежать смерти, то где он сейчас?

— Ты прав, — вдруг сказал Родольфо решительно. — Я уверен, что он не в Беллоне. Там сильная ячейка нашего Братства, и я бы уже знал об этом. Для нас жизненно важно найти его. Он помог бы нам справиться с Киммичи.

Он подошел к своим волшебным зеркалам и, управляя рычагами, навел их на совершенно новые, не знакомые Люсьену места — города, окруженные стенами и орудийными башнями, дворцы и площади — явно тальянские, но не беллецианские.

— Это займет какое-то время... — сказал он. — Я думаю, на сегодняшнее утро мы отменим занятия. Можешь пока пойти погулять с Арианной.

Глава 7

ГДЕ КРАСОТА СКРЫВАЕТСЯ ПОД МАСКОЙ

Сердце Арианны пело, когда гребец вывел лодку в соленые воды Лагуны. Даже очарованная городом, висевшим над водой, будто в снах её детства, она всё равно оставалась истинной дочерью островов.

Им пришлось обогнуть город с юга и только тогда отправиться на северо-восток, к Мерлино. Но сначала нужно было проплыть мимо покрытого кипарисами острова, и Арианна притихла в первый раз с тех пор, как они с Люсьеном покинули дом её тети этим утром. Эта перемена в её настроении привлекла его внимание.

— В чем дело? — прошептал он.

Но ответила ему Леонора.

— Здесь мы погребаем умерших. Уже весь остров занят кладбищем. Так было не всегда, но нам понадобилось много новых могил во времена чумы. Сейчас почти не осталось места и идут разговоры о том, чтобы сделать новое кладбище на материке. Мы называем его *Isola dei Morti* — Островом Мертвых. Мой муж тоже там.

Они все инстинктивно наклонили головы, пока лодочник медленно греб в тени кипарисов. Люсьен увидел церковь в центре острова и пару огромных мраморных надгробий между деревьями. Его передернуло, хотя остров выглядел тихим и спокойным.

Когда печальный остров остался позади, а вдалеке показались очертания Мерлино, они вновь воспрянули духом. Лодка вошла в маленькую гавань, и лодочник, наконец, смог отдохнуть.

Леонора поговорила с ним об их дальнейших планах, он согласно кивнул, и они отправились в город.

— Я думаю, мы могли бы показать Лючиано достопримечательности, прежде чем идти искать твоих братьев, — сказала она.

Судя по всему, посмотреть на достопримечательности приехало множество людей. Гавань была просто набита лодками, среди которых выделялось несколько очень больших. На главной улице Мерлино толпились люди, которые явно были туристами. Люсьен не знал, как он это определил.

Хотя они были одеты в одежды четырехсотлетней давности, а не в шорты, и у них не было фотоаппаратов, но они все равно выглядели неуместными.

На мгновение Люсьен задумался, гадая, относится ли это и к нему; в конце концов, он был туристом в гораздо большей степени, чем они. Он порадовался, что оказался здесь с двумя коренными жителями Лагуны, знавшими острова как свои пять пальцев.

— Куда это они все? — спросил он.

— В музей, — ответила Арианна. — Все хотят посмотреть на стекло. Нам тоже стоит пойти.

Люсьен читал про муранское стекло в книгах о Венеции, нотах не было ничего, что

хотя бы отдаленно походило на то, что он увидел в музее стекла в Мерлино. Здесь было цветное стекло всех цветов радуги, но потрясали именно его формы. В многочисленных ларьках на улице можно было купить вазы и пресс-папье, но в музее вас ждали настоящие произведения искусства.

Самое прекрасное находилось в комнате, посвященной неизвестному мастеру стекольных дел пятнадцатого века — Мастеру Стекла. Тем были окруженные башнями замки, корабли с полной оснасткой, крылатые овны, павлины и даже целые сады из стеклянных деревьев и цветов, с искусно сделанной паутиной, воспроизведенной с точностью до мельчайших капелек росы.

Люсьена еле оттащила от всего этого.

— Пойдем, посмотрим Ужасную маску, — предложила Арианна.

В углу главной комнаты Мастера Стекла стояла богато украшенная стеклянная витрина, в которой на черной бархатной подушке лежала маска. Она была настолько совершенна и так красива, что не верилось, что ее сделали из стекла. Она слабо блестела, будто синяя жемчужина, и выглядела невероятно изысканно. Но при этом в ней было что-то зловещее. Люсьен с трудом смог отойти.

— Ты почувствовал это? — спросила Арианна. — Это причина нашего неприятного обычая, из-за которого женщинам приходится носить маски. Ну, не именно эта маска, это, конечно, всего лишь ее копия. Пойдем наружу, я все тебе расскажу. Здесь слишком много людей.

Когда они вышли из музея, Арианна указала на выражение, вырезанное на камне над входом — *Ove Bdta porta una Maschera*.

— Где красота скрывается под маской, — перевела она со староталийского. — Это стало поговоркой беллецианцев со времени несчастного случая с Герцогиней.

Они вышли на небольшую, поросшую травой площадь Возле одного из каналов.

Мерлино, как и Беллеция, был островом, состоявшим из множества более мелких. Леонора распаковала корзинку с ланчем и присела на камне у центрального колодца, а Лючиано и Арианна растянулись на траве. Люсьен грелся на солнышке, и вызванное маской оцепенение постепенно уходило.

— Мастер Стекла сделал маску по приказу Герцогини. — рассказывала Арианна, хрустя редиской.

Не эту конечно. Это случилось несколько столетий назад. Это был его шедевр, сделанный по ее эскизу, и она собиралась надеть ее на карнавал.

— Это должно было быть очень неудобно.

— Более чем, — фыркнула Арианна. — Она надела ее на большой бал, завершавший карнавал на Пьяцца Санта-Маддалена, перед собором. Ее партнером был молодой правитель Реморы, Феррандо ди Киммичи. Он кружил ее все быстрее и быстрее, все смотрели на них и радовались. И вдруг она споткнулась. Споткнулась и упала, и маска разбилась.

— Ой! — вырвалось у Люсьена.

Арианна кивнула. Эта история доставляла ей какое-то дьявольское удовольствие.

— Из-за крика Герцогини чуть не началась война. Ее охрана была уверена, что молодой Киммичи пытался ее убить. Поднялась ужасная паника.

— Что стало с ее лицом? — спросил Люсьен. не очень уверенный, что хочет знать ответ.

— Никто больше не видел ее лица, — сказала Арианна драматично. — С тех пор она

всегда носила маску. И издала закон, по которому все незамужние женщины старше шестнадцати должны были тоже носить маски. Я думаю, до инцидента она считала, что все эти молоденькие девушки и незамужние женщины ей не конкурентки: ее самомнение не знало границ, она считала себя самой красивой. Теперь же она заставила даже сенаторов и советников надевать маски на время заседаний Сената и Совета. Уж не знаю зачем.

— Чтобы вес имели лишь аргументы, а не репутация говорящего, — тихо отозвалась Леонора.

— Ха! — сказала Арианна. — Как ты думаешь; узнала бы ты большие черные глаза сенатора Родольфо. если бы он закрыл свое лицо маской?

— Но что за маска там, в музее? — спросил Люсьен. — Почему Мастер Стекла сделал еще одну?

— Потому что Герцогиня приказала ему сделать это, — ответила Арианна. — И затем, — она сделала драматическую паузу, — убила его!

— В действительности, Арианна, — сказала Леонора. — нет никаких доказательств, что она сделала это.

— Арианна устремила на нее насмешливый взгляд. — Ага, и по великой случайности на следующий день после того, как дубликат маски выставили в музее, Мастер заболел жесточайшим расстройством желудка, совершенно случайно абсолютно похожим на симптомы отравления. Он умер в муках.

И хотя признавать этого не хотелось, интерпретация Арианны показалась Люсьену более убедительной. Наверное, все Герцогини были беспощадными эгоистками, наверное, у них не было выбора — им пришлось быть такими.

— А что случилось с молодым принцем? — спросил он.

— Он тоже умер, — ответила Леонора, — от лихорадки.

Арианна обернулась в удивлении.

— Я не знала этого! Я уверена, что это тоже дело рук Герцогини.

— Возможно, — согласилась Леонора. — Или, возможно, это идея одного из ее придворных. Или, быть может, он просто заболел лихорадкой. Беллеция была очень нездоровым городом в те времена. Это — наследие болот, на которых она построена.

— Так вся эта история с масками началась сотни лет назад? — спросил Люсьен. — Это не идея теперешней Герцогини?

— Нет, — ответила Арианна. — До несчастного случая люди надевали их только на карнавал. Но теперешняя Герцогиня могла бы это отменить. Это лишь закон, вроде закона о мандольерах. Она ведь все время занимается законами...

— Осмелюсь предположить, что у нее есть свои причины не отменять его, — сказала Леонора. — Скоро и тебе придется носить маску, Арианна. Ноты же знаешь, здесь, в Лагуне мы рано выходим замуж. Я сама носила маску всего два года.

Они встали и стряхнули крошки с одежды.

— Пойдем искать моих братьев, — сказала Арианна.

Они спустились к морю и пошли по гальке вдоль кромки воды, приближаясь к месту, где пришвартовывались рыбацкие лодки. Запах здесь был просто ужасен. Рыбаки вокруг неспешно заканчивали свой обед. Утренний улов был разобран и продан, и весь день, до вечерней ловли, они будут чинить свои сети и готовить снасти.

Люсьен не мог отличить одну лодку от другой, да и все рыбаки казались ему на одно лицо, но Арианна внезапно подбежала к одной паре, и они сразу же радостно стали

обнимать ее.

Люсьен чувствовал себя немного стесненно и даже отошел назад, пока Леонора и Арианна наконец обратили на него внимание и представили их друг другу. Братья сразу же понравились ему: они оба были очень загорелыми, и в их рукопожатии ощущалась здоровая сила. Было видно, что они любят свою маленькую сестренку и очень рады видеть ее.

— Что это за кости вокруг? — спросил Люсьен немного погодя, обратив внимание на мелкие белые кости, разбросанные по пляжу: некоторые рыбаки, кажется, что-то из них вырезали.

— Это кости рыбы мерлино, их выносит прибой. — ответил Томмазо делая жест «рука фортуны». — Для нас они гораздо ценнее, чем любая раба.

— Мы делаем из них кинжалы, — пояснил Анджело, достав один пугающе острый экземпляр из ножен, спрятанных в поясе, и передавая его Люсьену, чтобы тот мог получше рассмотреть. — Они очень ценятся в Беллеции. Практически все время между уловами мы проводим, делая из них лезвия, которые отправляем на материк, где к ним приделывают ручки.

— И они стоят очень дорого, — добавила Арианна, с завистью глядя на кинжал.

— Мы бы никогда не смогли позволить их себе, если бы сами не занимались их изготовлением, — сказал Томмазо.

— И ты знаешь, — подразнил сестру Анджело. — что ты не получишь кинжал, пока тебе не исполнится шестнадцать и тебе можно будет доверить оружие.

Арианна обиженно надулась.

— Кинжал и маска. — прошептал Люсьен. — Похоже, через несколько месяцев ты станешь еще опаснее.

Арианна улыбнулась. Леонора начала расспрашивать братьев о том, можно ли их компании появиться на Торроне, а Люсьен и Арианна отошли подальше от моря, чтобы избавиться от запаха рыбы.

— Грустно, да? — сказала Арианна. — Кинжал, который достанется мне, будет одним из последних.

Хотя это сделает его еще более ценным.

— Почему последним? — заинтересовался Люсьен.

— Судя по всему, мерлино вымирает, — отозвалась она. — Или, точнее, костей выбрасывает на берег все меньше. И никто не видел живую рыбу мерлино уже много лет. Рыбаки считают, что она вымерла. Жаль, ведь мои братья зарабатывают на кинжалах гораздо больше денег, чем на рыбе.

— А кто покупает кинжалы? — спросил Люсьен.

— Туристы. — ответила она и добавила: — И, конечно, наемные убийцы.

* * *

Ремский посол был заинтересован гораздо сильнее, чем хотел показать. Если Герцогиня использует замены на государственных праздниках, то во время подобной имперсонации она будет наиболее уязвима и слабо защищена. Но он не собирался верить этому грязному шпиону на слово.

— Приведи девчонку. — велел он. — Я желаю услышать все это от нее самой.

Вместо того чтобы сразу отправиться на Торроне, Леонора попросила лодочника отвезти их на Бурлеска. Томмазо и Анджело считали, что будет гораздо лучше, если вся семья будет вместе, когда состоится встреча, к предложили им провести время на Бурлеска, пока они закончат свою работу.

Значит, сначала мы отправимся к твоей бабушке. — сказала Леонора.

Арианна захлопала в ладоши:

— Ура! Значит, нам удастся отведать ее пирожных! — и пояснила Люсьену. — Мы собираемся навестить моих бабушку и дедушку. Они родители моей мамы и живут в самом веселом доме на острове. Сам увидишь.

Лодка приблизилась к острову, и Люсьену открылось необычайное зрелище — фантастическое буйство красок. Когда же они подплыли достаточно близко, чтобы различить отдельные дома, он понял, что каждый из них окрашен в свой цвет. Ярко-синие, розовые, оранжевые и Желтые дома стояли очень плотно. Наверное, это кошмарно смотрелось бы в его родном квартале, но здесь, под голубыми небесами Лагуны, выглядело великолепно.

— Смотри! Вон их дом, — закричала Арианна. как только они причалили — Ну, разве это не забавно?

Наконец Люсьен увидел то, о чем она говорила. Среди множества зеленых, бирюзовых и пурпурных был один абсолютно белый домик. Он выделялся среди них, как белый шоколад среди типичных европейских сладостей. Все туристы останавливались посмотреть на него, и Люсьен подумал, что в его мире этот дом был бы на самых популярных открытках.

Перед входом сидела старушка, одетая во все черное, с совершенно белыми волосами. У нее на коленях, на небольшой черной подушечке, лежало снежно-белое кружево. Она плела его своими крючковатыми пальцами так быстро, что пальцы в движении теряли отчетливость очертаний, и все время приветствовала проходящих, при этом беседуя со своими соседками, которые тоже плели кружева. Она ни разу не взглянула на свою работу.

— Бабушка! — закричала Арианна, устремившись к старушке, чье лицо засветилось при виде внучки.

«Как они похожи», — подумал Люсьен. У бабушки глаза блестели точно так же, как и у внучки, и взгляд был юным, хотя выглядела она в своем черном платье очень почтенно.

— Арианна! Как я рада видеть тебя! И твою тетю Леонору тоже. А вот этот молодой человек мне не знаком...

Не переставая разговаривать, она отложила кружева и провела их в дом. Люсьен задержался на минуту, засмотревшись на ее работу. Судя по всему, это будет скатерть или что-то в этом роде. В центре был павлин с распущенным хвостом, который напомнил ему одну из лучших работ Мастера Стекла. Птицу окружал узор из листьев и лилий, еще не законченный.

— Стекло и кружева, — произнес голос, будто в ответ на его мысли. — В этом все острова.

Люсьен поднял голову и увидел бабушку Арианны, вернувшуюся, чтобы пригласить его

войти. Она смотрела на него внимательным, мудрым взглядом, и внезапно он почувствовал: она видит его насквозь и явно заметила, что у него нет тени.

— Это прекрасно, — сказал он краснея. Он ужасно жалел, что не может взять эти прекрасные кружева домой, чтобы подарить матери.

— Прекрасно и полезно. — кивнула она. — Знаешь, у кружев есть свой язык.

Но прежде чем он успел спросить, что она имела в виду, вернулась и Арианна.

— Кружева это, конечно, хорошо, — заявила она. — но как насчет пирожных?

Бабушка отправила ее в булочную, где работал муж, дедушка Арианны.

— Скажи ему, чтобы он присоединился к нам! — и добавила: — Он все равно скоро должен был закрыться на обед.

Вскоре вернулась Арианна в сопровождении морщинистого загорелого старика. Он шел, опираясь на палку, а вокруг него носилась Арианна, балансируя большим подносом, полным пирожных.

— Лючиано, это мой дедушка. — сказала она — Он делает лучшие пирожные на всем острове.

Некоторые из его рецептов передаются из поколения в поколение и являются большим секретом, правда, дедушка? Я надеюсь, ты откроешь мне их хотя бы перед смертью, а?

— Так ты собираешься стать кулинаром? — удивилась бабушка. — Я почему-то была уверена, что мандольером.

Теперь была очередь Арианны краснеть, и она ненадолго притихла. Ей было нелегко осознавать, что тетя Леонора рассказала всей семье об ее приключениях в Запретный день. И как много, в таком случае, они знали про Лучано?

Но сейчас она была единственной, кто ощущал дискомфорт. Все сидели за большим каменным столом в саду на заднем дворе, полном глиняных горшков с красными цветами и прочей яркой зеленью. На фоне белых стен они смотрелись просто великолепно. Люсьен был уверен, что, если бы дедушка Арианны жил в Мерлино, где все дома были белыми, он бы покрасил свой в ярко-розовый: он был именно таким человеком. Невысокого роста, с кривой ногой, которая делала его еще ниже, он со своими кустистыми седыми бровями все равно оставался впечатляющей фигурой.

И он делал лучшие в мире пирожные.

— Попробуй вот эти, — предложил он Люсьену, указывая на хрупкие засахаренные пирожные в форме полумесяца. — Я сделал их с лимонной начинкой.

Пирожные, часть из которых напоминала привычные бисквиты, подавали с прозекко. Вытянув ноги, Люсьен пил колючее вино со сладкими пирожными, наслаждаясь ароматами сада и греясь на солнышке. Он не мог припомнить, когда был более счастлив.

* * *

Джулиана была в ужасе.

— Ты навлечешь на меня страшные неприятности. Энрико! И не только на меня, но и на мою семью. Я поклялась Герцогине, и она выполнит свою часть договора. Если она узнает, что я проговорилась, мы будем изгнаны из города!

— Ты слишком сильно переживаешь, дорогая, — отвечал жених, поглаживая ее по голове. — Эта Герцогиня уже стара. Она не будет жить вечно. И кто сможет навредить нам,

когда ее не будет?

Джулиана совсем не была убеждена в этом. Но она прятала свою тревогу под маской. Герцогиня была совсем нестарой, и ей показалось очень подозрительным что Энрико заговорил о ее возможной смерти. Джулианна никогда точно не знала, чем ее жених зарабатывает на жизнь. Он учился на конюха, но переехал в Беллецию, где лошади были запрещены еще двести лет назад. Она знала лишь, что он выполняет работу для ди Киммичи, но не знала, что это за работа, и сейчас была очень напугана.

В посольстве их приняли гораздо быстрее, чем в последний визит Энрико. Теперь его имя кое-что значило для посла, и то, что он пришел не один, а со стройной молодой Девушкой, совершенно не помешало.

— Ах, моя дорогая, — сказал посол, после того как Энрико представил их друг другу. — Как хорошо, что вы смогли прийти. Не хотите ли немного вина? — он налил вина в свои лучшие серебряные бокалы. — А теперь я хотел бы услышать все, что вы сможете припомнить о последнем Венчании с Морем.

* * *

Торроне был совершенно не похож на остальные острова. На них кипела жизнь и движение, а на этом, самом маленьком, царили тишина и покой. Так же, как и везде в Лагуне, здесь были туристы и несколько лотков, где они могли купить еду, питье, стекло и кружева, и даже мерлиновые кинжалы. Но почти все люди направлялись куда-то вдоль канала, к церкви. «На самом деле, это собор, но он не больше церкви», — пояснила Арианна.

Ее покинула обычная прыть, и, вместо того чтобы бежать впереди всех, она отстала, боясь показаться на глаза своей семье. Впереди шли ее братья, беседуя с Леонорой и оставляя за собой легкий запах рыбы. Они остановились у маленького белоснежного домика, и симпатичная женщина средних лет вышла посмотреть кто пришел.

Через мгновение она подбежала к Арианне и заключила ее в объятия. Почувствовав себя одиноким и соскучившимся по дому, Люсьен отвернулся. Что он делал здесь, за тысячи миль и сотни лет от дома?

Но Валерия, мать Арианны, встретила его очень тепло. Казалось, она испытывает перед ним что-то вроде благоговейного страха с тех пор, как ей сказали, что он пользуется покровительством синьора Родольфо, но это не уменьшило ее гостеприимства.

— Томмазо, сбегай за отцом. — попросила дома — Он как раз должен закрывать музей.

— Но мама, я бы хотела, чтобы Лючиано посмотрел наш собор. — возразила Арианна, вновь ставшая собой, как только увидела, что мать явно рада снова видеть ее.

— Ну хорошо. Вы двое отправляйтесь с ним а я тем временем начну готовить. Вы ведь задержитесь в поезде с ними, правда?

Пока Люсьен и Арианна шли к собору, местные жители приветствовали «дочь острова». Ее выходка была прощена, и каждый островитянин старался поцеловать ее или дружески похлопать по плечу. Арианна оказалась в своей стихии. И Люсьен понял, почему она стала такой самоуверенной: все на острове относились к ней по-особенному и уделяли ей массу внимания. Но все эти люди были значительно старше ее. Более-менее молодые встречались лишь среди туристов, спешивших к собору.

Они сначала заглянули в музей, где невозмутимый сероглазый мужчина приветствовал их, сразу же заключив Арианну в объятия, с еще большей, чем все до него, любовью. Джанфранко был очень рад их видеть и решил лично показать собор Люсьену. Поскольку уже подошло время закрытия, они подождали, пока выпроводят последних туристов и вошли в собор в одиночестве.

Джанфранко перебирал ключи на большом тяжелом кольце.

Несмотря на толпу, что проходила сквозь него каждый день, в соборе царила тишина и прохлада.

Перед алтарем Люсьен увидел мраморную панель с искусно вырезанными цветами и птицами, очень похожую на кружева Павлы, а за алтарем — огромную мозаику, изображавшую женщину.

Мозаика была серебряной и синей, и поднималась к самому куполу собора.

— Наша Госпожа, — прошептала Арианна, осеняя себя «рукой фортуны».

— Мария? — спросил Люсьен.

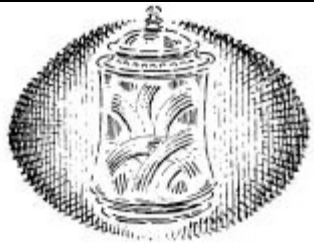
— Если тебе так больше нравится, — пожала она плечами. — Или богиня. Это не важно. Она Мать Лагуны, и все приходят сюда посмотреть на нее. Не только туристы. Все жители приходят к своей Госпоже в смутные времена.

Люсьен смотрел на целые созвездия свечей у ног фигуры. Еще там лежали цветы и множество разнообразных безделушек.

— Видишь эту каменную плиту перед алтарем? — спросил его Джанфранко. — Под ней лежат кости дракона. Мадалена, святая покровительница Лагуны, по преданию убила его своей слезинкой. Ее святость обратила его в прах.

К моменту окончания экскурсии Люсьен чувствовал себя совершенно сбитым с толку. С одной стороны, это была церковь и обстановка здесь казалась ему знакомой, а с другой — местные жители не менее охотно верили в истории с богинями и драконами, которые явно принадлежали к более раннему, языческому периоду.

Они вернулись в дом Арианны, где Валерия приготовила для них свежую рыбу, принесенную братьями, и огромное блюдо пасты с травами, оливками и чесноком.

Глава 8

СОСУД, ПОЛНЫЙ РАДУГ

В этот раз все было значительно хуже. Когда Люсьен проснулся, он увидел, что уже не мать тревожно вглядывается ему в лицо, а их врач, доктор Кеннеди, сидит возле него, приложив стетоскоп к его груди. Когда веки Люсьена задрожали и открылись, его мама зарыдала. Он чувствовал себя ужасно из-за того, что доставил ей столько волнений.

— Все в порядке, миссис Малхолланд. — сказал доктор Кеннеди, проверив его пульс и помигав фонариком ему в глаза. — Похоже Люсьен в полном порядке — настолько, насколько это возможно на текущей стадии лечения.

— Мам, прости, — сказал Люсьен. — Я не хотел напугать тебя. Мне снился чудесный сон о прекрасном кружеве, которое я хотел купить для тебя. И я просто никак не мог проснуться.

Он обманывал ее, потому что не мог видеть такой расстроенной, а правде она ни за что бы не поверила. Он попытался перетянуть доктора на свою сторону:

— Это уже случалось раньше. Похоже, последнее время я крепко сплю, гораздо крепче, чем обычно. Это последствие болезни или остатки жуткой усталости от химиотерапии? Пока меня лечили, я все время чувствовал себя ужасно уставшим.

— Тяжело сказать. — ответил доктор, сильнее нахмурившись, — я никогда с этим не сталкивался, хотя это действительно похоже на остаточный эффект после химиотерапии.

— Но, по-моему, теперь ты в боевом настроении. Просто спал немного дольше обычного. И он далеко не первый тинэйджер, с которым это случилось, я вас уверяю. — добавил он специально для матери Люсьена, которая, наконец, смогла изобразить слабую улыбку.

— Мне жаль, что я вызвала вас рано утром. — извинилась она, — но я была так напугана, когда не смогла его разбудить. Последний раз это продолжалось всего пару минут, но сегодня, как я уже вам говорила, я пыталась сделать это в течение получаса.

После того как доктор ушел, Люсьен встал и оделся, стараясь вести себя как можно живее, хотя чувствовал себя просто выдохшимся. Это было почти так же плохо, как при химиотерапии, и он уже успел забыть это ужасное ощущение. Когда его мать удостоверилась, что он достаточно здоров для того, чтобы остаться одному, она ушла в супермаркет, Люсьен немедленно лег на кровать.

Но не для того, чтобы поспать. Он соскользнул в бессознательное состояние, сжимая тетрадь, желая оказаться в Талии, отчаянно пытаясь вернуться в лодку, откуда внезапно исчез ночью.

Как только Люсьен понял, насколько сейчас поздно, он отвел Арианну в сторону.

— Мне нужно срочно вернуться! В моем мире уже утро, и, если я не проснусь, там поднимется ужасный переполох. Подобное уже случалось. Я должен стравагировать, как можно быстрее.

Арианна уставилась на него, все еще не веря его словам.

— Но ты не можешь просто исчезнуть! Как я это объясню остальным?

— Если все пойдет как надо, то меня не будет всего одно мгновение — никто не успеет и глазом моргнуть. — заверил он её.

— Ты уверен, что все будет именно так? — продолжала сомневаться Арианна.

Люсьен помедлил с ответом.

— Нет, я не совсем уверен, я делал подобное только один раз, в лаборатории Родольфо. Но я подожду, пока мы не сядем в лодку. Уже темнеет, и ты прикроешь меня — отвлечешь внимание.

Было принято решение, что Арианна вернется на Беллецию и останется у тети Леоноры хотя никто уже не говорил об этом, как о наказании. Арианна почувствовала себя прощенной и теперь могла полностью наслаждаться пребыванием в городе. Но она волновалась за Люсьена.

Как только они закончили прощаться, что, как показалось Люсьену, заняло целую вечность, и братья вывели лодку в воды Лагуны, он подал сигнал Арианне. Казалось, это наилучший шанс, и, хоть они не были единственной лодкой, ближайшая была достаточно далеко для того, чтобы в темноте что-то заметить.

— Что это там? — взволновано вскрикнула Арианна, указывая в сторону города. Все тут же повернули головы, чтобы понять, о чем она говорит — и тут Люсьен исчез.

Она собиралась сказать им что-нибудь про падающую звезду или летающую рыбу, но была так поражена внезапным исчезновением Люсьена, что слова застряли у нее в горле. Только что он был рядом с ней, она чувствовала тепло его тела и прикосновение, и вдруг его не стало. Она задрожала.

— Что?

— Где?

К счастью, там было *кое-что*. Сигнальная ракета взлетела в ночное небо над собором, осыпаясь красными искрами, осветившими контуры знакомых крыш. В этот момент Арианна ощутила тепло вернувшегося Люсьена. У нее перехватило дыхание.

— У тебя очень хорошее зрение, племянница, — сказала Леонора. — хотя я не могу понять, что можно было увидеть *до* того, как взлетела ракета?

— Красиво, да? — сказал Томмазо.

— Наверное, синьор Родольфо готовит свое следующее представление, — предположил Анджело, — ко дню Маддалены.

— Это не похоже на сенатора. — возразила Леонора. — такая легкомысленность, как ты думаешь, Лючиано?

— Согласен, легкомысленность — это последнее, что можно подумать про него, — ответил Люсьен, который тоже дрожал. — Скорее всего, у него была серьезная причина запустить эту ракету.

Арианна промолчала. Она была так потрясена тем, что стала непосредственной свидетельницей страваганции, что до самого конца путешествия не произнесла ни слова.

Как только они прибыли в Беллецию и он проводил Леонору и Арианну домой, Люсьен помчался в палаццо Родольфо. Было уже темно, и он не заметил, что даже не одна, а две пары глаз наблюдают за ним из тени.

Альфредо впустил его, и Люсьен побежал вверх по лестнице, перескакивая через две ступеньки.

Дверь лаборатории открылась прямо перед ним, и он, задыхаясь, ввалился в комнату.

— Должен идти... успеть до того как мама... супермаркет... слишком сильно задержались на островах... большой переполох...

Он упал в кресло, сопровождаемый серьезным взглядом Родольфо.

— Мои зеркала поведали мне об этом. Я разрешил тебе пропустить утренние занятия, а не пропадать на целый день и забывать о возвращении в свой мир. Я чувствовал, что ты все еще здесь. Вот почему я пустил ракету.

— Я ее не видел, но наслышан о ней, — ответил Лучано, слегка отдышавшись, — Ладно, не важно. Я умираю — хочу расспросить вас о множестве вещей — о докторе Детридже, о бабушке Арианны, о рыбе мерлино и стеклянной маске, но мне пора. Я вернусь этой ночью, то есть, я хотел сказать, завтра утром.

Он сжал в руках тетрадь и провалился в медитацию. Его кружившиеся мысли замерли и начали опускаться, будто блески в стеклянном шаре, он почувствовал, как они уносят его с собой из лаборатории, из Беллеции, из Талии...

Родольфо еще долго стоял, смотрел на опустевшее кресло, затем вздохнул и сказал:

— Замечательно, просто замечательно.

* * *

От стены палаццо Родольфо отделились две тени и удалились в направлении ближайшей таверны. Одна была одета в синий плащ и шла с весьма важным видом, другая — в грубую рабочую одежду. Оба шпиона сошли с маленьких лодочек и, встретившись на причале Пьяццетты, обнаружили, что следят за одной и той же компанией. Пришло время пропустить по паре стаканчиков стрега и обменяться информацией.

Люсьен очнулся в тот самый момент, когда его мать вошла в дом. Он сбежал по лестнице столь же быстро, как до этого поднялся по другой в Беллеции и поприветствовал ее в холле.

— Давай, я помогу тебе разобрать сумки, — предложил он.

— Что ж, ты определенно выглядишь достаточно здоровым, — ответила она, и от ее сияющего вида он, наконец, испытал облегчение.

Но достать сумки из машины, перенести их в дом, распределить содержимое по полкам, морозильнику и холодильнику — это было для него задачей практически непосильной, и, закончив, он почувствовал, что сейчас упадет без сил. Как только это показалось ему безопасным, он изобразил зевок и спросил:

— Мам, ты не против, если я пойду прилягу? Кажется, я все равно слегка не выспался.

— Нет, — ответила она, ничего не подозревая, — иди и хорошенько вздремни, но примерно через час я принесу тебе чай. Я не хочу, чтобы ты потом не мог заснуть ночью.

Сон и отдых — Люсьен уже забыл, что это такое. Каждую ночь, засыпая, он пробуждался в другом мире. Упражнения и свежая пища, которые он получал там, шли ему на пользу. В реальном мире он прибавил в весе, к нему возвращался нормальный мышечный тонус, и даже начали расти волосы. Но как бы там ни было, он все равно оставался слабым. И сейчас он достал свою драгоценную тетрадь и положил ее на стол у кровати. На этот раз он хотел быть уверенным, что сможет нормально поспать.

Гвидо Парола был в отчаянии. Он должен учиться в университете в Падавии, но теперь на это не было денег. Его старший брат пропил и растранижил все семейное состояние и исчез. Их отец был тяжело болен, и он не мог заплатить врачу за лечение или хотя бы нанять сиделку. Его мать умерла, когда он был еще маленьким.

Было трогательно наблюдать, как высокий нескладный рыжий парень с нежностью заботится о своем отце. Но у них осталось всего несколько скуди, а он должен был покупать хорошую пищу, чтобы поддерживать в отце жизнь. На рынке его окликнул бывший сокурсник. Через пару минут они были в соседней таверне и Гвидо пил крепкое красное беллецианское вино, которым угостил его приятель, и изливал душу.

* * *

— Сегодня мы займемся приготовлением фейерверка! — объявил Родольфо, как только Люсьен вернулся в Беллецию следующей ночью. Солнце заливало лабораторию, и у Люсьена появилось странное чувство, что Родольфо может обратить ночь в день. Очень может быть, что он и вправду мог. Люсьен до сих пор не знал, насколько могуществен Родольфо. Ну а сегодня они займутся фейерверком.

— Это для Маддалены, — пояснил Родольфо, — ее праздник отмечают двадцать второго июля. И поскольку она покровительница Лагуны, я всегда делаю что-нибудь особенное. Более того, в этом году он совпадет еще и с открытием церкви, которую построили в благодарность за избавление от чумы, так что нам придется постараться как следует.

— Ариаина сказала, что ваше представление на Венчании с Морем было просто великолепным. Жаль, что я не смог увидеть его.

— Ты не сможешь увидеть ни одно из моих представлений, Лючиано, — ответил Родальфо мягко.

— Фейерверков не может быть при свете дня. Существуют вещи, для которых необходима темнота.

Горько было осознавать это, но он приступил к фейерверку и через некоторое время полностью погрузился в работу. Это было очень похоже на науку его мира: он смешивал порох с различными химикатами, которые окрашивали огонь в разные цвета. Но для особых фигур Родольфо использовал технику, которую Люсьен мог назвать лишь магией.

На его верстаке стояли стеклянные сосуды, содержавшие в себе разнообразные субстанции, сверкающие неземными цветами, и непостижимые объекты, которыми мог владеть только настоящий волшебник. Люсьен изумленно наблюдал, как Родольфо откупорил банку, в которой находилось что-то вроде миниатюрного скелета дракона, и пробормотал над ней несколько слов.

Содержимое мгновенно рассыпалось в мелкий зеленый порошок, им Родольфо набил ракету, над которой они работали, добавив вихрь красно-золотых искр, кружившихся в его руках, пока он засыпал их внутрь.

Он весело взглянул в лицо Люсьена и сказал:

— Дешевый эффект, но толпе всегда нравится, — и добавил: — Давай сделаем перерыв, прежде чем приступать к следующей.

Люсьен постарался не думать о всех красотах, которые ему не увидеть.

— Вы узнали что-нибудь о докторе Детридже? — спросил он, когда они вышли в сад на крыше.

— Пока нет, — ответил Родольфо. — Я отправил сообщения моим друзьям-стравагантам в Беллоне, Реморе, Гиглии — во все крупные города. На это у меня ушел весь вчерашний день. Хотелось бы мне иметь вашу магию, чтобы быстро справиться со всем этим с помощью телеграфа, о котором ты мне рассказывал. Но мне пришлось использовать науку зеркал, и это было весьма утомительно.

Зато теперь все ищут хоть какие-нибудь следы человека без тени, хотя пока никаких новостей нет.

— Родольфо, — внезапно спросил Люсьен, — зачем вы перенесли меня сюда?

Родольфо взглянул на него удивленно.

— Я не переносил тебя сюда, Лючиано. Я просто оставил талисман. Я не знал, кто найдет его. У талисманов свои способы найти правильного человека.

— Но почему вы сделали это?

— Каждый месяц, в полнолуние, я использую различные методы предсказаний. Несколько месяцев назад я гадал на картах и камнях, пытаюсь предсказать будущее, и все время выпадала странная комбинация, которую я не мог понять. В нее входили Герцогиня, опасность и юная девушка. Также там присутствовала книга, а я уже решил, что именно твоя тетрадь станет следующим талисманом. Мне показалось, что настал подходящий момент, чтобы отнести ее в твой мир, — Родольфо не стал упоминать карту смерти.

— А почему вы отнесли ее так близко к тому месту, где я живу и хожу в школу?

— Тогда я вообще ничего не знал о тебе. Я вернулся туда, где жил доктор Детридж, в Барнсбюри. В его времена это была маленькая деревенька. Теперь эта территория — часть твоего Северного Лондона.

Место, где раньше был его дом и лаборатория, изменилось до неузнаваемости. Я увидел то, что, как ты мне пояснил, было твоей школой, но тогда я не знал, что это такое. Здание было большим и в нем находилось много людей, поэтому я оставил талисман в соседнем доме, в надежде, что это достаточно близко.

— Как же вы попали в дом?

— Я просто бросил тетрадь в прямоугольное отверстие на двери.

— Я все равно не понимаю, зачем вообще вы принесли талисман в мой мир, — не мог успокоиться Люсьен, — чтобы появились новые страваганты?

— Можно сказать и так, — медленно ответил Родольфо. — Именно так поступал

доктор Детридж первые несколько лет. Но после него в наш мир пришло немного визитеров. Такое впечатление, что они приходили в наш мир только в качестве помощников в случае кризиса.

— А сейчас сильный кризис? — снова спросил Люсьен. Родольфо вздохнул.

— Слишком сильный. Киммичи хотят править всей Талией. Конечно, сейчас они говорят о республике, но можешь быть уверен — как только они приберут все к рукам, она превратится в королевство или даже в империю, как в старые времена, когда Ремора правила всем Серединым Морем и далеко за его пределами. Но Беллеция противостоит им.

— Они хотят, чтобы вы присоединились?

— Они хотят, чтобы Герцогиня подписала документ, подтверждающий присоединение Беллеции к их республике. Они пытаются присоединить Лагуну уже почти сто лет.

— Но вы же не воюете с ними? Я имею в виду, что ремский посол здесь, а он тоже Киммичи.

— Нет, не воюем. — продолжил Родольфо, — но взаимная ненависть установилась с ночи Стеклойной Маски — я так понимаю, ты слышал эту историю? — хотя мы ведем себя весьма цивилизованно. Несколько отравлений, кого-то зарезали. Но не открытая война. Киммичи предпочитают работать по-другому. Они усиливают свою власть в Талии интригами, заговорами, политическими браками и хитростью.

— А это правда, что Герцогиня отравила Мастера Стекла, потом убила ремского принца? — спросил Лючнано.

Родольфо пожал плечами:

— Возможно. Это в духе того, как поступают Герцогини. Они страшные враги. Всегда агрессивно и жестоко защищают свой город. Сильвия была бы безжалостна к любому, кто попытался бы отнять у нее Беллецию.

— Но принц просто танцевал с ней, — возразил Люсьен. — Ну, я имею в виду, с той другой Герцогиней.

— Он мог специально подставить ей подножку, когда она была в стеклянной маске, — предположил Родольфо.

— Ну а Мастер Стекла? Он ведь не хотел навредить ей, он действовал по ее собственному приказу. Почему она его отравила?

— Его творение повредило ее красоту. А она была Беллецией. Это то же самое, что взорвать собор, — ответил Родольфо, — так считают все беллецианцы. Они вовсе не были шокированы ее действиями.

— Но, похоже, вы сами этого не одобряете?

— В общем-то да, ведь он был моим предшественником. Многие мои фейерверки основаны на его произведениях. Ну все, пора заняться главной фигурой завтрашнего представления!

* * *

Ринальдо ди Киммичи терял терпение. Он был в Беллеции уже несколько месяцев и устал от этого ужасного города. Каждая поездка приносила дискомфорт; ему пришлось оставить карету на материке из-за дурацкого беллецианского закона насчет лошадей и брать лодку, одного вида которой его начинало тошнить.

Его апартаменты были роскошными, но само пребывание в этом городе просто убивало. Из-за запаха, доносившегося от каналов, ему приходилось дышать через смоченный духами носовой платок большую часть времени, и он требовал, чтобы всю его оду пробовали, так как боялся Герцогини. Он был уверен, что обычными аргументами ее не переубедить.

Тек что он с неохотой послал за высоким рыжим парнем с мерлинским кинжалом, спрятым под плащом.

— Ну почему она не может просто подписать? — вслух спросил посол сам себя. Он пытался выработать план дальнейших действий. В конце концов. Герцогиня — обычная женщина. — И что такого особенного в этой болотистой деревне-переростке, что она так отстаивает ее независимость?

Гвидо Парола промолчал. Ремора более чем щедро платила ему за работу, но Герцогиня была Беллецией, а Беллеция была его городом. За большие деньги его можно было склонить напасть на нее, но никаких денег не хватило бы, чтобы заставить его критиковать ее — это было бы предательством.

— Как бы там ни было, ты получил приказ. Праздник Маддалены. Не обращай внимания на ту Герцогиню, которой будет аплодировать толпа. Настоящая будет в государственной мандоле. Там не будет места для стражи — только служанка или две. И, в соответствии с моей информацией, синьор Родольфо, который неотступно оберегает ее, будет занят фейерверком.

Парола кивнул. Будет легче, если там будет две Герцогини. Легче сделать это и легче убедить себя, что настоящая — на мосту, а эта, в лодке, — обычная женщина среднего возраста.

* * *

— А теперь над этим мы поработаем вместе, — сказал Родольфо. — Ты сможешь сделать еще несколько ремских свечей и ракет завтра, самостоятельно.

Он сдернул покрывало с большой проволочной конструкции, стоявшей в углу лаборатории. Она представляла собой женщину с длинными волосами.

— Вот она, — сказал Родольфо, — наша святая покровительница. Волосы — самая важная часть.

Ты знаешь историю про то, как она омыла ноги Господа и вытерла их своими длинными волосами?

— Я знаю лишь то, что Мария Магдалина сделала в моем мире, — сказал Люсьен. — Пс крайней мере, я знаю, что эта история есть в Библии, — он все еще не знал, во что верят беллецианцы. Их церкви казались странной смесью знакомого ему христианства и древних языческих верований.

— Мария Маддалена, — кивнул Родольфо, — это та же история. Когда-то наша святая была грешницей. Она была спасена и стала почти такой же важной в Серединном Море, как наша Госпожа богиня. Ты должен был слышать историю о том, как она победила дракона, пролив на него слезу. Так, а теперь поддержи-ка эту банку.

Они проработали остаток утра, понимая друг друга без слов. К ленчу каркас фигуры был наполнен взрывчаткой и минералами, которые впечатляюще осветят его на фоне неба,

— Займемся волосами, — наконец сказал Родольфо. Люсьен кое-что припомнил.

— В моем мире у Марии Магдалины были золотые волосы, но вы не цените золото здесь, в Беллеции.

Родольфо был слегка удивлен.

— Золотые волосы очень необычны для Талии, и мы бы оценили их — это же не презренный металл, — но это не годится для Маддалены. У нашей покровительницы были черные волосы, — сказал он. — Но ты прав, тут есть затруднение — черные волосы не будут видны в ночном небе.

Он отошел и достал с верхней полки стеклянную банку, которой они не использовали еще ни разу.

Она ярко сияла в его руках и отбрасывала на стены цветные блики. Люсьен прикрыл глаза рукой.

Когда он наконец смог рассмотреть сосуд, то понял, что он полон радуг. Родольфо улыбнулся, видя изумление своего ученика.

— Мы украсим ее волосы лунной радугой, — пояснил Родольфо. — В день праздника будет полнолуние и серебряный свет луны засияет всеми цветами. И каждый настоящий беллецианец нырнет в канал за настоящим серебром, которое можно найти на конце каждого локона.

Именно в этот момент Люсьен решил, что останется в Талии на фейерверк Родольфо, чего бы это ему ни стоило.

Глава 9

ДВЕНАДЦАТЬ БАШЕН

Герцогиня провела все утро, председательствуя в Совете. Двести сорок советников никак не могли прийти к согласию по поводу нескольких криминальных дел, бывших на повестке дня, и Герцогиня с трудом удержалась от зевка.

Возможно, она изобретет какую-нибудь специальную большую маску для заседаний Совета, подумала она, такую, что закрывала бы не только глаза, но и рот. Она не могла использовать замену для подобных важных криминальных процессов, на которых ей часто приходилось голосовать и всегда — провозглашать приговор.

Сегодня только один из преступников был признан виновным и отправился через Мост Вздохов в подземелье.

— Похоже, с возрастом я становлюсь мягче, — произнесла Герцогиня, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Конечно, нет, Ваша Светлость, — отозвалась самая младшая из ее служанок, но сразу же испуганно закрыла рот руками. — Я имела ввиду, миледи, то вы совсем не стары, а не то, что вы мягки, это я имела ввиду.

Герцогиня решила изобразить, что ее это позабавило.

— Как тебя зовут, дитя?

— Барбара, миледи, — ответила девушка, делая реверанс.

— Хорошо. Скажи, Барбара, это тебя я отправила разузнать все о той девчонке с площади? Есть ли какие-нибудь новости?

— Да, миледи. Внизу ждет человек.

— Так почему же он не поднимается?

— Миледи, портниха ожидает вас для последней примерки наряда к празднику Магдалены, — ответила другая служанка. — Мы подумали, что вы не захотите откладывать это. Герцогиня ненадолго задумалась.

— Что ж, хорошо. Пошлите кого-нибудь удостовериться, что вестник не скучает, я приму его, как только уйдет портниха. Надеюсь, оба платья готовы.

* * *

Арианна не могла дождаться очередной встречи с Люсьеном. Со времени инцидента на лодке она умирала от желания расспросить его о том, что произошло. Как только, бродя по улочкам Беллеции, они остались одни, она спросила:

— Ну, как все прошло? У тебя были неприятности?

— Почти, — ответил Люсьен. — еще бы чуть-чуть и...

— Мы не должны допускать, чтобы это повторилось, — серьезно сказала девушка. — Нам просто повезло, что мы были в лодке посреди Лагуны, и вокруг никого не оказалось. Иначе ты бы стал настоящей сенсацией, о которой ди Киммичи непременно узнали бы.

Немного поколебавшись, Люсьен решил довериться Арианне.

— Конечно, мы не должны допустить, чтобы это случилось вновь. Но я совершенно сознательно попытаюсь организовать все для того, чтобы остаться здесь на всю ночь.

Арианна остановилась и посмотрела на него с тревогой.

— Как ты это проделаешь? И, главное, зачем?

— Я собираюсь убедить родителей оставить меня одного на весь день. И отправлюсь сюда. Я не могу пропустить праздник — я все утро готовил фейерверк.

— Родольфо знает об этом?

— Я не скажу ему, — уверенно ответил Люсьен, хотя на самом деле сильно сомневался в этом решении. Что если Родольфо почувствует, что он остался в Беллеции? Он был уверен, что волшебник не одобрит этого.

* * *

Портниха не забыла приготовить два платья, совершенно при этом не догадываясь, что одно из них предназначается для той, кого Герцогиня использует, чтобы подменить себя на время праздника. Как и все швеи Беллеции, она была уверена, что Герцогиня невероятно тщеславна, и второе платье, как и все другие, которые она надевала для особых случаев, будет выставлено в комнате дворца, открытой для посетителей. Портниха понимала, что оно должно иметь зауженную талию и спадать аккуратными мелкими складками от бедер. Сама она никогда не ходила на праздники и не могла заметить, какой юной будет выглядеть Герцогиня, легко переходя с лодки на лодку по импровизированному мосту, который протянется через Большой Канал к новой церкви.

И платье Герцогини и его копия были просто чудесны. На самом деле платье Герцогини было всего на один размер больше, хотя вряд ли кто-нибудь сейчас принял бы ее за юную девушку. Но она пользовалась заменами вовсе не из тщеславия, которого у нее без сомнения было в избытке. В первый раз ей пришлось сделать это по особой причине, почти шестнадцать лет назад. Сейчас ей даже нравилось рисковать, зная, что обман может раскрыться. Сильвия была очень деятельна. Она была Герцогиней уже два с половиной десятилетия и хотела сделать для города что-нибудь более полезное, нежели носить прекрасные платья (особенно сейчас, когда угроза со стороны Кимичи так сильна). Хотя это платье было особенно красивым — фиалкового цвета атлас прекрасно подходил к ее глазам, сиявшим из-под бледно-лиловой маски, украшенной серебряными блестками и окантованной пурпурными перьями. Она была сделана специально для праздника.

Прихорашиваясь перед зеркалом, она казалась похожей на райскую птичку.

— Превосходно! А теперь помоги мне снять его, я спешу принять следующего посетителя.

Портниха постаралась управиться как можно скорее и была вознаграждена пирожными и вином, ждавшими ее в соседней комнате. Она с любопытством разглядывала визитера в грубой рабочей одежде, прошедшего в личные апартаменты Герцогини. Он совершенно не был похож ни на изготовителя масок, ни на парикмахера, да вообще ни на кого из людей,

заботившихся о внешнем виде или туалете Герцогини.

— Входи, входи, — сказала Герцогиня, поправляя простую маску из зеленого шелка, на которую она сменила официальную, как только портниха ушла. — Рассказывай, что ты узнал о девочке.

— Почему бы вам с папой не вернуться к нормальной жизни? — предложил Люсьен. — Мне уже значительно лучше. Ты снова могла бы преподавать в школе, мам.

Вики Малхолланд была учителем музыки. Она преподавала в нескольких школах в округе, обучая детей игре на скрипке, а во время каникул принимала учеников у себя дома. Но с тех пор как Люсьен заболел, она практически не работала.

— Не знаю, — ответила она. — По-моему еще рановато оставлять тебя одного.

— Не глупи, Вики. — ответил отец, — думаю, Люсьен пытается очень тактично объяснить, что хочет провести время сам или со своими друзьями. Пойми, тебе больше не нужно его нянчить.

Люсьен был благодарен. Прежний папа никогда бы не заметил ничего подобного.

— Да, на самом деле я планировал пообщаться с Томом, — сказал он. — Нам нужно многое наверстать. Но и сам по себе я прекрасно проведу время. Я знаю, что мне еще нельзя в школу, но это почти как каникулы, и я могу отдохнуть недельку-другую.

— Ладно, но только если ты обещаешь, что при тебе всегда будет мой мобильный номер, так что, если тебе станет хуже, ты сразу же позвонишь.

— Мама! — сердито вскрикнул Люсьен, на самом деле чувствовавший себя виноватым зато, что задумал небольшой обман. — Когда же ты на конец поймешь, что я не стеклянный! Последняя проверка показала, что мое состояние стабильно, опухоль уменьшается. Доктор сказал, что после каникул я могу идти в школу. По-твоему, я должен просидеть все каникулы дома, чтобы ты не волновалась?

Она вздохнула.

— Наверное, ты прав. Я знаю, что слишком сильно переживаю за тебя.

Она улыбнулась и провела рукой по его пушистой голове.

— Но я все равно запишу тебе номер моего мобильного.

Когда Люсьен вернулся в Беллецию, он нашел Родольфо очень возбужденным: мысли о предстоящем фейерверке явно вылетели у него из головы. Ученый был одет для путешествия — на нем были кожаные сапоги и плащ — и приготовил такой же наряд для Люсьена.

— Отлично! Ты сегодня рано. У нас впереди серьезная многочасовая поездка. — сказал он, как только Люсьен материализовался в его лаборатории. — Мы едем в Монтемурато — по-моему, я нашел доктора Детриджа.

На расспросы времени не было. Альфредо вывел мандолу по каналу мимо *Scuola Mandolera*, и они направились к дальнему концу острова, где ждала лодка, которая доставит их на материк.

Пока они скользили по воде. Родольфо вводил Люсьена в курс дела.

Один из членов Братства видел Детриджа в Беллоне около двух лет назад, уже после того как я видел его в последний раз. Однако с тех пор он не вступал в контакт ни с кем из *страваганти*. Но до одного из братьев в Реморе дошли слухи, что в Монтемурато поселился англичанин. Это нужно расследовать.

— А где это? — спросил Люсьен, странно чувствуя себя в этих комичных сапогах.

— На материке, более чем в часе езды от берега, — ответил Родольфо.

Люсьен сглотнул. Он никогда в жизни не сидел на лошади. Ему не хотелось признаваться в этом, но, как только они высадились и Люсьен увидел огромное животное, ждавшее их прямо на причале, сердце его ушло в пятки. Он не мог представить, как сможет ехать на чем-то подобном.

Когда, неся деревянную подставку, подошел конюх, Люсьен открыл было рот, чтобы объясниться, но Родольфо опередил его.

— Я сяду и посажу тебя впереди себя. Это создание достаточно сильно и сможет нести нас обоих.

Главное — хорошенько держись, и ты будешь в полной безопасности. Хотя будет и не совсем удобно.

Люсьен испытал такое облегчение, что совершенно не боялся во время поездки, хотя лошадь неслась с огромной скоростью. Она была очень сильна, но Люсьен был уверен, что Родольфо шепнул ей на ухо какое-то заклинание перед тем, как они тронулись в путь: ни одно обычное животное не могло передвигаться так быстро — пейзаж вокруг них смазывался в движении.

Постепенно они замедлили ход, и Люсьен смог разглядеть вдали холм, на котором находился окруженный стенами город. Когда они подоברались поближе, Люсьен увидел, что в стены встроено множество дозорных башен.

— Монтемурато, — сказал Родольфо, заставляя лошадь перейти на шаг. — Горакрепость. Город окружают двенадцать башен. На каждой из них — дозорные. Подходящее место для кого-нибудь, скрывающегося от смертного приговора, тебе не кажется?

Дозорные явно не дремали, поскольку в воротах под ближайшей из башен появилась стража.

Родольфо легко спешился и помог Люсьену, у которого с непривычки затекло и болело все тело.

Ему пришлось держать лошадь под уздцы, пока Родольфо объяснялся со стражниками.

— Мы ищем англичанца, — сказал он. — ученого человека с седой бородой. Нет, я не знаю, как его зовут. Скорее всего, Гульельмо, фамилия начинается на Д.

— Я не знаю никого, подходящего под ваше описание, — пожал плечами стражник, — но если вы ищите ученого, то начните с университета, — он сделал отметку на куске пергамента и отдал его Родольфо.

— Это дает вам и вашему компаньону разрешение остаться в Монтемурато до захода солнца.

Задержавшись, вы нарушите закон.

— Спасибо, — ответил Родольфо, ободряюще взглянув на Люсьена, — мы уедем гораздо раньше.

Мне нужно найти конюшню, чтобы оставить лошадь. Стражник указал им, куда идти, и путешественники вступили на узкие мощеные улицы города. Они купили бутылку вина, хлеб, оливки и персики, остановились и пообедали, присев на каменные ступени под фиговым

деревом напротив дверей университета.

Приходили и уходили профессора, одетые в мантии, некоторые в роскошные, другие — в старые и залатанные. У одного или двух даже были седые бороды, но под полуденным солнцем их тени были ясно видны. Видя это, Люсьен постарался получше спрятаться в тени дерева. Родольфо хмурился.

— Что-то не так, — сказал он, наконец. — Я не думаю, что он здесь.

— Может, он внутри? — спросил Люсьен. — Читает лекции или проводит эксперименты..

— Возможно, — ответил Родольфо, понижая голос, — но мы, *страваганти*, обычно чувствуем друг друга, когда находимся близко. Нас притягивает друг к другу, так же, как притянуло мое зеркало к тебе. Ты бы сам нашел меня, даже если бы я не послал за тобой Альфредо. Давай, ты ведь тоже один из *страваганти*, ты, возможно, чувствуешь, что рядом находится еще один член Братства?

Люсьену пришлось признать, что нет. Родольфо поднялся, и в этот момент колокол пробил час.

Обычно в это время они заканчивали уроки в лаборатории Родольфо.

— Арианна! — спохватился Люсьен. — Она будет ждать меня!

— Не беспокойся. — ответил Родольфо, — я послал ей сообщение о том, что сегодня нам придется уехать. А сейчас идем, поищем его в других местах.

Люсьен улыбался, пока они шли по городу. Он представил, как Арианна будет жалеть, что пропустила эту поездку. Будучи просто влюбленной в Беллецню, она с неменьшим интересом относилась ко всяким путешествиям, а в Лагуне для этого было мало возможностей.

Монтемурато казался Люсьену кусочком исторического фильма. Все улицы были мощеными, дома затейливо разукрашены, а вокруг города возвышались двенадцать башен. Здесь легко можно было представить себе рыцарей, поединки на шпагах, убийства, вероломство и интриги. Он заметил, что в домах было по две двери: одна массивная деревянная, на металлических петлях, с молотком, а вторая — более новая, но меньше, расположенная чуть выше, квадратная, размером примерно три фута. Он спросил об этом Родольфо.

— Меньшие — это двери смерти, — сухо сказал Родольфо. — Многие люди сделали их во времена Великой Чумы двадцать лет назад. Они для гробов.

Люсьен вздрогнул, хотя только что грелся под теплыми солнечными лучами. «Кто-то ходит по моей могиле». — подумал Люсьен. В шестнадцатом столетии люди относились к смерти весьма практично. А в его мире и его времени об этом говорить не принято. Пока они продолжали поиски доктора Детриджа, он все время старался избавиться от мыслей об этом.

Они искали в библиотеке университета, в музее, во множестве церквей и даже в маленькой обсерватории на самом верху одной из башен. Никто не видел человека, похожего на *страваганте*. Через некоторое время Родольфо нехотя повернул обратно к башне, через которую они попали в город.

— Мне жаль, Лючиано, — сказал он. — глупо было тащить тебя суда, не разузнав все как следует.

— Да нет, я совсем даже не против. — ответил Люсьен, — это было очень интересно.

Тем временем они подошли к конюшню забрать лошадь и вдруг Родольфо внезапно

сжал его плечо.

— Это он! — прошептал Родольфо.

Во дворе седой, но гладко выбритый мужчина чистил лошадь, мелодично насвистывая себе под нос. По меркам Люсьена, он не был старым, может, чуть старше его родителей. Но сильно сутулился, и зубы его были в не очень хорошем состоянии.

— Это не может быть он. — прошептал в ответ Люсьен. — Смотрите!

Он указал на пол конюшни. Свет клонившегося к закату солнца заливал двор, и на присыпанных соломой камнях мостовой были четко видны тени лошади и человека.

Но Родольфо уже поспешил к конюху.

— Доктор, — услышал Люсьен мягкий голос Родольфо, и незнакомец от удивления выронил скребок. Через мгновение они обнялись, и «конюх» смахнул с глаз слезы выдавшим виды платком.

— Но что вы делаете здесь? — спросил Родольфо. — Мы ожидали найти вас в университете.

Детридж, а это был именно он, тревожно взглянул в сторону Люсьена.

— Нет, все это уже позади. — ответил он. Речь его звучала как-то необъяснимо старомодно, возможно из-за того, что он слегка картавил.

Родольфо оглянулся вокруг, проверяя, не наблюдает ли кто за ними.

— Не волнуйтесь, парень — один из нас. Лючиано, выйди на солнце. Смотрите!

Люсьен чувствовал себя неловко, делая шаг вперед. На солнце без тени он чувствовал себя голым.

Детридж торжественно пожал ему руку.

— Рад познакомиться, молодой человек, и добро пожаловать в Братство. Я не ожидал встретить кого-нибудь с той стороны.

* * *

Герцогиня жаждала информации, поскольку человек в грубой одежде рассказал ей не так много нового. Она уже знала о приключениях девочки и теперь желала выяснить, та ли она, кем она ее считает.

— Ты говоришь, они направились на острова? У нее братья в Мерлино, бабушка с дедушкой в Бурлеска, а отец — куратор музея на Торроне? Ты уверен, что ничего не перепутал?

— Абсолютно уверен, — ответил он. — И сейчас она живет здесь в Беллеции с тетей Леонорой, в доме с фонтаном, на Кампо-Сан-Сульен.

— Леонора, — задумалась Герцогиня. — Наверное, это вдова брата Жанфранко.

— Синьора Гаспарини, си. — подтвердил информатор. Наступила тишина.

— Госпожа, — помедлив, спросил он, — мне разузнать что-нибудь еще?

— Герцогиня взяла себя в руки.

— Нет. Спасибо тебе. Я знаю все, что нужно. Ты был очень полезен.

Она дала ему кошелек, набитый серебром.

— Значит, — сказала Герцогиня самой себе. — новая фигура вступила в игру. Та, которую я ждала с той самой ночи, когда Родольфо сообщил мне о своих странных предсказаниях. Станет она пешкой или королевой? Посмотрим.

Родольфо, Люсьен и доктор Детридж сидели в таверне. У них оставалось мало времени, Люсьен должен был вернуться в свой мир, и никто не понимал этого лучше елизаветинца. Но он не поехал с ними в Беллецию.

— Я не могу, — сказал он, — потому что этот город безопасен, и он мне нравится.

Слушать его было странно, Люсьен предполагал, что должен разговаривать на тальянском, как и все, кого он встретил в этом мире. Он понимал доктора не хуже, чем Родольфо или Арианну. Но его речь звучала так, как будто он пришел из прошлого, то есть жил лет четыреста назад, хотя доктор жил здесь в настоящем времени, которое Люсьен посещал. И когда мальчик начинал думать об этом, ему казалось, что доктор говорит на староанглийском, а не на тальянском. Люсьен потряс головой: слишком уж трудно было все это понять. Он постарался сосредоточиться на предмете беседы.

— Но что произошло? Расскажи нам, — спрашивал Родольфо. — Как ты стал жителем Талии?

Детридж явно чего-то опасался. Он оглянулся назад и понизил голос.

— Меня приговорили к смерти через сожжение. Они говорили, что я связан с дьяволом. Не было никакой возможности бежать, и я *стравагировал* в Беллону. Я не знаю, что стало с моим телом.

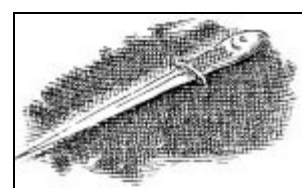
Трясущейся рукой он взял стакан и сделал несколько глотков.

— Я прятался в городе. У меня не было ни денег, ни работы, я продолжал опасаться за свою жизнь. Поэтому я перебрался сюда, нашел отличную работу и все время держался в тени, чтобы никто не заметил моего состояния. Потом ко мне вернулась моя тень. В тот день я осознал, что умер в старом мире и перенесен сюда навсегда.

Он посмотрел на Люсьена.

— Вам очень повезло, юноша. Вы можете путешествовать туда и обратно между мирами, по пути, который я открыл. Но для меня он теперь закрыт. Теперь это мой единственный мир.

Глава 10

МОСТ ИЗ ЛОДОК

Встреча с доктором Детрижем встревожила Люсьена больше, чем все, что приключилось с ним в Талии. До этого момента он всегда мог убедить себя, что все, что происходит с ним в Беллеции, — это фантазия, что-то вроде сна наяву. Две его жизни были настолько различны, что ему легко было продолжать жить каждой из них, не задумываясь о другой. Но, встретив другого *страваганте*, пришельца из его мира, он был потрясен. И не просто другого *страваганте*, а человека, который начал все это сотни лет назад. А теперь этот человек был обречен до конца своей жизни оставаться в чужом мире.

Время, оставшееся до праздника Маддалены, пробежало быстро в обоих мирах. Лючиано делал фейерверки, много разговаривал с Родольфо о докторе Детридже и продолжал свои послеполуденные прогулки с Арианной, с завистью выслушавшей его рассказ о путешествия в Монтемурато. Люсьен же тратил все силы на то, чтобы вести себя нормально и казаться своим родителям здоровым, чтобы они оставляли его одного на весь день.

Но в Талии тоже были проблемы. Люсьен был уверен, что за ним следят. Он видел человека в синем плаще несколько раз во время их с Арианной путешествий и был умерен, что заметил его в Монтемурато, и теперь постоянно искал его взглядом.

Поначалу это не слишком озаботило его, но находиться под наблюдением — это все равно как иметь язву на языке — забыть невозможно ни на секунду. Он раздумывал, говорить ли об этом Родольфо и если говорить, то когда. Он все еще не сообщил ему о своем намерении остаться на праздник.

Вдень Маддалены Люсьен проснулся уставшим после того, как всю ночь помогал Родольфо устанавливать фейерверк на плоту в устье Большого Канала. Большие фигуры. в частности саму Маддалену, пришлось переносить с помощью смеси магии и тяжелого физического труда.

Родольфо уменьшал их размеры так, чтобы их можно было пронести в двери лаборатории и вниз по лестнице к каналу, а как только они оказывались на барже, возвращал им прежние монументальные размеры.

Люсьен договорился с Арианной, что зайдет за ней к ее тете, как только оставит Родольфо и *стравагирует* домой, чтобы проверить, как там дела. Леонора дала молодым людям разрешение посетить праздник. Хотя ей и сообщили, что Люсьен принадлежит к другому миру, она никогда об этом не вспоминала и, казалось, считала его самым подходящим компаньоном для Арианны.

В его мире было воскресенье, и Люсьен поначалу очень беспокоился о том, что его родители останутся дома на весь день. Но ему удалось уговорить их отправиться погулять. Теперь он изо всех сил старался не заснуть и изображал на лице улыбку в течение всего завтрака, пока они потратили целую вечность на поедание грейпфрутов и круассанов, а также чтение газеты. Наконец, они ушли, и он поднялся к себе часок подремать. Чтобы мама

не беспокоилась о том, что он останется один на весь день, Люсьен позвонил Тому и пригласил его прийти утром.

Ремский посол нервничал. Он должен был сопровождать Герцогиню по мосту из лодок к Чизеа дель Грацие, зная, что грациозная женщина, которую он держит за руку, всего лишь какая-то крестьянка с хорошей фигурой. Из-за шума фейерверка они не будут разговаривать, и это поможет ему отвлечься от того, что должно будет произойти в государственной мандоле.

Когда в посольство был вызван для обычного отчета Энрико, посол был рад отвлечься от мыслей предстоящем. Он не доверял шпиону, но тот определенно был полезен; без него сегодняшний план не был бы разработан.

Сейчас он опять выглядел так, будто принес информацию достойную, но его мнению, солидного вознаграждения, и ему явно не терпелось все рассказать.

— Ну хорошо, давай выкладывай, я же вижу что тебе не терпится что-то сообщить.

— Это о мальчике, ваше превосходительство, подмастерье сенатора. В соответствии с вашими приказами, я следил за ним с того самого дня, как увидел, что его привезли в палаццо синьора Родольфо. Касательно него есть, несколько фактов, которые трудно объяснить.

— Присаживайся и продолжай, — сказал посол, наливая Энрико вино в большой кубок.

— Ну, они говорят что он из Падавии, кузен или что-то такое. Но в семье Росси никто не слышал про Лючиано. Я проверял это лично. Далее, он никогда нигде не показывается после заката, только днем.

— Это все, конечно, занимательно, — холодно сказал посол, — но вполне объяснимо: я уверен, что сенатор очень строгий учитель.

— Да, о как насчет этого? — спросил Энрико. — Я следил за ним, когда он плавал на острова со своей маленькой подружкой, Они побывали в музее стекла, поговорили с какими-то рыбаками, посетили собор Торроне.

— Очень занимательно. — прервал его посол, — но я не понимаю...

— Со всем уважением, ваше превосходительство, — в свою очередь прервал его Энрико, — позвольте мне все вам объяснить. Это произошло, когда они возвращались обратно с Торроне. Уже стемнело, а значит, мальчик находился в необычном положении. Это был единственный раз, когда я видел его вечером, и я особенно внимательно наблюдал за ним. И вдруг его там не стало: только что он был на месте, и через мгновение его там не было. И также мгновенно спустя он вернулся, как будто ничего и не было. — Посол выглядел скучающе.

— И это все? Я имею в виду, что это, конечно, интересно, но может быть, это игра света или что-то такое. Если ты был в другой лодке, ты не мог подплыть достаточно близко. И ты сам сказал, что уже стемнело.

— Может быть, — сказал Энрико, — и, скорее всего, я бы не придавал этому значения. Но вот еще кое-что, в дополнение. еще одна маленькая странность — у него нет тени.

Эти слова поразили посла, будто удар током. Он выпрыгнул из кресла, разом сбросив маску равнодушия и схватил Энрико за горло, удивив того необычайной силой. Шпион

облился вином, уронил бокал и почти выпал из кресла.

— Что ты сказал? — прошипел посол. — В какие игры пытаешься играть со мной?

Энрико с трудом ответил ему:

— Пожалуйста... превосходительство... никаких игр... это правда... нет тени...

Наконец посол отпустил его.

— Тебе же лучше, если ты это не выдумал. Не обижайся, — сказал он, снова наливая вино им обоим. Энрико выпил свое большими жадными глотками, массируя горло. Но хотя его шея ощутимо болела, внутри он ликовал. Все это означало большие деньги.

Когда Том позвонил в дверь, Люсьен еще спал. Он спускался, протирая глаза, но все-таки уже чувствовал себя человеком.

— Привет. — сказал Том. — я думал, тебе уже лучше.

— Так и есть, честно, — ответил Люсьен. хотя ему было немного не по себе от мысли, что он собирается использовать Тома. Том принес массу CD и фотографии с дискотеки. Том был очень разговорчив, потому что, наконец объяснился с Кати, и теперь они были парочкой. Люсьен радовался, что ему не приходится много говорить, поскольку мыслями он был в Беллеции, предвкушая ночное празднество.

Если бы год назад его спросили, что он предпочитает: дискотеку или смотреть фейерверк со множеством взрослых в масках, он бы даже не стал задумываться над ответом, думал Люсьен. Не стал бы он задумываться и сейчас.

Посол ходил по комнате в величайшем возбуждении. Все наконец было в его в руках — Беллеция, королевство и, наконец, разгадка тайны, которую семья ди Киммичи пыталась узнать многие годы. И теперь он, Ринальдо, станет одним из самых важных членов семьи. Может, даже возглавит ее! Его амбиции не знали границ. Перед его глазами встало видение серебряной короны.

* * *

— Кто будет на этот раз? — спросила Герцогиня, но тема тут же ей наскучила. — Нет, не говорите мне. Просто наденьте на нее платье, объясните, что делать и отправьте на мост.

Она поправила свою лилово-серебряную маску и пошла на встречу с послом в особую комнату для формальных аудиенций. Она была отделана стеклами и зеркалами и создавалась для того, чтобы смущать и сбивать столку посетителей, так что Ринальдо ди Киммичи оказался окружен отражениями прекрасного фиалкового видения.

— Я здесь, — с издевкой сказала Герцогиня, и на этот раз посол был так рассержен тем, как она с ним обращается, что все сомнения насчет покушения разом вылетели из его головы. К концу праздника Беллеция будет в его руках, а значительно большая цель — в пределах досягаемости.

Герцогиня и ее свита прошли по Пьяццетта, где была пришвартована черно-серебряная государственная мандола и еще одна, не столь украшенная, мандола позади. Ди Киммичи формально сопровождал Герцогиню на первое судно, где она мгновенно скрылась за плотными серебряными занавесями кабинки в центре, поднялся на борт второго судна, и обе мандолы отправились к устью Большого Канала.

Люсьен и Арианна стояли у самой воды и ожидали фейерверка. Герцогиня должна будет пройти в сопровождении посла по мосту из лодок к новой церкви и объявить о ее открытии. В этот момент начнется фейерверк. Пока епископ Беллеции будет проводить церемонию освящения, государственная мандола проплывет через канал, чтобы забрать Герцогиню и доставить обратно на площадь. В ее палатце будет устроен праздник для всех высокопоставленных государственных и церковных лиц, тогда как люди, по обычаю Лагуны, будут веселиться на Пьяцца.

— Жду не дождусь, так хочется увидеть фейерверк! — взволновано сказал Арианна. — Разве тебя не возбуждает мысль, что ты принимал участие в его изготовлении? А что будет самым лучшим?

— Это секрет, — ответил Люсьен, — подожди, и сама все увидишь.

Он очень нервничал, так как не мог не думать о той что Родольфо в любую минуту может понять, что он не вернулся в свой мир, и прийти за ним прямо сквозь толпу, чтобы отправить его домой.

Кроме того, он был уверен, что среди людей на берегу канала он заметил человека в синем плаще.

Он знал последовательность фейерверка и собирался исчезнуть сразу после радужных волос Маддалены. У него все еще осталось неприятное чувство оттого, что он сказал Тому после ленча, что слишком устал. Он никогда не забудет выражения лица Тома, когда он отослал его домой — наполовину разочарованное и наполовину какое? Понимающее? У Люсьена было противное ощущение от мысли, что второй эмоцией было облегчение.

Он постарался выбросить эти мысли из головы. Если в том мире его лучшему другу было скучно в компании инвалида. то в этом мире его лучший друг был очень ему рад Люсьен улыбнулся, глядя на оживленное лицо Арианны. Она определенно знала, как получить удовольствие. Он решил, что до конца вечера будет вести себя как истинный беллецианец и жить одним мгновением.

* * *

Внутри государственной мандолы было очень тесно. Герцогиня, ее двойник и одна служанка втиснулись в кабинку, предназначенную, как максимум, для двоих. Вторая «Герцогиня» была ужасно напугана, это было видно даже по глазам под маской. Но насколько ей было страшно, настолько настоящей было скучно, что случилось с ней в последнее время все чаще.

Все стало гораздо труднее с тех пор, как она увидела ту девчонку на площади.

Усталость и неудовлетворенность собственной жизнью захлестывали ее. Для нее было пыткой находиться здесь со служанкой и этой глупой деревенской девкой, которая была способна сыграть ее роль под действием мысли о кошельке с серебром.

«Я не знаю, сколько еще смогу вынести этих представлений. — думала она. — Но мне

хотя бы не приходится идти с этим болваном послем, с его бесконечными разговорами о договоре и ужасным вонючим платком. Честно говоря, как-то ожидаешь, что ди Киммичи должен пользоваться хорошими духами, скажем из Гильгии, где достигли совершенства в их изготовлении».

И когда он появился у кабинки, Герцогиня практически вытолкнула дрожащую двойника наружу.

Но дрожь молодой девушки не была заметна в мерцающем свете факелов, и Ринальдо ди Киммичи пришлось Приложить усилия, чтобы поверить, что он ведет ненастоящую Герцогиню.

Медленно и аккуратно они переходили с одного качавшегося на воде судна на другое.

Продвигаться вперед приходилось с большой осторожностью, так как один неверный шаг — и они оба окажутся в вонючем канале. От этой мысли он содрогнулся и еще плотнее прижал кружевной платок к носу. Толпа на берегах ликовала. Они очень любили свою Герцогиню, и при каждом появлении на публике она казалась им еще прекраснее. Один ее вид заставлял их верить, что город в безопасности и является самым важным и знаменитым в стране. В Когда сиятельная пара достигла середины моста из лодок, первая ракета взлетела и взорвалась точно над их головами, осветив все вокруг целым водопадом фиолетовых и серебряных искр.

Настоящая Герцогиня, наблюдавшая за ними сквозь щель в шторах, улыбнулась. Родольфо всегда уделял массу внимания деталям. Он обязательно узнавал, что она наденет на праздник, перед тем как готовить свой фейерверк

Неподалеку от государственной мандолы Люсьен был переполнен гордостью.

— Это одна из моих! — прокричал он Арианне сквозь шум толпы. Она улыбнулась ему, ее фиалковые глаза сверкали не меньше фейерверка над ней. Она сжала его руку, и он ответил ей тем же.

Высокая фигура пробиралась сквозь толпу к государственной мандоле. Никто не обращал на нее внимания. Глаза всех были устремлены на процессию на мосту и на феерию света и цвета, освещающую их путь.

По небу пронеслась стая серебряных птиц. Затем павлин распустил свой чудесный пурпурно-сине-зеленый хвост так, что он закрыл все небо. Феникс отложил золотое яйцо и, изменив цвет от золотого к красному, рассыпался звездами. Яйцо сияло в воздухе, пока новый феникс вырвался из него, сопровождаемый потоками красных и золотых искр. Серебряный овен прошел по небу под приветственные крики уже охрипших беллецианцев.

И вот, в кульминационный момент представления огромный зеленый дракон загорелся в небесах.

Еще выше вспыхнула фигура Маддолены. Большая сверкающая слеза упала из ее глаза на дракона, и он рассыпался миллионами красных и золотых звезд. В этот самый момент из-за облака вышла полная луна и засияла сквозь радужные волосы святой.

Люсьену показалось, что у него остановилось сердце. Потеряв голову от ликования толпы, как будто сошедшей с ума от эффектов, которые помогал создавать он сам, он не видел ни тихо скользящей по воде в направлении к церкви государственной мандолы, ни фигуры, кравшейся по ней с противоположного от мандольера конца. Он видел лишь, что Родольфо был прав: как только радужные локоны осыпались в воду, беллецианцы начали прыгать в канал. Возбуждение охватило Люсьена. Он знал, что не сможет взять серебро в свой мир, даже если найдет его. Он знал, что ему нужно уходить, чтобы как можно быстрее

вернуться в свой мир. Но в этот момент он чувствовал себя настоящим беллецианцем. В мгновение ока, увидев, куда упал разноцветный локон святой, он нырнул в канал.

* * *

— Совершенство, — пробормотала Герцогиня, чувствуя движение мандолы, после того как фигура святой растворилась в небе, оставив луну, купающую город в своем серебряном свете, а его жителей в полном экстазе. Она больше не чувствовала скуки, ее переполняла нежность и любовь к своим ошеломленным подданным. Ее объединяла с ними истинная любовь к их городу. Герцогиня еле сдержала слезы: она была в маске. И не должна ее испачкать.

Серебряные шторы распахнулись, и высокий рыжеволосый юноша приставил кинжал к ее горлу.

* * *

Люсьен вынырнул отфыркиваясь — он что-то достал со дна канала. Вода отдавала нечистотами, но ее холод отрезвил его, и он внезапно с ужасом осознал, что его драгоценная тетрадь может намокнуть, а он не знал, сможет ли вернуться с промокшим талисманом. Он запаниковал еще сильнее, когда, убрав с глаз мокрые волосы, увидел, что его отнесло на середину канала.

Единственной его мыслью было выбраться из воды, и, видя, что рядом проплывает мандола, он схватился за ее борт и огромным усилием перебросил свое тело через него.

* * *

Герцогиня знала, что сейчас умрет. Тысячи сожалений пронеслись у нее в голове, но она думала не о себе, а о будущем города, о Родольфо и о девчонке с площади.

Внутри кабинки все молчали. Убийца не произнес ни слова, и служанка застыла в ужасе.

Мандольер явно не знал, что кто-то еще пробрался на борт, и спокойно вел мандолу через устье канала к открытой сегодня церкви, чтобы, как он думал, встретить Герцогиню после освящения.

Убийца все еще стоял, приставив лезвие кинжала к шее Герцогини.

И вдруг все смешалось: мандола опасно накренилась и насквозь промокший юноша упал прямо в переполненную кабину. Люсьен осознал сразу все: он понял, что находится на государственной мандоле, рядом с Герцогиней, и дальше действовал инстинктивно. Он знал, что ее но должно было быть здесь: он только что видел, как она шла по мосту из лодок. Но это, без сомнения, была она, он узнал ее фиалковые глаза и божественные духи. И еще здесь был незнакомец с кинжалом.

В доли секунды все это промелькнуло в уме Люсьена вместе с мыслью, что он может умереть здесь, в Беллеции, на Большом Канале. Но он подумал, что спасение Герцогини

может того стоить.

Он бросился на удивленного убийцу и, сбив его с ног, выкрутил ему руку, заставляя выпустить кинжал.

Глава 11

РУКА ФОРТУНЫ

Мандола бешено раскачивалась. Внутри было слишком много людей. Служанка Герцогини весьма благоразумно выглянула из кабины и окликнула мандольера. Он оставил попытки стабилизировать судно и посмотрел на беспорядок в кабине. Его глаза округлились, когда он увидел Герцогиню, и Сильвия восприняла это как подтверждение его невинности. Он явно не участвовал в заговоре.

Мандольер помог Люсьену связать убийцу серебряными шнурами от штор. Мерлинский кинжал Люсьен спрятал в свой пояс. Как только убийца был обезврежен, Герцогиня взяла контроль над ситуацией в свои руки.

— Ты Марко, верно? — спросила она мандольера.

— Да, Ваша Светлость. — сказал он, все еще не уверенный, с кем разговаривает, не выбирая безопасный вариант.

Ты хорошо послужил мне и будешь вознагражден, но ты не должен говорить никому ни слова, пока не предстанешь перед Советом как свидетель по делу этого предателя и его хозяев, кем бы они ни были. Понятно?

— Я все понял, миледи.

— Хорошо. Но сейчас мы должны доставить этого юного героя, спасшего мою жизнь, назад, во дворец. Можешь ты сделать это и потом помочь нам тайно доставить их в мои апартаменты?

— Да, миледи. — сказал мандольер, окончательно определившись насчет личности Герцогини. Потом, помедлив, спросил: — Но, миледи, как же та другая леди, что шла по мосту?

Губы Герцогини презрительно искривились под маской.

— Пусть ремский посол отвезет ее в своей мандоле. Я не сомневаюсь, что он осведомлен о событиях этой ночи.

Марко вернулся на корму государственной мандолы и изо всех сил поспешил назад к Пьяццетте.

Никто не заметил черную мандолу, скользящую по воде, никто, кроме высокой фигуры, наблюдавшей с края платформы фейерверков. Родольфо знал, что мандола не должна была возвращаться, не подобрав Герцогиню, и немедленно приказал Альфредо доставить его туда.

* * *

Двойник Герцогини, дочь пекаря, которую звали Симонетта, чувствовала себя очень неуютно.

Служба в церкви прошла как надо, ну, может, чуть затянулась — ее натренировали

вставать, садиться и преклонять колени в нужные моменты, так как сама она почти не ходила в церковь.

Но когда она вышла из церкви, все было не так. Приветственные крики толпы доставляли ей огромное удовольствие, так же, как и во время перехода по мосту из лодок, но где же государственная мандола? По плану она должна была сесть в нее и сразу получить плату, ради которой Симонетта прошла через весь этот обман.

Посол мгновенно оказался рядом и взял ее за локоть, Подавляя радость и волнение, переполнявшие его. — ведь план явно удался, — он проводил фальшивую Герцогиню в свою мандолу.

— Мы вернемся в моей, моя дорогая, — сказал он с фамильярностью гораздо большей, чем решился бы проявить по отношению к настоящей Герцогине.

Как только они вошли в кабинку, молодую девушку охватила настоящая паника. Ее не готовили ни к чему подобному. Скорее всего посол попытается поговорить с ней. Что же ей делать?

Но все страхи оказались напрасными. Ринальдо ди Киммичи был слишком занят своими мыслями, чтобы разговаривать.

* * *

Часть личной охраны Герцогини ждала ее на Пьяццетте — стражи были удивлены слишком ранним возвращением государственной мандолы. Но они быстро приступили к исполнению своих обязанностей, стоило им увидеть связанного убийцу и дрожащего Люсьена. Убийцу сразу отправили в подземелья, а Герцогиню и Люсьена служанка поспешно проводила во дворец. К счастью, на площади никого не было: все были на другом конце канала и ожидали прибытия фальшивой Герцогини, поэтому пропустили возвращение настоящей.

Как только наши герои оказались в безопасности в личных апартаментах Герцогини, вокруг них засуетилось огромное количество служанок. Они приготовили Люсьену горячую ванну и отчистили платье Герцогини от грязных пятен, которые оставил Люсьен, когда боролся с убийцей.

— Снимите же с него мокрую одежду. — приказала Герцогиня.

Люсьен почувствовал, что краснеет. Он стоял на прекрасном ковре Герцогини, который потихоньку заливала капавшая с него грязная вода канала.

— Ох, ради бога! Кто-нибудь, дайте ему полотенце! Ты что, боишься что я съем тебя, мальчик? Вина, пожалуйста, и быстрее!

Завернутый в полотенце, Люсьен, сделав несколько больших глотков красного беллецианского, почувствовал себя немного лучше. Он не позволил раздевшим его служанкам забрать кинжал и драгоценную тетрадь, которая намочила совсем чуть-чуть. Они похихикали над его нижним бельем, которое он потребовал вернуть, как только оно высохнет.

Герцогиня залпом осушила свой бокал. Она сомневалась, что дожила бы до конца сегодняшнего вечера, если бы не внезапное появление Люсьена.

Служанка с мандолы, держа в руках мешочек, с которого капала грязная вода, спросила: — Что мне делать с этим, миледи?

Люсьен припомнил, что когда он нырнул за радужных локоном, его рука схватила полотняный мешочек. Потом он был слишком занят, пытаясь не наглотаться воды и выбраться из канала, и должно быть перебрал его через борт мандолы Герцогини перед тем, как забраться самому. Он тогда не знал, что это ее мандола. Он все еще был сбит с толку тем, что она была там, ведь он видел, как она шла по мосту из лодок еще за минуту до этого.

— Так вот оно что, — сказала Герцогиня, увидев мешочек. — Ты один из тех, кто нырнул за серебром. Я рада, что слухи о моей щедрости быстро распространяются, хотя надеюсь, что это не станет ежегодным обычаем. Ты ведь знаешь, это особенный год: окончание строительства Чиеза дель Грацие совпало с двадцатипятилетием моего правления. Возьми его — ты заслужил.

Люсьен с трудом размотал мокрый шнур, открыл мешочек и увидел внутри блеск серебра.

— Вы ведь знаете, что я не могу ваять его домой, Ваша Светлость, — сказал он сконфуженно.

— Мне все равно, где ты будешь его хранить, — ответила Герцогиня, устремив на него пристальный взгляд. — Ты заслужил в пятьдесят раз больше того, что в этом мешочке, за услугу, оказанную мне сегодня. Пусть Родольфо присмотрит за ним для тебя, — добавила она, видя что Люсьен все еще собирается возражать.

— А сейчас оставь нас, — сказала она служанке.

Люсьен не успел начать беспокоиться о том, что останется один на один с Герцогиней, потому что, как только это случилось, дверь потайного хода за подсвечником-павлином Герцогини отворилась и в комнату вошел Родольфо.

— Что случилось? — спросил он, тревожно глядя на Люсьена, который стоял в одном полотенце все еще с мокрым мешочком в руке. — И что ты делаешь в Беллеции так поздно ночью?

Герцогиня тоже посмотрела на него.

— Ох, да залазь же в ванну, пока не простудился! Вон, прикройся ширмой, если так стесняешься. А я должна срочно рассказать Родольфо о произошедшем.

Люсьен взял ширму — чрезвычайно искусно сделанную из раскрашенного шелка — и с благодарностью погрузился в горячую ароматизированную воду. Ему казалось, что он никогда не избавится от запаха и вкуса грязной воды канала. Он погрузился в ванну с головой старательно намылил волосы. Он оставался в ванне, пока вода не остыла, и, так как у него не было ничего кроме полотенца, отчаянно не хотел, чтобы Герцогиня предложила ему позаимствовать что-нибудь из ее гардероба. Он послушал, как они с Родольфо разговаривают громким возбужденным шепотом, и, высунув голову из-за ширмы, увидел, что Родольфо так напуган, что побледнел. Его учитель увидел мальчика и шагнул к нему.

— Ты спас Сильвию, и я навсегда в долгу перед тобой, как и вся Беллеция, но деталей этого происшествия не следует никому знать.

Он остановился и посмотрел на Люсьена.

— Где твоя одежда?

— Служанки унесли ее. И я не уверен, что смогу вернуться домой, — тетрадь промокла. Смотрите!

Родольфо взял тетрадь и внимательно ее осмотрел.

— Мне кажется, что я смогу все исправить, — сказал он, — но, перед тем как

стравагировать, ты должен мне все рассказать.

Он так спешил в палаццо Герцогини, что все еще был одет в черный бархатный плащ, который теперь снял и надел на Люсьена. Затем он подошел к пустому камину и установил там огненный камень. Тепло начало заполнять комнату.

Герцогиня чопорно поднялась и позвонила в серебряный колокольчик.

— Почему бы тебе не увести его на свою половину, Родольфо? Я не могу больше оставаться здесь.

Я должна идти спасать бедное дитя, изображавшее меня на сегодняшнем празднике. Она, наверное, окаменела от страха.

Наконец Люсьен понял: Герцогиня использовала двойников! И судя по выражению лица Родольфо, он тоже ничего не знал об этом до сегодняшнего дня.

* * *

Арнанна не знала: она больше волнуется или злится. Она не видела, как Люсьен вынырнул после своего импульсивного прыжка а канал. Поэтому она обыскала весь берег и — позже — Пьяцца Маддалена, но не нашла его в толпе. В конце концов ей пришлось пойти домой, к тете, надеясь, что Люсьен сумел вернуться в свой мир до возвращения родителей. Теперь ей предстояло заняться тем, что ее тетя Леонора называла «сохранять душу в терпении», — но это у нее очень плохо получалось.

* * *

Симонетта шла по Пьяцца под руку с послем, как во сне. По обе стороны короткой дороги в розовый герцогский палаццо выстроились приветствовавшие их беллецианцы. Девушка заставила себя благосклонно помахать им в ответ, но внутри нее все дрожало. Что-то определенно пошло не так — старшая служанка Герцогини очень подробно объяснила ей ее обязанности, и они должны были закончиться еще полчаса назад.

Какое же облегчение испытала она, увидев ту же самую служанку в дверях палаццо! Женщина подошла и, крепко взяв ее за локоть, отвела от посла.

— Простите меня, ваше превосходительство, — сказала она ему, — ее светлость должна уделить несколько минут своему туалету перед празднованием. Пожалуйста, подождите в приемной.

Посол скривился. Он не предполагал, что это служанка с государственной мандолы, ведь он отдал приказ избавиться от всех, кто будет с Герцогиней, включая мандольера, если это будет необходимо, и сейчас с большим трудом сдерживал свое возбуждение. Убийца уже далеко, и очень скоро найдут мандолу с телами. Ринальдо ди Киммичи взял предложенный ему бокал вина и выпил до дна. «За Беллецию, — мысленно провозгласил он тост, — За последний город-государство, который присоединится к Республике».

Люсьен пришел в себя в своей кровати. На часах било пять, в доме стояла тишина, родители еще не вернулись. С волнением он проверил свою одежду: он вновь был одет в то же, в чем был утром, когда отправился в Беллецию, за исключением спортивных трусов, которые, очевидно, все еще сохли где-то в палатке Герцогини. Мерлинский кинжал и кошель с серебром он оставил Родольфо, чтобы тот сохранил их для него. Тетрадь не очень сильно пострадала от погружения в канал, хотя цвета обложки слегка расплылись. Родольфо аккуратно высушил ее в тепле сияющего огненного камня.

Как бы там ни было, она вернула его домой. Он внимательно принялся — слава богу, никакого запаха канала. Он осторожно положил тетрадь на столик у кровати и мгновенно погрузился в нормальный глубокий сон.

Герцогиня вышла на мраморную лестницу дворца, прекрасная в своем фиолетовом атласе, ее уши и шея были осыпаны бриллиантами, бриллиантовая тиара сверкам у нее в волосах. Восторженные крики раздалась из толпы гостей, ожидавших ее прибытия, чтобы перейти в пиршественный зал.

Но глаза Герцогини видели только одного — Ринальдо ди Киммичи.

Она была вознаграждена — он побелел, облился и поперхнулся вином.

— Посол, — любезно обратилась она к нему своим неповторимым мелодичным голосом, — с вами все в порядке? Мы не должны заставлять моих гостей ждать.

Ди Киммичи подошел к ней с видом человека, который не только увидел привидение, но и был приглашен проводить ее к столу. Он сразу же понял, что это настоящая Герцогиня.

Очевидно, что-то пошло не так, но что? Пока она величественно плыла рядом с ним, он думал о предстоящих ему часах изощренной пытки.

Герцогиня думала о том же самом. Все страхи этого вечера стоили того, чтобы видеть полный разгром планов посла, и она не собиралась отпускать его так просто. Если он собирался устранить ее с помощью наемного убийцы, то она заставит его страдать все эти часы на протяжении праздничного банкета — пусть он испытает агонию неопределенности и страха за собственную жизнь.

— Это был чудесный день. Спасибо тебе за то, что уговорил нас пойти. — сказала Люсьену мама, когда через час они с отцом вернулись домой. — Боже, который час? Ты наверняка умираешь от голода. Давайте я пойду на кухню, посмотрю, что можно придумать.

— Нет, — сказал отец, — я уверен, что Люсьен и Том и так целый день жили на бутербродах.

Давайте закажем что-нибудь из китайской кухни.

Люсьен с трудом проснулся, услышав, как они открывают входную дверь. Сегодня он продержался, вздремнув всего пару часов, но знал, что должен вернуться в Беллецию, как только удастся найти причину отправиться в постель.

Во время ужина родители рассказывали ему, как они провели день, но, к счастью, почти не спрашивали, что делал он. Они постоянно обменивались заговорщическими взглядами, но

Люсьен слишком устал, чтобы спрашивать, что они задумали. У него слипались глаза.

— Немного переутомился сегодня, а? — спросил папа, осторожно вынимая вилку из его пальцев.

— Это уж точно, — ответил Люсьен зевая. Он сегодня видел фейерверк, который сам помогал изготавливать, нырнул в вонючий канал и достал с его дна сокровище, а после этого сорвал покушение на правителя страны. Но вслух он лишь сказал:

— Кто бы мог подумать, что от того, что смотришь видео и ешь попкорн, можно так устать?

— Тогда давай поднимайся к себе и ложись спать, — решительно сказала мама. — Мы хотим, чтобы завтра ты был свежим и отдохнувшим. Мы собираемся кое-что тебе сказать.

В другое время Люсьен воспрянул бы духом от таких слов. Но не этой ночью. Спотыкаясь, он поднялся к себе, лег в кровать и со стоном сжал в руках тетрадь. Он бы все сейчас отдал за нормальный ночной сон.

Самая обычная весельная лодка прокладывала свой путь по водам Лагуны. В ней был один пассажир, женщина, все еще красивая, но уже не молодая, очень просто одетая, а на веслах сидел очень симпатичный молодой человек. Она, очевидно, была замужем, так как маски на ней не было. Она сидела молча и смотрела на острова, по мере того как они приближались к разноцветным домикам Бурлеска.

Причалив, лодочник предложил пассажирке свое сопровождение, но она отказалась. Она позволила ему помочь ей выйти из лодки и, взяв корзину, направилась к единственному белому домику на острове. Красавец-лодочник пожал плечами и отправился на поиски харчевни.

Вытирая руки, Паола Беллини вышла из домика, но, узнав посетительницу, застыла, вскинув руки ко рту.

— Могу я войти, мама? — тихо сказала гостя. — Мне нужно с тобой поговорить.

* * *

Материализовавшись в лаборатории Родольфо, Люсьен был приятно удивлен теплотой оказанного его учителем приема, Люсьен ожидал, что Родольфо будет сердит на него за то, что он остался на ночь, но волшебник заключил его в объятия, в первый раз с тех пор как они узнали друг друга.

— У тебя все в порядке? — спросил Родольфо, оценивающе оглядев его. — У тебя не возникло проблем с родителями?

— Да нет, все прошло отлично, — ответил слегка смущенный Люсьен. Прошлой ночью у них не было особой возможности поговорить, так как Родольфо все еще тревожился о безопасности Герцогини и спешил присоединиться к ней на празднике, чтобы лично проследить, что ее охраняют должным образом. Люсьен чувствовал, что должен объяснить, почему он вчера остался в Беллеции.

— Я знаю, что сильно рисковал, — сказал он, — но я хотел увидеть фейерверк, — эти

слова показались ему самому детскими и эгоистичными.

— И как он тебе? — очень серьезно спросил Родольфо.

— Это было великолепно, — сказал Люсьен, — гораздо красивее, чем я мог себе представить. Но я знаю, что не должен был делать этого. Мне очень жаль.

— Не надо сожалеть, — сказал Родольфо. — Если бы ты не остался, то Сильвию бы убили, — он содрогнулся. — Быть может, это главная причина того, что ты оказался здесь, быть может именно поэтому талисман выбрал тебя, а не кого-нибудь другого.

Он достал мерлинский кинжал из своего пояса и торжественно протянул его Люсьену. Затем он сел рядом с ним и первый раз в присутствии Люсьена осенил себя «рукой фортуны».

— Ты видишь? Силой богини, ее консорта и сына круг жизни Сильвии остался неразорванным.

— Не совсем, — ответил Люсьен, неосознанно взвешивая в руке кинжал и вспоминая, для чего он предназначался. — Кто такая богиня и эти двое? И какое отношение они имеют ко мне?

— Это наша древняя религия. — пояснил Родольфо, — она была до христианства. Повсюду к востоку от Серединного Моря люди верили в богиню и ее консорта.

— По-видимому, он тоже был богом? — предположил Люсьен.

— Да, но не таким могущественным, как она. Их сын тоже был сильнее него. Некоторые считают, что изначально ее сын и был консортом, и только позже, когда инцест стал табу, придумали этого супруга и именно поэтому он такая неясная фигура. Сына всегда почитали почти так же, как его мать. Когда пришло христианство, все эти языческие статуи богини и ее сына решили оставить, только теперь они должны были символизировать нашу Мадонну и нового Господа.

Он выжидающе посмотрел на Люсьена.

— Извините, — сказал Люсьен. — мы англиканцы, и поэтому я почти ничего не знаю про вашу Мадонну и вообще про католицизм.

Родольфо нахмурился:

— Что такое англиканцы? И что такое католицизм? — Люсьен удивился.

— Ну, вы знаете, Генрих VIII и все такое. Он хотел жениться на Айне Болейн, а Папа не разрешил ему, и он основал свою церковь.

Настала очередь Родольфо удивляться.

— Доктор Детридж никогда ничего не говорил об этом. В нашем мире у твоей Англии, здесь она называется Англия. Та же самая церковь, управляемая Папой.

— Что ж, это вполне объяснимо, — ответил Люсьен. — Во времена доктора Детриджа это было опасной темой. После смерти Генриха и его сына, его дочь Мария убивала людей за то, что они следовали новой вере короля. А во времена доктора Детриджа королева Елизавета убивала людей за то, что они были католиками.

— Католиками вы называете тех, кто верил в старое христианство?

— Да. Римские католики — наверное потому, что Папа в Риме.

— Очень занимательно, — задумчиво проговорил Родольфо. — Здесь у нас Папа находится в Реморе, столице Республики. Я когда-нибудь должен буду рассказать тебе, как была основана Ремора, основана Ремом, после победы над братом Ромулом. И теперь, когда мы нашли доктора Детриджа и он стал жителем Талии, я должен буду хорошенько расспросить его о его Англии и религии.

— Ладно, давайте вернемся к богине.

— Жители Лагуны были последними державшимися за веру в нее, — продолжал Родольфо. — Они приняли христианство только потому, что им пришлось сделать это. Они строят церкви, ходят на мессу — ты все видел сам. Но в сердце они по-прежнему хранят веру в богиню, которая оберегает их и Беллецию. Вот почему ими всегда правили женщины. И поэтому им никогда не нравилась идея бога-мужчины или, если уже на то пошло, спасителя-мужчины. И, в конце концов, правителя-мужчины.

— Они практически боготворят Герцогиню, — сказал Люсьен, вспомнив фанатичную толпу, в которой оказался вчера вечером, и заразительное сумасшествие, заставившее его броситься в канал.

— Так и есть, — подтвердил Родольфо. — Она является для них персонификацией их богини. Вот почему ее здоровье так важно для них.

— Так вы думаете, убийца не беллецианец? — спросил Родольфо.

— Я не знаю, я еще не видел его, — сказал Родольфо, — но если люди когда-нибудь узнают, что ты спас жизнь Герцогини, они будут уверены, что тебя послала богиня. Ты станешь героем.

— Вчера вы предупредили, что никто не должен узнать об этом, — сказал Люсьен. — Это хорошо, в том смысле, что я не думал о том, что делаю, и не хочу быть героем или чем-то в этом роде. Но вам не кажется, что людям стоит знать о том, что кто-то пытался убить Герцогиню?

— Никто не должен знать, что это не она открыла церковь или, как я теперь подозреваю, не она Венчалась с Морем. Жители Лагуны очень суеверны, они сразу решат, что из-за этого благополучие их города в опасности.

— Но кто-то точно знал о подмене, — медленно проговорил Люсьен, — иначе бы убийца не напал на нее в мандоле.

— Именно так, — подтвердил Родольфо. — И я думаю, палачи Сильвии очень заняты, в то время как мы тут беседуем, стараясь узнать, кто это был.

Глава 12

ДВА БРАТА

Но вышло так, что пытки не понадобились. Гвидо Парола был готов сознаться во всем. С того самого момента, как он вошел в каюту государственной мандолы, он стал другим человеком.

Оказавшись лицом к лицу с Герцогиней, он понял, что не смог бы убить ее даже ради серебра, которое излечило бы его отца. И тем более то, что Люсьен инстинктивно бросился на защиту Герцогини, устыдило его. Он вновь ощутил себя истинным беллецианцем и был готов все рассказать, а после этого принять заслуженную смерть.

Можно представить его удивление, после того как ему принесли чистое и мягкое постельное белье, дали сколько угодно теплой воды для умывания, великолепно покормили, и, наконец, шорох тафты и блеск серебряной маски возвестил о том, что Герцогиня лично навестила его в камере. Парола бросился к ее ногам и взмолился, чтобы она простила его.

— Встань, — холодно приказала она. — Нет, не надо предлагать мне присесть на свой матрас, как ты видишь, телохранитель принес мне стул.

Она села и поправила свою пышную юбку, а ее мускулистый охранник встал чуть позади нее. Она внимательно смотрела на жалкого человека, стоявшего перед ней на коленях. Он был очень высок, с большими темными глазами, что необычно для рыжих.

— Старший инквизитор сказал мне, что ты беллецианец, — проговорила Герцогиня.

— Это так. Ваша Светлость, — ответил он.

— И ты согласился предать свой город ради денег?

Парола молча опустил голову. Он не собирался оправдываться.

— И какого, по-твоему, наказания заслуживает это преступление? — спросила Герцогиня.

— Смерти! — ответил юноша, вскинув на нее горящий взгляд. — Я заслуживаю смерти за то, что пытался сделать с вами, миледи. Единственное, чего я прошу, так это чтобы вы выслушали мою историю и простили меня, перед тем как я умру. Я действительно сожалею. — и неподдельные слезы раскаяния полились из его глаз.

Он рассказал ей обо всем — о смерти матери, беспутстве брата, болезни отца и, конечно, о встрече с бывшим приятелем из университета, который, как оказалось, знал кого-то, готового заплатить большие деньги человеку, отчаявшемуся достаточно для того, чтобы решиться на все что угодно.

— Ты оказался не более чем инструментом, — сказала Герцогиня более благосклонно, — таким же, как твой кинжал, инструментом в чьих-то руках. Продолжим. Ты назвал инквизитору имя своего нанимателя.

Парола кивнул и собрался было повторить его, но Герцогиня остановила его.

— Мы не будем произносить его вслух. Я и сама узнала, кто это был. Сейчас для меня

будет лучше, если мы не будем вести публичное расследование, в результате которого ты был бы обвинен и осужден. Я предпочитаю судить тебя и провозгласить приговор здесь и сейчас.

— Да, миледи, — прошептал Парола, не сомневаясь, что настал его последний час и вскоре телохранитель Герцогини исполнит приговор своим мечом. — Только скажите, что прощаете меня и пообещайте передать весточку отцу. Потом я хотел бы исповедаться, перед тем как приговор будет приведен в исполнение.

— Я прощаю тебя, — сказала Герцогиня, улыбнувшись под маской, — но мне кажется немного необычным желание исповедаться, перед тем как отправиться в Scuola Mandoliera. Это вроде не настолько серьезно, как посвящение в рыцари.

Сбитый с толку Парола посмотрел на нее снизу вверх.

— Вы отпускаете меня, миледи?

— Не совсем, — ответила Герцогиня. — Я оставляю, тебя к моим услугам. Тебя обучат в Школе, и ты станешь одним из моих мандольеров — тебе ведь еще нет двадцати пяти?

— Мне девятнадцать, — пробормотал Парола.

— Наконец, ты получишь респектабельную профессию, — сказала Герцогиня. — Нельзя позволить, чтобы ты и дальше зарабатывал себе на жизнь, нападая на людей с ножом.

Родители Люсьена продолжали вести себя таинственно. Перед уходом на работу отец подмигнул ему и сказал: «Увидимся вечером». Слова и объятие были обычными, а вот подмигивание — нет.

Мама почти целый день провела на занятиях, но во время завтрака она сказала: «Я буду очень занята сегодня, Люсьен, но мы сможем поговорить вечером».

«Поговорить о чем?» — гадал Люсьен, но был рад остаться один. Ему нужно было время отоспаться и обдумать все происходящее, и, хотя мамы не было целый день он удержался от соблазна вернуться в Беллецию и узнать, что происходит там этой ночью.

Последнее время ночные визиты в город все сильнее беспокоили его. Ситуация там становилась все более опасной. Только элемент неожиданности и удача сделали Люсьена героем в неудачном покушении на Герцогиню. а не одной из жертв. Он гадал, что же стало бы здесь с его телом, если бы его ударили ножом в Беллеции. Быть может, мама с папой, войдя в комнату, нашли бы его мертвым на залитых кровью простынях?

Его грезы становились все более отвратительными. Что, если бы они начали охотиться за убийцей здесь, в Лондоне? Он никогда бы не был пойман, и Люсьен просто стал бы еще одной цифрой в статистическом отчете, еще одним нераскрытым делом об убийстве стало бы больше. А что стало бы с телом в Беллеции? Может, оно просто исчезло бы? Если бы убийце повезло, узнал бы кто-нибудь, что он погиб, защищая Герцогиню?

У Люсьена не было ответов на переполнявшие его вопросы, он заснул и проспал до обеда. Ему снились сны, в которых беллецианский убийца с кинжалом из костей мерлино в руке, стоя на взятом из двадцать первого века месте для дачи показаний, говорил: «Вы не можете без тела доказать, что я убил его». Кровь капала с кинжала прямо на пол зала суда, и Люсьен знал, что это была его кровь.

В северной части города располагался небольшой канал, где обучались будущие мандольеры.

Сюда не заходили ни посетители, ни туристы, это была тихая заводь — во всех смыслах этого слова. Он был достаточно узким, и дома на его берегах располагались совсем близко друг от друга. Два из них были соединены частным мостом, связавшим их верхние этажи. Эти дома принадлежали Эджидио и Фиорентино, старшим братьям Родольфо.

Они все еще были весьма красивыми мужчинами, хотя старшему из них, Эджидио, было уже сорок пять, что для беллецианца было достаточно почтенным возрастом. Находясь дома, в одном доме или в другом, или гуляя над каналом по маленькому мосту, они часто развлекали себя наблюдением за стараниями молодых мандольеров.

В свои дни они были лучшими мандольерами в Беллеции, и при этом самыми красивыми. Они водили «Баркону» на празднования Венчания с Морем и заработали хорошие деньги, катая туристов по Большому Каналу. Как и все мандольеры, они с двадцати пяти лет получили щедрую пенсию от Герцогини. И уже за это, даже если бы не имелось других причин, они были ей глубоко признательны.

Эджидио открыл магазин, в котором продавал бумагу, карандаши и тетради, покрытые закрученными узорами под мрамор, такими же, как те, что украшали талисман Люсьена. Шли годы, Родольфо основал свою лабораторию в соседнем с Герцогиней дворце, и его умения помогли улучшить ассортимент магазина Эджидио настолько, что ему завидовала вся Европа. Этот магазин, расположенный на маленькой улочке поблизости от собора, был всегда полон туристов.

У Фиорентино был кулинарный талант, и благодаря деньгам Герцогини он открыл кофейню на Пьяцца Меддалена. Он начал очень скромно, но вскоре расширил дело, купив соседние магазины, и открыл шикарный ресторан. «От Фиорентино» стало символом хорошей кухни по всему Серединному Морю. Оба брата процветали, но так и не женились. Казалось, что ни одна другая женщина не может привлечь внимание того, кто когда-то был фаворитом Герцогини. Они оставались ее преданными слугами, готовыми сделать все, что она попросит. И если они ревновали ее к младшему брату, остававшемуся рядом с ней уже почти двадцать лет, то никогда не показывали этого.

Сегодня братья пили вино на террасе дома Эджидио. Они наблюдали, как очередной новичок учился поворачивать заполненную людьми мандолу в середине канала, при этом не прекращая беседовать на умные темы с «туристами», бывшими на самом деле экзаменаторами и Школы.

Каждый мандольер должен был сдать экзамены по беллецианской истории, музыке, литературе и искусству, не говоря уже о проверке его профессиональных навыков.

Этот субъект, бесспорно красивый, похоже, очень плохо справлялся со своей задачей. Братья хлопали друг друга по плечу, а потом громко рассмеялись, когда юноша потерял свое весло и был сброшен вслед за ним в воду экзаменаторами. Фиорентино заметил еще одну мандолу, гораздо более умело управляемую, которая быстро пересекла канал и остановилась у причала Эджидио.

— Боже! — воскликнул Фиорентино. — Это Сильвия!

Это была не государственная мандола, а простое черное судно, но тент на середине был

закрыт шторами. что говорило о важности находившейся там персону. Братья не стали ждать, пока покажутся пассажиры а точно так же. как в юности, сбежали вниз по ступенькам.

На причале высокий рыжий юноша помогал сойти на берег хорошо одетой женщине в маске. Он явно нервничал. Черная обшитая панелями дверь отворилась, и он проводил Герцогиню внутрь, где ее нежно приветствовали два безукоризненно выглядевших мужчины. Вся компания вернулась на террасу, где женщине подали бокал прозекко и пирожные.

— Это Гвидо. — сказала она. — Я принимаю его в Школу Мандольеров

— Разве уже не поздно? — спросил Эджидио. — Новые рекруты занимаются уже несколько недель.

— Они должны мне еще одного мандольера, — спокойно ответила Герцогиня. — кроме того, Гвидо — особый случай. Он пытался убить меня.

Гвидо низко опустил голову, чувствуя, как краснеет, и изо всех сил желая, чтобы она не говорила этого, но принимая это как часть наказания. Оба брата непроизвольно, положили руки на рукоятки мерлинских кинжалов, которые носили на поясах. Гвидо сразу же обратил на них внимание — он был своего рода экспертом — и успел полюбоваться искусной работой.

— Мальчики, не глупите, — сказала Герцогиня, глядя на помрачневших и нахмурившихся братьев.

— Он полностью исправился. Суть в том, что я хочу, чтобы он на какое-то время залег на дно. Скажем так: это нужно для некоторых моих планов. Он не будет вызывать подозрений в Школе — вы не можете не согласиться, что он выглядит очень подходяще.

У Гвидо не было ни единого шанса сохранить самообладание, когда все трое уставились на него, глядя ему прямо в глаза. Он покраснел до корней своих рыжих волос, весьма необычных для Талии и уже являвшихся достаточной причиной для того, чтобы его сочли привлекательным, даже если бы он не обладал хорошей фигурой и правильными чертами лица.

— Ну-ну, Фиорентино, перестань ревновать. Ты же знаешь, я больше этим не занимаюсь, — улыбнулась Герцогиня. — Кроме того, я совершенно не нахожу попытку убийства возбуждающей.

— Что ты хочешь, чтобы мы сделали? — просто спросил Эджидио.

— Дайте ему приют под своей крышей, — ответила Герцогиня, — в твоём доме или доме Фиорентино. Научите его основам управления мандолой, чтобы он не был хуже всех остальных. И, самое главное — проследите, чтобы он держался подальше от мест вроде Ремского квартала.

— Для тебя, Сильвия, мы сделаем все что угодно, и ты это знаешь, — серьезно сказал Эджидио.

— А теперь я попробую эти чудесные пирожные, — сказала Сильвия. — Они из твоего ресторана, Фиорентино?

— Не совсем, — ответил тот. — Для меня их делает один человек на Бурлески, кажется, его зовут Беллини.

— Как интересно, — задумчиво произнесла Герцогиня, изящно слизывая сахар с кончиков пальцев, — то-то их вкус показался мне таким знакомым.

Арианна сгорала от желания узнать, что же приключилось с Люсьеном прошлой ночью. Она пребывала в величайшем возбуждении на протяжении всего рассказа о покушении. Еще сильнее чем, ей казалось, она ненавидела Герцогиню, она была напугана мыслью о человеке с мерлинским кинжалом.

— И все это время она оставалась в мандоле? — спросила девушка, — На мосту был двойник? Я всегда знала: в разговорах о том, что она остается такой же молодой, есть что-то подозрительное.

Ее глаза широко раскрылись, когда Люсьен показал ей мерли некий кинжал.

— С тобой милость Мадонны! — с завистью сказала она, медленно вынув кинжал из ножен и оценив его.

— Встреча лицом к лицу с убийцей кажется тебе милостью? — улыбнувшись, спросил Люсьен.

Закончив пересказывать и повторять ей все детали ночных событий, Люсьен ошаршил ее тем, что происходит в его родном мире.

— Что? — недоверчиво сказала она, — Они повезут тебя в Беллецию?

— Ну, не в Беллецию, — возразил Люсьен, — я же говорил тебе, что в моем мире она называется Венецией, по крайней мере, у англичан.

Его родители были очень воодушевлены своим сюрпризом. Они явно ждали, что ему это очень понравится. Так и случилось. Примерно через неделю они всей семьей отправятся в Венецию. У Люсьена было назначено обследование в конце августа, и они собирались вернуться к этому времени.

— Я поговорила с доктором Кеннеди, — сказала мама, — и он считает, что ты уже достаточно здоров, чтобы ехать, так что мы заказали билеты.

— Замечательно! — воскликнул Люсьен. Он сгорал от нетерпения, ему очень хотелось увидеть волшебный город в его родном мире и узнать, насколько он похож на Беллецию, которую теперь так хорошо знал.

Но он пока ничего не сказал Родольфо. Почему-то Люсьен был уверен, что не сможет вернуться в Беллецию, пока будет вдали от родных мест. И он не был уверен, но, возможно, его отсутствие будет очень кстати — Родольфо считал, что здесь становится слишком опасно, и попросил Люсьена обязательно возвращаться в палаццо, прежде чем *стравагировать* домой.

— Везет тебе, — сказала Арианна. — Я бы так хотела поехать в другую страну, например в твою Англия.

— Может, так и будет. — ответил Люсьен. — А может, ты даже посетишь другой мир — может, ты тоже станешь *страваганте* и посетишь мой. Я не вижу никаких причин для того, чтобы все *страваганте* были мужчинами.

Глаза Арианны засияли.

— Ты прав! Похоже, мне уже не стать мандольером, но могу поклясться, что из меня получится *страваганте*. Может, я попрошу об этом синьора Родольфо.

Они сидели в кофейне возле театра, в той самой, где пили шоколад в тот день, когда Люсьен впервые попал в Беллецию. Человек за стойкой очень внимательно наблюдал за ними и, когда они допили свои напитки и вышли, кивнул человеку в углу, доедавшему пирог

с абрикосами. Тот закончил есть, взял свой синий плащ и подошел к своему новому другу.

* * *

Ринальдо ди Киммичи переносил пытки проклятых. Он ничего не знал о молодом убийце с самой ночи праздника Мадалены. Может, он сбежал с половиной денег, уже отданной ему? Отношение Герцогини к послу вроде бы не изменилось, так что это могло значить, что покушение просто не состоялось, но она была очень коварным и тонким противником, и он не мог быть ни в чем уверен.

Что особенно мучило его, так это то, что он не знал, что именно произошло той ночью, и не видел никакой возможности узнать об этом. Он решил довериться Энрико.

Шпион был очень польщен. У него ушло столько времени и усилий на то, чтобы завоевать доверие посла, что теперь он был просто переполнен довольством. На самом деле он не испытывал к ди Киммичи ничего, кроме презрения, за столь неуклюжее покушение. Сам Энрико знал, по крайней мере, полдюжины людей, которые бы сделали все как надо. Он даже сделал бы это лично — за соответствующую плату.

И хотя он был напуган мыслью о том, что это его информация позволила организовать покушение, но быстро решился рассказать о том, что только что выяснил.

— Есть еще один способ повлиять на ее светлость, ваше превосходительство, — сказал Энрико.

Ди Киммичи сделал знак, чтобы тот продолжал.

— Вы помните мальчика, молодого ученика синьора Родольфо?

Посол кивнул.

— Продолжай, — сказал он.

— Ну, похоже, что сенатор очень любит его. А мы знаем, что ее светлость очень любит сенатора.

Хищный взгляд Энрико заставил посла вздрогнуть. По натуре он был очень брезглив, и необходимость общения с этим гнусным человеком вызывала у него отвращение. Но он не мог позволить себе проявлять гордость. Он кивнул.

— Вам не кажется, что Герцогиня будет очень огорчена, если любимчик ее фаворита окажется под угрозой смертного приговора?

— Несомненно, — сказал ди Киммичи, — но как тебе удастся это организовать?

Энрико почесал нос.

— Доверьтесь мне, у меня есть план. Мы знаем, что этот парень не из Падавии. И тем более он не из Беллеции.

— Какое все это имеет значение? — спросил посол, знавший, что мальчишка вообще из такого места, о котором Энрико не имеет ни малейшего представления.

— Вы что, не знаете о Запретном дне? — напомнил ему Энрико. — Он был в Беллеции на следующий после Венчания с Морем день. У меня есть свидетели. Если он не родился в Беллеции, то поплатится за это жизнью.

* * *

Теперь, когда она знала, что он в безопасности, и возбуждение по поводу покушения прошло, Арианна решила, что очень сердита на Люсьена за то, как он с ней поступил.

— Ты не представляешь, как я за тебя волновалась! — говорила она, пока они возвращались к Родольфо. — А у тебя все это время были приключения. Я уверена, что Герцогиня считает тебя героем, тебе досталось все это серебро. И мерлинский кинжал, — добавила она, с завистью взглянув на рукоятку кинжала убийцы, торчавшую из-за пояса Люсьена. — А мне пришлось возвращаться домой в одиночестве и говорить тете неправду: что ты проводил меня только до двери.

— Я ничего не мог поделать, — раздосадованно сказал Люсьен. — Я, похоже, был немного не в себе, прыгая в канал, и, когда очутился в ее мандоле, у меня не было времени на раздумья. И уж точно я там не веселился, можешь мне поверить.

Они впервые были так близки к тому, чтобы поссориться, и остаток пути проделали в полном молчании.

* * *

Гвидо Парола переехал в дом Эджидио. Герцогиня проследила, чтобы за его отцом присматривала сиделка, и теперь, находясь в безопасности, он почувствовал настоящее облегчение. Было маловероятным наткнуться на ремского посла в Школе Мандольеров или в домах братьев, возвышавшихся над маленьким каналом. Сразу в день переезда он поступил в Школу, Эджидио и Фиорентино стали его спонсорами. Теперь они были ему будто два крестных отца. Правда, был один неприятный момент — сразу после ухода Герцогини, когда Эджидио подробно объяснил ему, что они сделают с ним, если он еще хоть раз попытается причинить ей какой-либо вред, но с тех пор они стали настоящими друзьями.

И теперь наступило время его первого урока на воде, перед самым заходом солнца.

— Да ты просто рожден для этого! — сказал ему Фиорентино после часа, проведенного в собственной мандоле, которой на этот раз управлял Гвидо. — Конечно, тебе еще предстоит выучить все красивые штучки, но мне кажется, что мы сделаем из тебя лучшего мандольера.

Эджидио кивнул.

— А сейчас давайте отправимся в твой ресторан, брат.

* * *

Одно из своих зеркал Родольфо постоянно оставлял наведенным на Монтемурато. Он настроился на доктора Детриджа и постоянно присматривал за ним, когда тот передвигался по окруженному стенами городу. Со времени покушения на Сильвию Родольфо очень сильно опасался за ее безопасность и был уверен, что старый *страваганте* мог бы подать несколько хороших идей по этому поводу. Но Детридж был напуган тем, что, избежав смертного приговора за колдовство в одном мире, он может Подвергнуться той же самой опасности в Талии. Даже теперь, когда отсутствие тени больше не могло выдать его, он старался вести себя как можно незаметнее.

Перед тем как они с Люсьеном покинули Монтемурато, Родольфо дал Уильяму Детриджу небольшое карманное зеркало. Елизаветинец не хотел принимать подарок, но

этот объект вряд ли бы сочли компрометирующим, даже если бы кто-нибудь нашел его среди вещей доктора. хотя, может, и немного необычным. Сейчас Родольфо пытался установить с ним контакт.

Он стоял, не отводя взгляда от зеркала, показывавшего Монтемурато, тихонько бормоча формулы, пока оно не показало лица доктора.

— Мастер Родольфо! — выдохнул старик. — Слава богу! Вы должны помочь мне!

— Что, что случилось? — спросил Родольфо, обеспокоенный испугом, ясно читавшимся на лице Уильяма Детриджа.

— Они готовят костер! — ответил он. — И я опасаюсь, что он предназначен для меня!

Глава 13

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР

Путешествие в Венецию приближалось, и у Люсьена оставалось всего несколько дней для того, чтобы привести мысли в порядок и подготовить Родольфо к своему длительному отсутствию. Он был вдохновлен перспективой увидеть реальную Венецию и тем, признался он себе, что сможет отдохнуть от еженощных приключений. В последнее время всякий раз, когда он пытался отоспаться днем, его мучили кошмары о человеке с кинжалом на мандоле Герцогини.

Он не мог поверить тому, что услышал, когда Родольфо сообщил, что несостоявшийся убийца прощен и сейчас учится в Scuola Mandoliera.

— Но как это возможно? Разве он не опасен?

— Больше нет, — ответил Родольфо. — Сильвия приручила его — он готов есть с ее руки.

— Но разве его не накажут? А что насчет того, кто его нанял? Это ведь был ди Киммичи, верно? — Люсьен почувствовал, что его героический поступок, пусть и несколько случайный, был напрасным.

— Я думаю, что он *наказан*, — ответил Родольфо. — Ведь если он искренне раскаялся, то что может быть хуже того, чем всю жизнь сознавать свое предательство? А что касается ди Киммичи, то Сильвия собиралась публично судить его, но я убедил ее, что есть и более утонченные способы отомстить. И Герцогиня согласилась, что людям не стоит знать про подмены.

— Так вы считаете, что теперь она вне опасности? — спросил Люсьен.

— Хотелось бы, — мрачно ответил Родольфо, — но пока я в этом не уверен.

— Я вот что хотел сказать... — начал Люсьен, — с завтрашнего дня я, похоже, на некоторое время потеряю возможность перемещаться в Беллецию. Мои родители берут меня в путешествие — на каникулы. Я ведь не смогу попасть в Талию, если покину свою Англию?

Родольфо внимательно посмотрел на него.

— Так тебе стало лучше в твоём родном мире? — спросил он.

— Вроде бы, — ответил Люсьен.

И куда они повезут тебя?

— В Венецию.

Родольфо улыбнулся.

— Так значит, ты все равно будешь в Беллеции, если так можно выразиться. И когда вернешься, обязательно расскажешь, столь же красив наш город в твоё время.

Уильям Детридж оставил свою лошадь на материке и нанял лодку, чтобы добраться до Беллеции.

Он покинул Монтемурато прямо среди ночи и все еще сильно опасался за свою жизнь. Детридж решил отправиться к мастеру Родольфо, теперь это казалось ему гораздо более безопасным.

Даже спустя полтора года он путал Талию этого измерения с Италией его родного.

В Италии, как и в елизаветинской Англии, все магическое преследовалось и уничтожалось. И неважно, что у королевы был личный астролог, выбравший день ее коронации в соответствии со звездами — внезапно и необъяснимо приравненные к преступникам, все, связанные с Италией, такие, как он, попали под подозрение. Именно там, в Италии, жили все великие мастера оккультных наук — это было правдой в обоих измерениях. Детридж доверял Родольфо и считал его самым сильным *страваганте* в Талии. И хотя Талия под властью ди Киммичи тоже отворачивалась от магии, а значит, связь с Родольфо могла быть опасной, доктор счел, что лучше довериться магической силе друга, чем прятаться в одиночку в городе-крепости. Где бы он ни был, за его спиной раздавалось слово «стрега», которое, как он знал, означало «колдун», а еще название крепкого алкогольного напитка. И на главной площади города начали строить помост для костра.

Страх быть сожженным на костре преследовал его с самого бегства в Талию после вынесения смертного приговора в его мире. И то, что его тень вернулась к нему и я он полностью перешел в Талию, окончательно расшатало его нервы. Он не мог вынести мысли о том, что никогда больше не увидит своей жены и детей, и не верил, что наконец избавился от преследований. Когда он увидел эти приготовления, то сразу решил, что кто-то в Монтемурато узнал, кто он такой — или кем когда-то был.

И теперь, на рассвете, когда его лодка приблизилась к сияющему серебряному городу, первый раз за последнее время он вздохнул с облегчением. Даже ему трудно было поверить, что что-то настолько прекрасное может быть опасным.

* * *

Тем временем за бокалом любимого ликера Энрико укреплял свою дружбу с Джузеппе, шпионом Герцогини.

Они встречались уже несколько раз, с тех пор как работа впервые привела их обоих к дверям Леоноры Гаспарини и они обменялись информацией. Сейчас они оба пили стрега в маленькой кофейне возле театра. За этот вечер они гораздо ближе познакомились друг с другом и с вечно хмурым и замкнутым хозяином.

— *Анкора!* — выкрикнул Энрико. — Налей мне еще! И себе, мой бутылочный друг, тоже налей.

Никто в Беллеции никогда не говорил ничего похожего наследующее: «А ты не думаешь, что тебе уже хватит?» Здесь не было машин, которые могли бы быть опасны, не было даже конных экипажей. Так что пьяные не могли случайно причинить сильный вред кому-нибудь, кроме себя.

Самое худшее, что могло случиться с перебравшим беллецианцем, — это падение в канал, и если это происходило, то в девяти из десяти случаев воздействия холодной воды было достаточно, чтобы отрезвить его.

Это не раз бывало с Энрико в прошлом, но сейчас он вовсе не был таким пьяным, каким старался выглядеть. Ему нужна была информация, которую могли предоставить лишь Джузеппе и хозяин таверны, а он был слишком хорошим шпионом, чтобы упустить такую возможность.

— Помнишь того парня, о котором мы говорили в прошлый раз, — спросил он хозяина, решив, что настал подходящий момент. — Того, который, как ты сказал, был здесь в Запретный день, — добавил он, понизив голос.

— А при чем здесь он? — ответил тот, нервно оглядываясь — это была опасная тема.

— Ты помнишь девчонку, с которой он был здесь оба раза?

— Красотку? — ответил хозяин. — Конечно, я знаю ее. Она живет со своей тетей на Сан-Сульен.

Энрико триумфально посмотрел на своего нового друга. Это будет значительно легче, чем он ожидал.

— Вот видишь, Беппо? Та же самая! Та, за которой ты наблюдал на островах. Так что выкладывай, что ты узнал о ней.

— Она приехала сюда на лето, — ответил Джузеппе, — она родилась на Торроне, ее родители и сейчас живут там.

— Вот видишь! — громко прошептал Энрико. — Еще один предатель! Они оба были в городе в Запретный день!

Хозяин колебался. Одно дело мальчишка, а другое — нежная юная девушка, да еще и такая красивая. Он был против.

— Вы оба готовы дать показания в Совете? — спросил Энрико, достав набитый серебром кошель, чтобы расплатиться за напитки. Его собеседники вдруг уставились на деньги. — Такие же условия, как и с мальчишкой, — сказал он, глядя на хозяина. — Половина сейчас и половина после того, как вы выступите свидетелями.

Хозяин облизнул губы. В конце концов, нельзя спускать молодежи подобное богохульство. Все в Беллеции знали о законе Запретного дня. Он коротко кивнул, но Энрико этого было достаточно.

— Еще бутылку! — закричал он во весь голос. Теперь у него было два свидетеля, и судьба юного ученика Родольфо и его маленькой подружки была в его руках. А самым замечательным было то, что Герцогиня, которая сама председательствовала на Совете должна будет лично огласить им смертный приговор. И единственным способом спасти их будет присоединение города к Республике, тогда федеральные законы отменят, местные беллецианские правила.

Так что дражайший друг и советник Герцогини будет призывать ее подписать договор, чтобы спасти парня, который будет умолять Родольфо спасти его подружку. Отличная работа. Абсолютно надежный план. Энрико разом осушил следующий бокал — дело было сделано, и наконец он мог расслабиться. Завтра он скажет Джулиане, что она может заказывать приданное.

* * *

Арианне было грустно. Всего несколько дней оставалось ей провести с Люсьеном за их слепополуденными прогулками, но они поссорились, и она не знала, что будет дальше.

Конечно, его не будет всего неделю, но она знала, что к его возвращению все будет по-другому: лето подходило к концу и она должна будет вернуться на Торроне.

Она не знала, как выдержит это. Сразу после ее шестнадцатилетия она попадет в затруднительное положение — на нее начнут давить по поводу замужества, а она не представляла себе, кто во всей Талии мог бы понравиться ей после знакомства с черноволосым парнем из другого мира.

Арианна глубоко вздохнула, а затем встряхнулась. Это было не по-беллециански. Живи сегодняшним днем. Поэтому, когда Люсьен подошел к фонтану с обычным выражением лица, она испытала огромное облегчение от того, что он не упомянул об их вчерашней ссоре.

— Сегодня мы пойдем в другое место, — сказала она без лишних предисловий и повела его сквозь лабиринт улиц к Большому Каналу, где они могли сесть на паром. Это было гораздо дешевле передвижения на мандоле, точно так же, как и в Венеции в мире Люсьена. Паромы пересекали Большой Канал во множестве мест, напоминая движущиеся мосты.

Перебравшись на другую сторону, Люсьен и Арианна не стали задерживаться, чтобы исследовать квартал, а быстро прошли насквозь и вышли к другому каналу, который пересекал каменный мост.

На другой стороне была лодочная мастерская, и множество черных мандол стояли на воде.

— Что это за место? — спросил Люсьен.

— Squero di Florio e Lauro, — ответила Арианна. — Они были святыми. Смотри, вон та большая церковь посвящена им.

— Кем они были? — спросил Люсьен. Он знал далеко не всех святых и точно не слышал ничего об этих двух.

— Просто парой близнецов, — несерьезно ответила Арианна. — Они, по преданию, спасли остров от захватчиков своими молитвами. Но кое-кто считает, что именно они были Великими Близнецами — ну, ты понял, теми, которые среди звезд — Gemel i.

— И эти святые — покровители мандол? — спросил Люсьен, начавший привыкать к тому, как беллецианцы относятся к религии.

Арианна пожала плечами.

— Я не думаю. Скорее всего, место называется так просто потому, что рядом эта церковь.

Днища старых мандол чистили, конопатили и смолили заново. Но за ними Люсьен заметил строящуюся новую. Это было самое красивое судно, которое он когда-либо видел. Она была черной, как и все остальные, но что-то особенно прекрасное было в ее изящных линиях. Люсьену захотелось оказаться на ее корме и повести мандолу по беллецианским каналам. Обернувшись, он увидел по лицу Арианны, что она испытывает те же чувства. Она улыбнулась ему, и он улыбнулся в ответ. Кто знает? Быть может когда-нибудь у него будет мандола, эта или такая же.

* * *

Когда Люсьен вернулся для последнего — перед тем как отправиться в Венецию — утреннего урока у Родольфо он, к своему удивлению, увидел доктора Детриджа, сидящего в кресле.

— Приветствую вас, юный господин, — сказал доктор. — Вы не ожидали увидеть меня здесь?

— Нет, — ответил Люсьен, — но я очень рад видеть вас, — он немного неловко пожал руку Детриджа.

— Ваш ученик демонстрирует хорошие манеры, — одобрительно сказал Детридж Родольфо, сидевшему у своих волшебных зеркал.

Родольфо обернулся и улыбнувшись, поклонился им:

— Для меня большая честь видеть двух *страваганти* из другого мира в моей лаборатории, — сказал он.

— Не совсем, — возразил доктор, — это больше не относится ко мне. Теперь я просто натурфилософ.

— Вы не пробовали вернуться в тот мир как *страваганте* из этого мира? — спросил Родольфо.

Детридж побледнел.

— Я не желаю возвращаться в тот ужасный мир, где они хотели сжечь меня.

— Нет, — быстро возразил Родольфо, — как все *страваганти* этого мира вы попадете в будущее вашего старого мира. Это будет время Люсьена. XXI век. Все, что вам нужно, это подходящий талисман, пришедший из того мира. Позволю себе предположить, что медная пластинка все еще при вас?

Детридж достал ее из своей куртки. «Такая обычная вещь положила начало *стравагации*», — подумал Люсьен. И сейчас елизаветинец снова смотрел на нее как на самую дорогую вещь в его жизни.

— Я благодарю вас, мастер Родольфо. Вы дали мне надежду на спасение в том случае, если дела здесь пойдут плохо. В твоё время не охотятся на ведьм? — обратился он к Люсьену.

— Нет, — ответил тот, — я видел людей, которые называли себя волшебниками, даже в дневных передачах по телевизору.

Двое ученых переглянулись между собой так, как если бы он говорил о сокровенных тайнах.

— Оставим пока детали, — сказал Родольфо. Я нашел причину наших тревог в Монтемурато.

Он подвел их к зеркалам и указал на одно из них. Показывавшее город двенадцати башен. На центральной площади был установлен помост для сожжения. При виде его Уильям Детридж вздрогнул. Они наблюдали, как крохотные человечки привязали к столбу что-то. Напоминавшее набитый сеном мешок. Люсьен все понял.

— Это чучело! — воскликнул он — Они собираются сжечь чучело, доктор, чучело, а не живого человека. Ну вспомните, это же похоже на английскую Ночь Гая Фокса — «Помни, помни пятое ноября». — и потом фейерверк. Хотя конечно не такой, как устраивает Родольфо

Но, увидев выражения их лиц, он понял, что они ничего не понимают. Все эти шутки со временем и *стравагацией* запутали его.

— Наверное. Гай Фокс был уже после того, как вы покинули Англию, доктор Детридж. Он пытался взорвать Парламент. Если я не ошибаюсь, это был католический заговор.

Детридж выглядел удивленным.

— А кстати о католиках. — вспомнил Родольфо. — я хотел поговорить с вами об этом,

доктор. Но вернемся к Монтемурато. Фигуре на костре — это действительно ведьма, о которой слышал доктор.

Но это безобидный праздник. Festa del la Strega, который всегда отмечают в Монтемурато в это время года. Это связано с историей о ведьме — стрега, которая сотни лет назад перелетела через стены и принесла в город чуму, и теперь они сжигают «ведьму» каждый год — чтобы сдержать чуму — и выпивают при этом уйму крепкого ликера, тоже называемого стрега. Должно быть, вы прибыли в Монтемурато сразу после прошлогоднего праздника, доктор и поэтому ничего об этом не знали.

Детридж расслабился.

— Так вы не сжигаете людей за колдовство здесь, в Талии?

Родольфо не стал прямо отвечать на вопрос — он не хотел тревожить старика.

— Это случалось раньше. — сказал он наконец. — но постепенно ситуация изменилась. В нашем мире наука очень похожа на то, что вы называете магией. Но ди Киммичи специально нагнетают страх и ненависть к вещам, подобным тем, которыми занимаюсь здесь я. Думаю, что через некоторое время они начнут преследовать *страваганти*, как минимум ради того, чтобы выбить из них их секреты. Но пока об этом можно не беспокоиться.

— Идем, иначе опоздаем на самолет! — позвал папа, когда мама в очередной раз проверяла паспорта, билеты и деньги. Люсьен долго колебался, брать ли ему с собой тетрадь или оставить ее дома, но второй вариант показался ему небезопасным, и он взял ее с собой. Ему нравилось, когда она была при нем.

Наконец они отправились в аэропорт. Большую часть полета Люсьен проспал. Прошлой ночью у него был особенно трудный день в Беллеции, где утром он изучал принципы *стравагации* с двумя мастерами, мастерами из обоих миров, а вечером исследовал с Арианной южную часть города, после чего вернулся в лабораторию и возвратился в свой мир.

Они приземлились в аэропорту значительно меньшем, чем Хитроу, откуда вылетели, и, руководствуясь маминым путеводителем, отправились в Венецию. Пока их автобус ехал по дамбе к городу, Люсьен вспоминал о том, как они с Родольфо плыли к материку на лодке, чтобы поехать в Монтемурато. Дамба значительно упрощало это путешествие.

— А теперь мы поедem на вапоретто^[9], — триумфально произнесла мама — она хорошо подготовилась и точно привела их к причалу, где они сели на маршрут № 82. — Мы проедem по Большому Каналу к Пьяцца Сан-Марко. — сообщила она им. Так и было.

Люсьен не произнес ни слова на протяжении всего пути. Его сердце билось у него в горле. Это был его и не его город. Канал был так забит вапоретто, баржами и моторками, что гондолы было сложно отыскать. Но они были там, черные и гладкие. Если представить себе, что здесь есть только они, то могло показаться, что он и вправду в Беллеции. Только почти все гондольеры были слишком старыми и толстыми — если судить по стандартам Герцогини. Это заставило Люсьена засмеяться.

— Что такое, Люсьен? — спросил его отец.

Люсьен лишь широко улыбнулся в ответ.

Его родители обменялись многозначительными взглядами, они не знали, почему он смеется, но ясно видели, что сын был счастлив.

Люсьен смотрел на свою тень на палубе, и это зрелище наполняло его радостью.

Стук в дверь был громким и настойчивым. Горничная открыла дверь и тут же была решительно оттеснена в сторону — два стражника вошли в сад, где Леонора учила свою племянницу вышивать бордюры из земляничных листьев. Арианна была даже рада, что их наконец прервали, пока один из пришедших не произнес:

— У нас есть ордер на арест Арианны Гаспарини по обвинению в государственной измене.

Леонора выронила пяльцы.

— Что это за чушь? — запротестовала она. — Моей племяннице еще нет шестнадцати, что же она такого могла совершить?

— Она нарушила один из древнейших наших законов, — безжалостно ответил стражник. — Есть свидетели, что она находилась в городе в *Giomata Vietata*, хотя не является уроженкой Беллеции.

Тетя Леонора побледнела и в ужасе прижала руки к губам. Арианна замерла. Она всегда помнила о том, что сильно рисковала, спрятавшись в соборе Маддалены три месяца назад. Теперь ей предстояло столкнуться с последствиями.

* * *

Два других стражника барабанили в двери лаборатории Родольфо.

— Откройте! Именем городской стражи откройте! У нас есть ордер на арест!

Они уже собирались ломать дверь, когда Родольфо наконец впустил их. Они обыскали комнату, но нашли лишь испуганного старика.

— Где мальчишка? — потребовал ответа старший из них. — У нас есть приказ на арест некоего Лючиано, фамилия не известна, по обвинению в государственной измене.

— Юный Люсьен? — сказал старик, вставая с кресла. — Как столь незрелый юноша может быть причастен к государственной измене? Вы ошибаетесь.

— Нет, старик, мы не ошибаемся, — ответил второй. — Сенатор, вы отвечаете за этого юношу?

— Я — Да, он мой ученик. — согласился Родольфо.

— Тогда отвечайте, где он? Разве он не должен быть сейчас с вами на занятиях?

— Он сейчас где-то в городе, — ответил Родольфо почти правду. — Покажите мне приказ.

Он изучил пергаментный свиток, и сердце его вздрогнуло, когда он увидел слова «*Giomata Vietata*», хотя внешне остался абсолютно спокоен.

— У нас не бывает занятий после полудня, — сказал он, возвращая свиток. — Так что вы не можете ждать здесь.

— Нет, мы можем, — настаивал первый охранник.

— В таком случае уходим мы с моим другом. — спокойно ответил Родольфо.

— Нет, вы не можете сделать этого, — возразил второй охранник.

— О, — сказал Родольфо, удивленно подняв брови. — быть может, у вас есть приказ задержать меня? Или этого высокопоставленного англичанца, доктора Гульельмо Кринаморте?

Детридж бросил на Родольфо недоуменный взгляд но встал и подошел к двери.

— Альфредо. — обратился Родольфо к слуге, стоявшему за дверью. — Пожалуйста, позаботься о моих гостях. Они задержатся надолго, проследи, чтобы у них было все, что им нужно. После вас, дотторе.

И оба *страваганти* вышли из комнаты. Как только они спустились вниз, Родольфо сказал:

— Быстро, в мою мандолу. Я отвезу нас. Мы должны как можно скорее разыскать Сильвию. Слава богу, что мальчик не в Талии.

Малхолланды остановились в маленьком отеле на Кале Спеччиери. Лифт там был таким маленьким, что в нем помещалось лишь три человека. Так что пока семья поднималась в нем, портье пришлось занести их багаж по лестнице. Их номера были на третьем этаже, рядом. Отец дал портье щедрые чаевые.

Портье вернулся через пару минут с подносом, на котором стояли три высоких бокала и бутылка в ведерке со ладом. Люсьен как раз был в комнате родителей и открывал ставни, чтобы посмотреть, какой вид за окном.

— Я ничего не заказывал. — сказал отец. — это, наверное, какая-то ошибка

— *Offero dal a casa*, — ответил портье, широко улыбнувшись.

— Это прозекко. — пояснил Люсьен. — что-то вроде шампанского. И, по-моему, он говорит, что это подарок отеля

— «Подарок», *si*. — отозвался портье. — *Salute!* — и вышел.

Отец пожал плечами и с громким хлопком открыл бутылку. Он наполнил холодным вином три бокала и передал меньшую порцию Люсьену:

— Я вижу, ты будешь полезен здесь. Твое здоровье!

— Будем здоровы! — ответил Люсьен.

В Талии захлопнулась дверь одной из камер в подземельях Герцогини. Арианна дождалась, пока шаги охранников затихнут вдали, и, зарывав, упала на соломенный тюфяк.

Глава 14

МОСТ ВЗДХОВ

В свое первое утро в Венеции Малхолланды встали рано, специально чтобы опередить толпы туристов, осаждавшие Пьяцца Сан-Марко. Они оказались почти что первыми в очереди в базилику и провели там некоторое время. Люсьену мозаики понравились гораздо меньше, чем его родителям, так как были сделаны из золота и после холодного серебряного блеска базилики Маддалены в Беллеции показались ему слишком кричащими.

Он поспешил поддаться по крутой лестнице в музей, с его позолоченными бронзовыми лошадьми, вышел на лоджию, на которой стояли статуи, и посмотрел на площадь с того самого места, где Арианна пряталась в Беллеции. Вид открывался просто потрясающий. Небо было необыкновенного синего цвета, будто на открытке, над площадью хаотично порхали голуби, а над лагуной медленно кружили белые чайки. Элегантные черные гондолы качались на воде вдоль Пьяццетты, а на высоких колоннах стояли защитники города — крылатый лев и Святой.

И несмотря на все, что он видел, он не мог заставить себя поверить, что это настоящий город, а Беллеция — альтернативный. Здесь было очень красиво и гораздо чище, чем в тальянском городе, но Люсьен видел, что это было похоже скорее на картину, которую нельзя сравнить с тем, с чего ее писали. Было трудно поверить, что воде и в самом деле движется, птицы летают, а толпы туристов передвигаются по площади.

Он вернулся к родителям, ждавшим его у выхода из собора. В руках матери был путеводитель.

— Это было замечательно. А сейчас давайте пойдём, посмотрим Дворец дождей.

Они пошли к воде, прокладывая себе путь между туристами и голубями, заполонившими землю, обходя стороной прилавки с их безвкусными шутовскими колпаками и пластиковыми гондолами, окрашенными под золото. Розовый дворец, протянувшийся вдоль Пьяццетты, привлекал множество посетителей, и перед ним уже выстроилась очередь.

Кульминацией экскурсии была прогулка по крытому Мосту Вздохов, ведущему к темнице, по тому же самому маршруту, по которому вели отчаявшихся осужденных преступников. Здесь тоже образовалась очередь. Но с того самого момента, как они вошли во дворец. Люсьену было не по себе. Залы дворца были темными и мрачными, с потускневшими от времени панелями и картинами. Даже личные апартаменты дожа не имели ничего общего с апартаментами Герцогини.

Не было ни Зеркальной комнаты, ни комнаты хотя бы похожей на комнату с подсвечником в виде павлина и тайным ходом. На самом деле Люсьен еще снаружи определил, что здесь нет ничего похожего на палаццо Родольфо. От всех этих различий между городами у него разболелась голова.

Но его родители уже заняли очередь на Мост Вздохов, так что ему пришлось тоже пойти туда.

Посередине моста напряжение в черепе Люсьена стало невыносимым, но его уже оттеснили от родителей. Он посреди толпы. На другой стороне моста тесные каморы, сейчас они были заполнены одетыми футболки и шорты туристами, пародийно напоминавшими предыдущих обитателей.

Люсьен не знал, что с ним происходит. Это не походило на проявление его болезни. Ему было трудно дышать в голове гудело. Его толкнули в одну из камер, и он почувствовал, что сейчас ему будет плохо. Им овладело опущение отчаяния и ужаса. Он явно почувствовал чей-то чужой страх, скорее всего страх того, кто отбывал здесь последние дни перед ужасной смертью.

— Эй, что с тобой? — сказал американец. — Эй, посмотрите, что с парнем, похоже, он сейчас потеряет сознание!

Родители Люсьена тут же оказались рядом, и вскоре вокруг него поднялась ужасная суета — он слышал, как люди говорили «отойдите» и «ему нужен воздух» как будто в кино. Родители перенесли его обратно через мост, и чем дальше они отходили от темницы, тем лучше он себя чувствовал.

— Со мной все в порядке, правда. — заверил он родителей, собравшихся искать врача.

— Это все атмосфера того места, — сказал американец, первым заметивший, что Люсьену плохо, и ушедший вместе с ними. — Сотни людей ожидали там своей смерти. Это не могло не оставить следа. Просто ваш мальчик более чувствителен, чем другие, это точно.

Молодая женщина отправилась на лодке на Бурлеска, с сердцем, наполненным радостью не меньше, чем ее кошелек был наполнен серебром. Ее семья уже сомневалась, что Энрико вообще назначит день свадьбы: они были помолвлены очень давно. Но теперь, с деньгами, полученными от Герцогини, и тем, что дал ей жених, это стало возможно, и она ехала заказывать себе свадебное платье. И где еще в Лагуне искать белые кружева, как не в Бурлеска?

Есть одна особенная старушка на этом острове, чья работа была настолько изысканной, что слава о ней распространилась далеко за его пределами. Плода Беллини может и возьмет немного дороже, чем обычные мастера, но дело она сделает ей самое лучшее платье. Подруги Джулианы сказали ей, что найти ее будет очень просто. «Ищи белый дом. — говорили они, — он там только один».

* * *

Родольфо плыл очень быстро, ведя мандолу мимо оживленных каналов к женскому монастырю на севере городе, где, как он знал, Сильвия сейчас вносила пожертвования серебром для девочек-сирот, бывших на ее попечении. Когда она вышла оттуда и увидела Родольфо, самостоятельно управлявшего своей мандолой, глаза ее расширились от удивления и тревожных предчувствий.

Герцогиня отпустила своего мандольера и села в мандолу к сенатору. Она с любопытством посмотрела на седого мужчину, находившегося в каюте. Тот снял шляпу и

представился как Гульельмо Кринаморте, слегка запнувшись, перед тем как произнести свое имя.

Родольфо отвел мандолу в боковой канал и, привязав ее к вехе, спрыгнул к ним в кабину.

— К чему вся эта таинственность? — шутливо спросила Сильвия. — И кто твой компаньон? — Но улыбка слетела с ее губ, когда она разглядела выражение лица Родольфо.

— Я очень редко говорю тебе, что речь идет о жизни и смерти, — сказал Родольфо. — Но сегодня как раз такой случай. Ты знаешь о приказе задержать чужеземца, присутствовавшего в городе в Запретный день?

Герцогиня кивнула:

— Да, я подписала его этим утром. Очень необычно, правда? Я предположило, что это окажется очередным недоразумением.

— Я очень надеюсь на это. — ответил Родольфо. — А знаешь ли ты, о ком шла речь?

— Нет. — ответила Герцогиня. — ты сам знаешь, сколько бумаг мне приходится подписывать каждый день. Я не читала их, просто необычное обвинение бросилось мне в глаза.

— Речь шла о Лючиано. — сказал Родольфо и был поражен ее реакцией. Она мгновенно побледнела и схватилась за горло, как будто ей не хватало воздуха.

— Все в порядке. — сказал Детридж, успокаивающе похлопывая ее по другой руке, — юноши не было дома. Он ушел в свой мир, и его не будет еще несколько дней.

— Но есть кое-что, чего вы не знаете, — сказала все еще не пришедшая в себя Герцогиня. — Я подписала *два* приказа. И я уверена, что командир стражи говорил, что один из них для девушки. Я не читала и его и не знаю второго имени, но разве не в день после Венчания с Морен Лючиано впервые попал в Беллецию? И разве не в этот день он встретил Арианну?

Родольфо снова был удивлен. Он никогда не рассказывал Герцогине, кто показывает Люсьену город, и ничего не знал о расследовании, предпринятом Джузеппе.

— Мы должны вернуться — я отправлюсь к ее тете, Леоноре. — сказал он. — Это ужасно, что подобное случилось с такой юной девушкой.

— Родольфо, ты ничего не понял. — горько сказала Герцогиня. — Это не просто юная девушка. Я должна тебе кое-что рассказать...

Родители Люсьена отвели его в кафе во Дворце дождей. Это было место, стоившее того, чтобы принадлежать Беллеции — там можно было пять капуччио и наблюдать, их гондолы скользят по каналу. Это кафе показал им американец, прежде чем покинуть их.

— Что случилось с тобой? — спросил отец Люсьена, до только они сели пить кофе с маленькими миндальными пирожными.

— Я думаю, что это из-за жары и толпы. — сказал Люсьен, — что-то вроде внезапного приступа клаустрофобии, — хотя он знал, что это было чем-то большим, просто он старался убедить родителей, что с ним все в порядке и им не нужно прямо сейчас возвращаться в отель. Люсьен задумался: как много времени должно пройти после того, как он окончательно выздоровеет, прежде чем родители перестанут обращаться с ним, как с куском

мерлинского стекла.

Они же не будут вечно встревоженно смотреть на него после каждого чиха или зевка? И что будет, если он не поправится? Обычно Люсьен не имел ничего против того, чтобы быть единственным ребенком в семье, но в последнее время ему хотелось брата или сестру, чтобы снять с себя хотя бы часть этого груза — быть единственным предметом родительской любви. «Теперь я понимаю, что чувствует Арианна», — сказал он себе.

В белом доме на острове Бурлеска пожилая женщина показывала белое кружево молодой.

Выбирая материал для платья, вуали, различных предметов нижнего белья для медового месяца, а также для того, чтобы отделать постельное белье, уже лежащее в кедровом сундуке в доме ее родителей, будущая новобрачная была очень радостна и общительна. Старой мастерице стало любопытно, как случилось, что такая бесспорно симпатичная, но явно необразованная девушка может позволить себе такое роскошное подвенечное платье.

Выбор и покупка такого количества ткани заняли массу времени, и в течение дня Джулиана стала еще разговорчивой. Близость исполнения ее желаний сделали ее неосторожной, и она позволила себе столько намеков, что Паоле не составило труда заполнить пробелы — ей очень не понравилось то, что она узнала об Энрико и его щедром хозяине ди Киммичи.

Если Джулиана и была удивлена количеством примерок, необходимых по мнению мастерицы, то она этого не показывала. Ее обрадовала возможность провести еще несколько дней так же приятно, как этот: сидя среди великолепных кружев и обсуждая свою предстоящую свадьбу с такой приятной женщиной.

* * *

Арианна хотела увидеть мать. Пока что с ней обращались очень хорошо, хотя навещать не разрешали. неизвестность очень мучила девушку. Арестовали ли Люсьена или он успел *стравагировать* домой прежде, чем пришла стража? По крайней мере, он был с Родольфо, человеком очень влиятельным, особенно по сравнению с тетей Леонорой.

Ночь в камере была ужасной. Там было темно, гораздо темнее, чем в ее спальне в Торроне или здесь, в доме Леоноры, потому что ни в самой камере, ни в коридоре не горело ни свечей, ни факелов. По крайней мере постель была достаточно чистой, но она всю ночь просыпалась из-за шороха сена, которым был набит ее тюфяк. У нее не было никакой надежды на спасение, ведь действительно совершила преступление, в котором ее обвиняли, так что, если у обвинения есть свидетели, — ей конец. Конечно, она заранее знала о наказании, но когда она строила свои планы, то основывала их на предположении, что ее не поймут. Тогда она предполагала, что когда станет мандольером и со временем все раскроется, то тот факт, что она девушка, привлечет к себе все внимание, и никто не вспомнит, в какой день она поступила в Школу. А за то, что претендент мог оказаться особой женского пола, никакого наказания не оговаривалось.

Теперь она должна была посмотреть правде в лицо: за преступление, которое она совершила, ее приговорят к смерти на костре. Никто никогда не нарушал правила Запретного дня, но ни у кого не было никаких сомнений по поводу того, что было бы, если бы его нарушили.

Людей казнили на костре и за другие преступления, например, за государственную измену, — несколько казней даже было совершено при ее жизни. Она знала, что костер обычно располагается меж двух колонн, защищавших водный путь в город на вершине одной из них стояла статуя Маддалены, а на вершине другой — крылатый овен. Подобные казни были публичными: беллецианцы считали, что тот, кто предал свой город не заслуживает милосердия и жалости.

Сама Арианна никогда не присутствовала на казни, родители ни за что бы не привезли ее на такое ужасное зрелище, но она видела то, что остается после такого костра, а воображение у нее было очень живым. Здесь, в темнице Герцогини, было очень легко представить пламя, запах собственной горячей плоти и боль. Арианна не могла вынести всего этого и громко закричала, но ее никто не услышал.

И сразу после этого случилось нечто совершенно фантастическое. Видение Люсьена возникло прямо в ее камере: он был окружен странно одетыми людьми и смотрел прямо на нее. Лицо его выражало такую боль и страдание, что Арианна сразу забыла о собственных переживаниях. Это продолжалось буквально одно мгновение, но после этого она почувствовала себя гораздо спокойнее. До, она была в опасности, но то же самое касалось Люсьена, который был абсолютно невиновен.

Он ничего не знал о законе и не мог знать, что нарушает его. Но это, не спасет его, так как ему никто не поверит. Арианна почувствовала себя виноватой — ведь он мог гораздо быстрее вернуться домой, если бы она не потащила его за собой в то утро.

Думая о том, как помочь ему и как передать весточку Родольфо, Арианна погрузилась в беспокойный сон.

Люсьен чувствовал себя гораздо лучше. У него еще раз появилось это ужасное ощущение — когда он проходил между двух колонн возле остановки вапоретто, но быстро прошло. Оглянувшись.

Люсьен обратил внимание, что Только туристы проходили между колоннами. — все местные обходили колонны, даже если очень спешили. Он подумал, что надо посмотреть в мамином путеводителе, что это значит.

— Здесь говорится, — сказала она, — что на вапоретти можно купить проездной билет. Давай-ка сделаем это. Дэвид, давай купим три недельных постоянных и будем передвигаться всюду по воде, как настоящие венецианцы.

Люсьен улыбнулся её энтузиазму, и она улыбнулась ему в ответ се тревога за здоровье сына немного отступила. Привезти его сюда на каникулы было действительно хорошей идеей, и сейчас он сполна наслаждался своим пребыванием здесь. Конечно. Люсьен был уже слишком взрослым, чтобы проводить каникулы с родителями, но он был единственным ребенком в семье и вообще с удовольствием проводил с ними много времени.

Сейчас он стоял на причале Сан-Марко и смотрел на большой купол церкви

Благовещения, на другом берегу, примерно там, где в Талии находилась Chiesa del t Grazie.

Именно здесь по мосту из лодок подставная Герцогиня шла к церкви, в то время как убийца готовился напасть на настоящую, а Люсьен нырнул в грязный канал за сокровищем.

Подошел вапоретто, и они проехали пять остановок к Риальто. каждый раз пересекая канал.

Венеция была очень шумным городом, так что в его суете он иногда забывал о талийском городе на несколько часов. Особенно шумным был Риальто, где можно было купить все: от дешевых безделушек для туристов до баснословно дорогих золотых ювелирных изделий.

Единственной вещью, постоянно напоминавшей Люсьену о Беллеции, были маски — ими были заполнены все без исключения магазина и лотки. Многие венецианские маски закрывали все лицо, и их нужно было держать за позолоченную палочку. Но были и другие, гораздо больше похожие на маски Герцогини или других беллецианских женщин — те, которые закрывали только верхнюю половину лица и в Венеции держались на резниках, тогда как в Беллеции они были на бархатных или сатиновых завязках.

— Хочешь, мы купим тебе одну из них? — спросил отец, когда Люсьен разглядывал маски.

— Нет, спасибо, пап. Я имею в виду, что я, конечно, хочу маску, но мне здесь ничего не нравится.

— Их здесь так много! — сказала мама. — Уверена, что масок, украшающих дома людей по всему миру в сотни раз больше, чем когда-нибудь было на Карнавале.

— А что это за маска, с носом в виде клюва, которая встречается во всех магазинах?

Мама порылась в своем путеводителе.

— Это маска Доктора Чумы. В шестнадцатом веке здесь была сильная эпидемия чумы, и доктора носили маски подобной формы, чтобы защититься от микробов.

— Но они ведь не знали ничего о микробах в шестнадцатом веке? — сказал отец, и они начали один из своих бесконечных споров, от которых, по опыту Люсьена, ему нужно было просто отключиться. Пока они шли по улицам обратно к Сан-Марко. Люсьен тоже думал о чуме, про которую ему рассказывал Арианна, эпидемии, убившей треть населения. Если бы врачи знали, как она распространяется, она бы не забрала стоило жизней.

— Не могу поверить! — внезапно громко воскликнула мама, будто сама вдруг увидела какую-нибудь заразу. — Это отвратительно!

Люсьен посмотрел туда, куда она указывала. В углу площади стоял «Макдональдс». Его мама не могла прийти в себя от возмущения. Она была яркой противницей этой, как она ее называла, «американской заразы», от которой уже пострадали самые красивые города Европы.

— Как насчет бургера и картошки, Люсьен. — подмигивая, спросил отец.

— Не заводи ее, пап. — засмеялся он в ответ. — Давайте лучше поедим пиццы.

Они нашли симпатичную закусочную, где можно было купить пиццу, бутерброды и баночку прохладительного напитка. Они ели, сидя на ступенях фонтана в центре площади и наблюдая за прохожими. Мама Люсьена морщилась каждый раз, когда видела кого-нибудь жующего бургер.

Затем они продолжили свой путь обратно к Пьяцца Сан-Марко, следуя за ярко-желтыми указателями, изогнутые черные стрелки на которых, казалось, специально сбивали с толку.

— Смотри, Люсьен. — сказал отец, внезапно остановившись. — Вот магазин, в котором

продают тетради, такие же, как та, что я принес тебе. Ну, ты понимаешь, о чем я, та, с которой начался твой интерес к Венеции.

Они вошли. Это было как пещера Али-бабы с сокровищами из мраморной бумаги. Прекрасные тетради любых размеров: от карманных до таких, для которых понадобился бы отдельный стол.

Цены были просто астрономическими, но отец не успокоился, пока Люсьен не выбрал себе карандаш, покрытый точно таким же, как его тетрадь, пурпурно-красным за крученным узором. Он достал свою уже немного потрепанную тетрадь — чтобы сравнить.

— Ты уверен, что больше ничего не хочешь? — спросил у него отец. — Я согласен, они действительно подходят. Похоже, что твоя старая тетрадь немного полиняла, а? Что с ней случилось? Ты делал записи в ванной?

Следующим магазином бил великолепный магазин масок. Там Люсьен нашел серебряную маску кошки, напомнившую ему о Беллеции. Она была сделана гораздо лучше, чем дешевки с лотков Риальто, и родители с радостью купили ее ему. Потом они нашли ларек с изделиями из бархата, и Люсьен купил матери зеленый шарф, а отцу — пару домашних тапочек. Остаток пути в отель они проделали, пребывая в отличном настроении.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Герцогиня гордо шла по Мосту Вздохов, ее платье развевалось на ветру, как флаг. Как только охранник открыл камеру, она велела ему уйти. Видя, что он медлит, она в нетерпении махнула ему рукой: «Я не думаю, что она представляет какую-нибудь угрозу. Вы ведь обыскали ее на предмет оружия? Хорошо, а если она попытается придушить меня своим тьюфом, я обещаю, что позову на помощь».

Тогда он зажег факел в углу камеры и ушел на другую сторону моста.

Девочка спала. Она выглядела истощенной, в ее волосах запуталась солома. Герцогиня тихо закрыла за собой двери камеры. Но даже этот тихий звук разбудил девочку, она вскочила и уставилась на свою посетительницу, потом вновь разочарованно опустила на матрас.

— А, — сказала она, — а я подумала, что вы — моя мама.

Герцогиня вздрогнула, но ответила с обычной строгостью:

— Разве так положено разговаривать со своим правителем? Не удивительно, что ты сидишь здесь за государственную измену.

Арианна снова вскочила.

— Ваша Светлость, — ответила она, запинаясь. — Мне очень жаль. Вы застали меня врасплох. Я не хотела оскорбить вас.

Арианна ожидала чего угодно, но только не того, что произошло через мгновение. Она так давно ненавидела Герцогиню, что перестала думать о ней как о конкретном человеке. А сейчас эта прекрасная дама, державшая жизнь Арианны в своих руках, стояла рядом и смотрела на нее из-под маски фиалковыми глазами, наполненными слезами; затем она подошла и крепко обняла Арианну.

Глава 15

ЯЗЫК КРУЖЕВ

Ринальдо ди Киммичи был в ярости. План сработал лишь наполовину, и это была слабая половина. Девчонка была в тюрьме, и он был уверен, что с помощью купленных им свидетелей ее признают виновной и приговорят к смерти. Но станет ли сенатор Родольфо беспокоиться о ней, если парня не поймают? А парень как будто испарился. Он должен был быть в доме сенатора, ведь никто не видел, чтобы он выходил оттуда.

Ди Киммичи нанял двух новых шпионов для круглосуточной слежки за домом сенатора, чтобы схватить мальчишку, как только тот вернется, а Энрико получил своего рода повышение и занялся более ответственными делами. Но посла беспокоила мысль о том, что Родольфо знал, где мальчик, и предупредил его об опасности, так что тот теперь не покажется. А если парень был именно тем, кем его считал ди Киммичи, то у него были возможности скрыться так, что никакие шпионы его не найдут.

Вскоре должен был состояться суд — беллецианцы никогда не откладывали ничего важного надолго. Совет соберется через несколько дней и вынесет приговор. И если девчонку казнят, то парень, скорее всего, никогда не вернется.

— Мы должны найти мальчишку! — кричал ди Киммичи на Энрико. — Иначе я не смогу надавить на Герцогиню! А она должна подписать этот договор!

* * *

Он мог бы немного успокоиться, если бы видел Родольфо, всю ночь бродившего по саду в раздумьях. Сенатор ломал голову над тем, как передать не ведающему об опасности Люсьену сообщение, чтобы тот не возвращался в Беллецию, прямо в уготованную ловушку. Люсьен обычно стравагировал сюда, в лабораторию, но Родольфо не знал, как повлияет неделя, проведенная Люсьеном вне этого мира и вдали от его родных мест. Если он стравагирует ночью, то может направиться прямо к Арианне.

С тех пор как его доставили из Школы Мандольеров к Родольфо, Люсьен ни разу не пропустил утренних занятий в лаборатории до того самого дня, когда родители увези его из Англии.

Насколько понимал Родольфо, для Люсьена ночи в его мире соответствовали дням в Беллеции, точно так же, как это было у Уильяма Детриджа. Если Люсьен стравагировал больше одного раза в течении дня или ночи в любой из вселенных, он прибывал в другой мир спустя несколько мгновений после того, как покинул его. Но если он откладывал стравагацию до следующей ночи, то в Беллеции проходил целый день.

Однако недельный перерыв в еженощных путешествиях Люсьена из его мира еще не

имел прецедента, и Родольфо не знал, как долго продлится его отсутствие в мире Талии. Он, Люсьен и доктор Детридж провели много часов, обсуждая разницу в том, как течет время в Англии Люсьена и Талии.

Детридж сказал им, что его первое, случайное, путешествие (то, когда он пытался получить золото) произошло в 1552 году, двадцать пять лет назад, по белленцианскому времени. Но в мире Люсьена прошло четыреста двадцать пять лет. Если бы портал вел себя всегда одинаково, то один год в Талии соответствовал бы примерно семнадцати в мире Люсьена. Но именно в этом и заключалась проблема: в действии портала не было единообразия. И хотя сейчас, во время визитов Люсьена, время, кажется, текло с одинаковой скоростью в обоих мирах, в некоторые произвольные моменты время в его мире значительно ускорялось, и не было никакой возможности предсказать, когда это произойдет в очередной раз.

— Если я уеду на неделю и всё это время не буду посещать Беллецию, — предположил Люсьен, — то и в этот мир я вернусь через неделю.

Но никто из них не знал, случится ли так на самом деле. Когда Детридж говорил Герцогине, что Люсьена некоторое время не будет, они действительно думали, что его не будет как минимум неделю. Но сейчас, вернувшись в лабораторию, Родольфо боялся, что время в мире Люсьена опять ускорится и Люсьен может вернуться в любую минуту. Он пытался прикинуть, сможет ли он или Детридж оставить Люсьену предупреждение, переместившись в его мир.

— Я готов сделать это, — сказал Детридж, — если это поможет мальчику.

— Спасибо, — ответил Родольфо, — это было бы замечательно, но я думаю, что у вас не получится. В двадцать первом веке вы будете сильно дезориентированы. По крайней мере, я в двадцатом веке оказался в весьма затруднительном положении. К тому же я уверен, что вы прибудете в момент сразу после следующей стравагации Люсьена и будет слишком поздно.

— Значит, мы должны найти другой способ, — сказал Детридж.

Ничего не зная о том, сколько людей думают о нем в Беллеции, Люсьен продолжал исследовать Венецию. Его родители были ошеломлены его знанием города, даже несмотря на то, что время от времени он пытался провести их белленцианским маршрутом к чему-нибудь, что не существовало в Венеции или находилось совершенно в другом месте. Как бы там ни было, ему все лучше удавалось сглаживать эти различия, и большую часть времени он демонстрировал просто потрясающее знание города и его обычаев. «Чтение, бесспорно, пошло тебе на пользу», — сказал ему отец.

Сегодня они собирались поплыть на острова, и Люсьену пришлось приложить усилия, чтобы называть их правильно: Мерлино — Мурано, Бурлеска — Бурано и Тороне — Торцелло. Вначале они приплыли на Мурано, с его бесконечными магазинами, продававшими изделия из стекла, и бесчисленными зазывалами, затаскивавшими туристов на демонстрацию того, как работают их стеклодувы.

— «Ingreso liberto», — прочитал отец на одной из дверей. — По-моему, это означает «вход свободный». А разве могло бы быть иначе? Это же магазин!

Никому из них не понравилось кричаще раскрашенное и баснословно дорогое стекло, хотя Люсьен купил-таки самого простого стеклянного овна — без крыльев. Он жалел, что не может рассказывать родителям, каким может быть настоящее стекло Лагуны. Музей тоже был совершенно обычным и не сравнимым с мерлинским. Не было ни Мастера Стекла, ни роковой маски, и пока его родители с интересом разглядывали какие-то древние черепки и осколки, заскучавший Люсьен ждал их в саду, где в высокой траве играли полудикие кошки.

Самым лучшим на Мурано был момент, когда они обедали в ресторанчике на берегу канала, на террасе у самой воды. На другой стороне была древняя церковь, про которую в мамином путеводителе было сказано, что под ней лежат кости дракона, которого святой убил своим плевком.

Бурано был больше похож на свой талийский эквивалент, за исключением того, что там не было единственного белого домика, хотя Люсьен специально обыскал весь городок.

— О, вы только посмотрите на это кружево! — воскликнула мама, и потрясенный Люсьен увидел седую старушку, работавшую у дверей своего дома. Дом был голубым, а кружево не столь искусным, как работа Паолы, но все же очень красивым. Люсьен был очень взволнован и настоял на том, чтобы купить маме скатерть, хотя на это ушли практически все деньги, которые он привез с собой в Венецию.

— Нет, Люсьен, в самом деле, не нужно, — протестовала она, но ничто не могло остановить его.

— Помнишь мой сон? — сказал он. — Про кружева, когда ты никак не могла меня разбудить? Я очень хотел подарить их тебе.

Арианна была потрясена. Герцогиня с трудом взяла себя в руки и рассказала ей историю, настолько невероятную, что Арианна даже не сразу поняла, о чем она говорит.

— Ты веришь, что ты дочь Валерии и Джанфранко Гаспарини, ведь так? — спросила Герцогиня.

— Верю? Нет, я знаю, что это так. — ответила Арианна.

— Да, я знаю твою историю. — согласилась Герцогиня. — *Figlia del 'Isola*, единственный ребенок, рожденный на острове за долгие годы. Только это не так.

— Что именно не так?

— То, что ты рождена на Торроне. На самом деле ты родилась здесь, в Беллеции, о этом дворце, и была тайно переправлена на остров, когда тебе было всего несколько часов отроду.

— Я не верю вам, — сказала Арианна. — Откуда вы узнали об этом?

— Я сама присутствовала при твоём рождении, — ответила Герцогиня с обычным для нее чувством юмора. — Я даже участвовала в нем самым непосредственным образом. Догадываешься, о чем я?

Арианна попыталась представить себе Герцогиню в роли акушерки, но не смогла.

— Я родила тебя. — нежно сказала Герцогиня. — Ты моя дочь, Арианна, но я отдала тебя своей старшей сестре Валерии и ее мужу.

У Арианны закружилась голова. Валерия и Джанфранко не ее родители? Это то же самое что сказать, что Беллеция не город. Это полная бессмыслица. И Герцогиня — ее мать? Все, что Арианна знала о себе до сегодняшнего дня, оказалось неправдой. Но среди всех

бушевавших в ней эмоций одна мысль всплыла в ее сознании: если она родилась здесь, в Беллеции, то не совершала преступления, оставаясь в городе на *Giornata Vietata*. Ее не сожгут. Она ухватилась за эту мысль и постаралась успокоиться.

— О чем ты думаешь? — спросила Герцогиня.

— О многом, — ответила Арианна. — Но если то, что вы сказали — правда, тогда я не должна больше сидеть в этой камере.

Герцогиня вздохнула.

— Это правда, но я бы хотела, чтобы ты добровольно осталась здесь до суда, всего на несколько дней. Я подготовлю доказательства, которые убедят Совет, что ты беллецианка по рождению, но мне нужно, чтобы твое происхождение оставалось тайной еще некоторое время. Иначе мы обе окажемся в опасности.

В этот момент Арианна выхватила еще одну мысль из вихря, кружившего в ее голове: «Если Джанфранко — мой приемный отец, тогда кто же настоящий?»

Торцелло был точно таким, каким Люсьен запомнил Торроне, за исключением мозаик в маленьком соборе, которые были не серебряными, а золотыми. Белоснежные домики вокруг канала, где жила Арианна, торговцы кружевом и стеклом, у которых, конечно, не было мерлинских кинжалов, травянистая пустошь за собором — все это заставило Люсьена почувствовать себя как дома первый раз за время путешествия, несмотря на то что на Торроне он был только один раз.

К тому моменту, когда они вернулись к каналу, чтобы сесть на паром, который доставит их обратно в Венецию, он очень устал, но чувствовал себя счастливым. Но, проходя мимо дома, соответствовавшего дому Арианны, он снова испытал странное чувство. Это было не так плохо, как в тюрьме во Дворце дожей, это был не тот ужас и отчаяние, а сильное ощущение опасности, и на этот раз оно, казалось, угрожала ему самому.

Как только они отвезли Герцогиню обратно в ее палаццо, Родольфо высадил Детриджа у лаборатории, на ступенях у входа в которую все еще ждали два стражника, те самые, которые принесли ордер.

— Если Люсьен вернется. — прошептал Родольфо. — отправь его через тайный ход во дворец Герцогини, с ней он будет в безопасности, а я вернусь за ним сейчас я должен отправиться к Леоноре.

Тетушка Арианны была в ужасном состоянии. То, что произошло с ее племянницей, когда та находилась под ее опекой, было невыносимо. Она еще не собралась с силами, чтобы принести *ужасную* новость родителям Арианны, и Родольфо сказал ей, что сделает это сам.

— Вы должны остаться здесь, на случай если будут новости из палаццо, — сказал он. — И не волнуйтесь, Леонора, я обещаю, что с Арканной все будет о порядке. Я пришлю к вам моего друга, дотторе Кринаморте, чтобы он побыл с вами, как только увижу его.

Лодка быстро приближалась к Торроне, и всю дорогу Родольфо раздумывал над тем, что ему сообщила Герцогиня. Он не стал спрашивать, кто отец ребенка, но его глубоко поразила мысль о том, что ребенок был зачат в тот момент, когда, как ему казалось, они с Сильвией были особенно близки. Он тогда все еще проводил много времени в Падавии и часто подолгу

отсутствовал в городе, но всегда думал, что Сильвия была верна ему.

Теперь он проклинал себя за свою наивность и задавался вопросом, а не обманывал ли он себя все эти годы? Кто мог быть отцом Арианны? Может, Эджидио или Фиорентино? Сильвия сказала ему, что с ними все в прошлом, как только увидела его в Школе. Но, может, было глупо доверять ей? Быть может, Сильвия и вовсе не любила его? Но что... что тогда значит то, что произошло в день Венчания с Морем? Сильвия дала ему веское подтверждение того, что до сих пор любит его.

Он отбросил эти мысли и сосредоточился на девочке. Теперь, когда он думал об этом, то ясно видел, что она была очень похожа на Сильвию — то же глаза, та же улыбка.

Он быстро шел вдоль канала к дому Гаспарини, думая только о девочке и о том, как Сильвии удастся открыть только ту часть правды, которая спасет ее, и скрыть другую, которая подвергнет ее новой опасности. И вдруг он замер — образ Люсьена возник прямо перед ним. Родольфо не стал тратить время на мысли о том, как это возможно, а сосредоточился на том, чтобы дать Люсьену понять, что он должен быть осторожен, что его жизнь находится в опасности. Через мгновение видение растаяло, и Родольфо продолжил свой путь, чтобы рассказать приемным родителям Арианны о том, что с ней случилось.

* * *

Энрико быстро становился правой рукой Ринальдо ди Киммичи. И под его влиянием посол делался все более нетерпеливым в своих попытках заставить Беллецию присоединиться к Республике.

— Забудьте о мальчике, — сказал Энрико, — и лучше подготовьте еще один план. Я не знаю, чем вам не подходят убийство — у вас появится новая Герцогиня, которая под пишет договор.

— У меня уже есть готовая кандидатка, — сказал ди Киммичи. — Она член нашей семьи, моя кузина. Ее зовут Франческа ди Киммичи, она из Беллоны.

— Но она должна быть гражданкой Беллеции. чтобы претендовать на этот пост, — возразил Энрико.

— Это можно легко устроить, — ответил посол. — Ей просто нужно выйти замуж за гражданина города. Моя семья обеспечит это — с помощью ее приданого.

— И я предполагаю, что деньги семьи также обеспечат и требуемый результат выборов? — сказал Энрико.

Фамильярный тон Энрико не понравился ди Киммичи, и он сухо сказал:

— Я уверен, что граждане Беллеции сочтут мою кузину достойным кандидатом. Тогда не будем дожидаться мальчишку. Я помню, что суд был моей затеей, подумаю, что нужно просто избавиться от леди.

— Моя последняя попытка не удалась. — холодно ответил ди Киммичи.

Энрико в задумчивости постучал по переносице.

— Это потому, что этим занимался не я. Тот мальчик, которого вы наняли, — беллецианец, а вы не должны были доверять такую работу никому, рожденному в этом городе. Они все слишком сентиментальны, когда дело доходит до их госпожи.

— Ты предлагаешь свои услуги?

— Ну, — сказал Энрико, — за соответствующую плату...

— Разумеется, — ответил ди Киммичи, — но мне все равно нужен этот мальчишка. У него есть кое-что нужное мне.

— Тогда вы получите его, — сказал Энрико уверенно. — и Беллецию тоже. Доверьтесь мне.

* * *

Джулиана наслаждалась примерками на Бурлеска. Старушка была очень сердечной женщиной и хорошим слушателем. У нес была молодая помощница, занимавшаяся собственно пошивом платья, и они втроем проводили над приданным столько времени, что Джулиана и юная портниха переселились к Паоле, так что Джулиана не приходилось теперь каждый день плавать туда и обратно.

Во время примерок Джулиана постоянно думала и говорила только о предстоящей свадьбе.

Целыми днями звучало «Энрико то» и «мой жених это», но женщины, судя по всему, были совершенно не против, и она говорила об этом столько, сколько хотела.

— У него сейчас очень, очень важная работа, — сказала она как-то. — Но я не могу рассказать вам о ней, потому что это совершенно секретная работа особой важности. Могу сказать только, что, когда он справится с ней, у нас будет достаточно серебра, чтобы купить собственный дом!

Представьте себе — мне так нравятся эти цветные домики здесь на Бурлеска, но он говорит, что нам, скорее всего, придется покинуть Лагуну — после того как он закончит эту работу, про которую я не могу вам рассказать.

— Это звучит очень опасно, моя дорогая, — мягко сказала Паола. — Надеюсь, он не занимается ничем противозаконным.

Джулиана притворно улыбнулась.

— Ну, скажем так, что, когда все закончится, нам будет гораздо лучше переехать в Ремору. Они там будут очень нам благодарны.

Только горящие глаза выдавали реакцию Паолы. Она весь вечер мягко вытягивала информацию из своей клиентки. И к концу дня знала все, что нужно.

Поздно вечером, после того как ее супруг Джентил лег спать, Паола достала свою подушку для плетения кружев и проработала почти всю ночь при свете единственной свечи.

* * *

Арианну переместили из ее убогой маленькой камеры в более комфортабельные условия в ту же ночь, когда Герцогиня приходила навестить ее. Новая камера была больше, ее пол покрыт циновками, и здесь было значительно теплее. Вместо набитого соломой тюфяка у Арианны был мягкий матрас. Но и теперь она не могла заснуть, на этот раз ей мешали ее собственные мысли — она никак не могла осознать того, что ей сказали. В первый момент она подумала, что Герцогиня сошла с ума. Но все, что она говорила, явно имело смысл и даже объясняло некоторые странности. Братья Арианны были намного старше ее, и она никогда не чувствовала себя дома на этом острове, всегда всем сердцем

тянуло в Беллецию. Другая половина ее сознания крепко вцепилась во все, что она знала и не хотела отказываться от своих таких родных родителей ради новой опасной матери и неизвестного отца.

Ранним утром двери открылись — вернулась Герцогиня. на этот раз со слугами, несшими мебель.

Когда ее, наконец, удовлетворило то, как они все расставили, она велела им уйти и сделала Арианне знак сесть на софе подле себя.

— Ты злишься на меня, — тихо сказала Герцогиня.

— А чего вы ожидали? — ожесточенно сказала Арианна. — Вы отдали меня и забыли обо мне почти на шестнадцать лет. Я не знаю, почему вы решили открыть мне правду, разве что для того, чтобы спасти мне жизнь.

— Это так лишь отчасти. — ответила Герцогиня. — Но сейчас все изменилось. Уже несколько месяцев я знача, что назревает кризис — это связано со мной и нашим городом.

— Что? Какой кризис? Я ничего не понимаю, — прервала ее Арианна.

— Я попробую объяснить, — ответила Герцогиня. — Я думаю, что, если ты увидишь мое лицо, это поможет.

Она подняла руки к серебряным завязкам своей простой синей шелковой маски и развязала их.

Она пристально смотрела в глаза Арианне, сердце которой задрожало. Если все сказанное ей правда, то она первый раз в жизни видит лицо своей матери. И где-то в глубине ее разума тихий голос сказал ей, что она смотрит в открытое лицо абсолютного правителя этого города, самого могущественного человека, которого когда-либо видела. Это было уже слишком. Арианна отвернулась. Но не раньше, чем успела осознать, насколько они с Герцогиней внешне похожи.

— Когда я узнала, что у меня будет ребенок, — продолжила Герцогиня, — я испугалась за тебя и за себя. Зная о том, что у меня есть кто-то настолько дорогой мне, стало бы страшным оружием в руках моих врагов. Задолго до этого я решила остаться незамужней и бездетной — мой город был моей семьей. Так что я решила — и, быть может, я ошибалась, тебе об этом судить, — что ребенка должен воспитывать кто-то, кому я доверяла, кто-то, кто никогда бы не предал меня — моя сестра.

Я послала за ней, и Валерия согласилась и была вознаграждена дочерью, которой она так желала после рождения двух сыновей.

— Но как ты это устроила? — спросила Арианна, которой овладело ее обычное любопытство. — Разве никто здесь не заметил, что ты, хм... толстела? И как насчет моей матери, то есть твоей сестры?

Герцогиня улыбнулась.

— Это было нелегко. У меня была одна служанка, которой я доверяла больше, чем всем остальным, ее звали Сюзанна, и она все знала. Без нее обман не удался бы. Еще долго ничего не было заметно, но по мере того как ребенок рос, мне пришлось изменить свои наряды — перестать носить обтягивающие платья. К тому же мы пустили слух, что я уже несколько месяцев страдаю расстройством желудка. В это самое время Валерия начала подкладывать под одежду подушку, чтобы все заметили изменения в ее фигуре, и «призналась» своим подружкам, что снова ждет ребенка. Они очень удивились.

— Ага, — сказала Арианна, — мне много раз рассказывали, какое волнение поднялось на острове, когда люди узнали о моем скором появлении на свет.

— Это доставило самые большие хлопоты. Женщины на Торроне уже не могли иметь детей и поэтому очень интересовались тобой. И конечно, каждая из них хотела быть той, кто поможет тебе явиться на свет. Но Джанфранко сказал, что вызовет акушерку из города, так как у местных слишком долго не было практики.

— И именно она привезла меня с собой? — предположила Арианна.

— Да. Я начала использовать замены на государственных праздниках с тех самых пор, как изменения в моем теле стало невозможно скрыть. В то самое время, когда я лежала наверху в своей комнате и только Сюзанна и акушерка помогали мне дать тебе жизнь, молодая девушка изображала меня на празднике Крещения Господня, одетая в мое великолепное платье.

В камере наступила тишина.

— Вы не беспокоились, отдавая меня? — спросила Арианна.

Герцогиня взяла ее за руку.

— Я приняла обдуманное решение. Я не могла заботиться о тебе. Во время родов я не издала ни звука и не сказала ни слова, когда отдавала тебя. Я заранее выбрала тебе имя, и это было все, что я сама могла сделать для тебя. Назвать тебя и отдать моей сестре — это все, что я могла сделать для тебя в то время.

— Но разве вы не могли хотя бы назваться моей тетей? Я имею в виду, что до прошлой ночи я не знала, что у моей... что у Валерии вообще есть сестра, не говоря уже о том, что это вы.

— Это было только к лучшему. Конечно, когда меня выбирали, люди знали, что я с одного из островов, хотя и родилась в Беллеции, как полагалось Герцогине. Твоя бабушка, Паола, как раз приехала сюда за покупками, а я, как и ты, так спешила в этот мир, что родилась немного раньше срока. Людская память коротка, и даже если кто-то помнил, что мои родители были с Бурлеска, то даже у очень настойчивого врага ушло бы много времени, чтобы отыскать мою сестру на Торроне.

И если бы дошло до этого, то не было бы никакой причины для подозрения по поводу того, чей ты ребенок.

— Но если это работало все эти годы, то зачем сейчас что-то менять? — спросила Арианна, забрав свою руку.

Герцогиня вздохнула.

— Несколько месяцев назад Родольфо пришел ко мне со странным рассказом. Он занимался предсказанием будущего, точно так же, как делает это каждое полнолуние, и ему все время выпадала одна и та же комбинация, которую он не мог понять полностью. Что бы он ни делал — гадал на картах, камнях или костях — одно и то же важное сообщение выпадало ему, но ему не хватало одного кусочка информации, чтобы интерпретировать его правильно. Он не знал о тебе.

— Что это было за сообщение? — спросила Арианна.

— О молодой девушке и опасности, о маге и молодом человеке, о талисмানে и новом *страваганте* с другой стороны, о герцогстве и числе шестнадцать. Как только он рассказал мне об этом, я поняла, что оно касается тебя и твоего приближающегося шестнадцатилетия, так что я должна была предпринять некоторые шаги, чтобы удостовериться в твоей безопасности. Я послала предупреждения сестре и матери и ждала, какой же из планов моих врагов будет угрожать тебе — или мне посредством тебя.

Арианна долго молчала.

— Мой отец — Родольфо? — тихо спросила она. но Герцогиня встала, останавливая ее жестом, и отошла на другой конец камеры.

— Тебе не кажется, что ты должна сказать мне правду и об этом? — настаивала Арианна.

— Я сказала тебе еще вчера, что никогда не говорила твоему отцу о твоём существовании, — ответила Герцогиня. — Это было необходимо для того, чтобы скрыть тебя. Когда я решу сказать ему, ты узнаешь об этом. До этого чем меньше ты знаешь, тем безопаснее всем нам.

Ее голос был очень тверд, и Арианна поняла, что об этом она сегодня больше ничего не узнает.

— И ты все эти годы жила спокойно, ничего не зная обо мне?

— С чего ты взяла, что я ничего о тебе не знаю? — ответила Герцогиня, обернувшись и сверкнув глазами. — Я знаю, когда прорезался твой первый зуб, когда ты сказала свое первое слово — это было слово «нет» — и когда ты сделала свой первый шаг. Я знаю, когда ты пошла в школу и какой дерзкой ты была с учителями, я знаю, что отец и братья разбаловали тебя и что ты любимица всего острова. Я знала о тебе все — за исключением того, как ты выглядишь. Но как только я увидела тебя с Лючиано, я приказала выяснить, кто ты такая, и моя интуиция не обманула меня. Но я никогда не предполагала, что ты останешься в Беллеции в Запретный день. Я рассматривала все возможности, но мне и не снилось, что ты сама навлечешь на себя опасность!

Арианна не могла больше терпеть того, что ей приходится смотреть на Герцогиню снизу вверх. Она вскочила на ноги, заранее приготовившись увидеть рассерженный взгляд повелительницы, и слова оправдания были готовы слететь с ее уст, но она увидела, что глаза Герцогини, так же, как и ее собственные, блестели от слез.

Неделя в Венеции подошла к концу. Люсьен успел сделать все, что собирался. Он думал о том, что никогда не забудет вида, открывшегося ему, когда они возвращались на лодке с Торцелло. Зайдя в Лидо, они плыли через всю лагуну к Пьяццетта. Казалось, что город просто плавает на воде, и его золотые шпили, купола и башни сияли в лучах заходящего солнца.

Это напомнило Люсьену о его возвращении с Торроне, когда Арианна отвлекала внимание от его внезапного исчезновения. Тогда город был серебряным, но и тот и другой казались просто волшебными.

В их последний вечер отец нанял гондолу с фонариками и им пели серенады на манер рекламы мороженого.

— За пение нужно платить дополнительно, — прошептал отец, — и я уже задумываюсь, сколько придется заплатить за молчание.

В честь Герцогини Люсьен выбрал гондолу с самым симпатичным гондольером, хотя тому все же было явно больше двадцати пяти.

— Ты такой смешной, Люсьен. — сказала мама. — Какая разница, как выглядит гондольер?

— Я считаю, что все в Венеции должно быть прекрасным, — ответил ей Люсьен. — к

тому же уродливый гондольер отвлекал бы внимание.

Они медленно плыли по Большому Каналу в успокаивающем вечернем воздухе и через сорок пять минут вернулись на Пьяцца Сан-Марко. Люсьен вновь обратил внимание на то, что между двумя колоннами со статуями проходят только туристы. У него было предчувствие, что ему самому тоже не стоит там ходить.

— А что сказано в вашем путеводителе про эти колонны, мам? — спросил он.

Она порылась в книге.

— Колонны Сан-Марко и Сан-Теодоро, — прочитала она, — были местом ужасного зрелища — здесь проходили казни преступников вплоть до восемнадцатого столетия, и по сей день суеверные венецианцы не ходят между ними.

Люсьена передернуло, несмотря на то что вечер был теплым.

— Брр, — сказал отец. — Давайте-ка пойдем выпьем в последний раз.

Они направились в одно из дорогих кафе со столиками прямо на Пьяцца. Поскольку это была их последняя ночь, отец заказал «беллинис» — коктейли, сделанные из прозекко и прозрачного персикового сока.

— А можно мне еще и мороженое? — попросил Люсьен.

— Давайте все поедим мороженого. — предложил отец. — Ведь не скоро у нас появится возможность снова попробовать настоящее итальянское мороженое.

Герцогиня сидела в Зеркальной комнате для аудиенций и ожидала посла. Она заказала зеркала для этой комнаты вскоре после выборов, и сейчас, почти через двадцать пять лет, они все еще доставляли ей массу удовольствия. Каждая стена была отделана узорчатым зеркальным мер-ли неким стеклом. Каждая секция изготавливалась отдельно, и только Герцогиня и один мастер знали, как они работают — как возникают все эти вводящие в заблуждение множественные отражения.

Комната давала ей преимущество в переговорах на всех официальных аудиенциях, нервирова и сбивая столку ее посетителей, которые никогда не были уверены какая из герцогинь настоящая.

Это очень правилось Сильвии, особенно при дли тельных и скучных беседах, которые она вела здесь с ремским послом. При мысли о после она вздохнула — сегодня ей предстояла очередная такая беседа.

В дверь постучали, и вошел слуга с маленьким пакетом.

— Прошу прощения, миледи, — сказал он. — Я знаю, что вы ждете посла, но курьер очень настаивал, чтобы вы получили это немедленно. Он сказал, что это кружево которое вы заказали в Бурлеска, и что вы очень ждете этой посылки.

— Так и есть, — сказала Герцогиня, не заказывавшая никаких кружев. — Спасибо, ты поступил правильно.

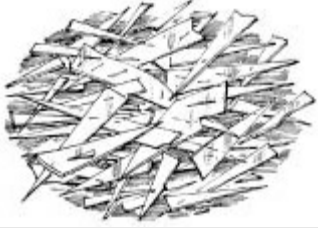
Она отпустила слугу и открыла пакет. Внутри оказалось очень затейливое кружевное панно тонкой работы. Герцогиня держала его перед собой, будто это была книга. И для нее это так и было. Ее мать, старая мастерица, научила обеих дочерей тому, что она называла языком кружев.

С тех самых пор, как Сильвия навестила ее на острове, мать знала, что близится кризис.

Существование ребенка не могло больше оставаться тайной. И сейчас, по прихоти фортуны, она узнала то, что могло спасти жизнь ее собственной дочери. Паола вложила в узор все, что узнала, и еще до прихода посла Герцогиня знала, что он задумал.

— Отлично, — тихонько сказала она себе. — Я наряжу ее в свой роскошный наряд и поставлю перед этим идиотом. Понадобится нечто большее, чем Ринальдо ди Киммичи и его грязный маленький приспешник, чтобы отобрать у меня этот город.

Глава 16

ЗЕРКАЛЬНАЯ КОМНАТА

Неделя в Венеции во всех смыслах пошла Люсьену на пользу. Во-первых, каждую ночь он крепко спал, наверстывая месяцы потерянного сна. Во-вторых, по городу, несмотря на все его каналы, нужно было много ходить пешком, и это упражнение тоже пошло ему на пользу. В-третьих, перемена обстановки помогла ему прийти в себя. После месяцев, проведенных в постели, было замечательно даже просто выйти из дому и сходить куда-нибудь, а уж оказаться в Венеции...

При этом с того самого странного момента в Торцелло Люсьен чувствовал какую-то смутную тревогу. С тех самых пор, как он заболел, он знал, что его жизнь в опасности. Но это было нечто другое. Он был уверен, что причина этой угрозы — в Беллеции, и не мог дождаться, когда же сможет вернуться туда и узнать, в чем дело.

Тюремщик Герцогини еще никогда в жизни не видел ничего подобного. Сначала с одним явным преступником обошлись слишком мягко и в итоге отпустили без наказания, а теперь еще и эта девчонка, обвиняемая в одном из самых серьезных преступлений в Беллеции. — с ней вообще обходились как с почетной гостьей. Сначала Герцогини приказала перевести ее в более просторную камеру, а потом ей принесли мебель: красную вельветовую софу, кресло, небольшой секретер и книжную полку.

У заключенной была своя масляная лампа, свечи и ковер на полу. Камера стала более комфортабельной и уютной, чем его собственная комната, так что он даже начал завидовать ей.

Однако это чувство не мешало ему желать, чтобы эта очаровательная девушка оказалась невиновной. Он искренне надеялся, что дело обстоит именно так, иначе ей не миновать ужасной смерти. Но если она не виновна, то зачем ее продолжают держать здесь?

Арианне было хорошо. Ей нужно было многое обдумать, и она не хотела, чтобы кто-нибудь или что-нибудь отвлекало ее. После второй беседы с Герцогиней Родольфо привел ее родителей, и, увидев их. Арианна, рыдая, прижалась к ним, умоляя сказать ей, что это неправда. То, что она знает тайну своего рождения, стало для них сюрпризом, но они не стали ничего отрицать и были рады, что это спасет ей жизнь.

Они обняли ее и заплакали, говоря, что она всегда останется их дочерью. Арианна продолжала рыдать, ощущая, что между ними навсегда выросла стена.

После этого Герцогиня приходила еще несколько раз, принося небольшие подарки — еду или одежду. Один раз она прислала служанку, чтобы та привела в порядок волосы

Арианна и сделала ей прическу. Все происходящее казалось Арианне сном. Когда Герцогиня открыла ей правду, Арианна была очень зла на нее: она всегда была противницей идеи абсолютной власти и, поговорив с Герцогиней, еще сильнее возненавидела ее. Но это быстро прошло, когда она почувствовала, как глубоко тронута Герцогиня всем происходящим, и теперь Арианна разрывалась на части.

Она должна была привыкнуть думать о своих родителях как о дяде и тете, о братьях — как о кузенах. Единственное, что не изменилось — бабушка и дедушка, они были настоящими. Это стало для нее точкой опоры в этом стремительном водовороте событий, но даже здесь не все было в порядке: Паола и Джентил лгали ей, так же, как и Джанфранко с Валерией.

Но самым сложным для осознания фактом оказалось то, что ее настоящей матерью была такая необычная и влиятельная женщина, как Герцогиня. Это позволило Арианне совершенно по-новому взглянуть на себя. Она не была ребенком мягких и пожилых людей: домохозяйки и куратора музея.

Она была дочерью самой могущественной личности в Беллеции, дочерью главы государства, которая была единственной, кто способен противостоять ди Киммичи, и находилась в центре политических интриг, была объектом покушений. И самым худшим было то, что, противореча самой себе, Арианна от этой мысли приходила в восторг.

Всю свою жизнь она жаждала невероятных событий и приключений и, наконец, получила их. причем гораздо больше, чем могла осознать. Ей больше не придется бояться, что ее выдадут замуж за какого-нибудь дурака. Она может вообще не выходить замуж, если не захочет, — как сделала Герцогиня. И это вновь навело ее на мысль, которая так занимала ее: кто же был ее отцом?

Герцогиня, конечно, была права, сказав, что чем меньше она знает, тем в большей безопасности находится. Арианна надеялась, что ее отцом был сенатор Родольфо, хотя сама немножко его побаивалась. Как и все в Беллеции, она слышала сплетни про его отношения с Герцогиней. Но последний раз, когда он привел ее родителей, — дядю и тетю, поправила она себя — он был таким мрачным и отстраненным, что она опять начала сомневаться в том, что именно он ее отец. Но как бы ей ни хотелось расспросить об этом Герцогиню, приходилось сдерживаться, потому что та больше не приходила одна, а всегда брала с собой кого-нибудь из служанок.

Разбирательство в Совете было назначено на завтрашний день, но Арианна больше не беспокоилась об этом, так как знала, что обвинение будет снято. Сейчас ее гораздо больше заботила судьба Люсьена: когда она спросила Родольфо о Люсьене, он ответил, что тот еще не появлялся и никто не знает, когда он вернется.

Как только они вернулись домой в Лондон и распаковали вещи, Люсьен пожаловался на сильную усталость и отправился спать. Он снял зеркало, висевшее над кроватью, и повесил на крючок вместо него серебряную маску — пока сойдет. Зеркало он поставил у стены. Приготовившись ко сну, он положил карандаш на столик, а тетрадь в карман пижамы и лег в постель. Он долго лежал в темноте, прикасаясь к тетради и ожидая, когда сон унесет его в Беллецию.

Уильям Детридж не терял времени даром. Сначала он успокаивал Леонору, которая, несмотря на все уверения Родольфо, очень беспокоилась об Арианне, а потом попытался найти способ связаться с Люсьеном, способ более надежный, чем *страваганция* в неопределенный момент времени. Родольфо показал ему, как работают зеркала, и теперь Детридж пытался настроиться на мир, из которого он пришел и где сейчас находился Люсьен. Комбинация из его знаний оккультных наук старого мира и научных знаний Родольфо оказалась как раз тем, что нужно, и, наконец, у него начало хоть что-то получаться.

В одном из зеркал сформировался не совсем понятный образ, и Детридж сначала подумал, что это снова Беллеция, — из-за серебряной маски на стене, — но увидел мальчика, лежащего в кровати.

Разглядев его хорошенько, он понял, что это Люсьен, в этот самый момент мальчик в зеркале закрыл глаза — и Люсьен материализовался в лаборатории.

— Мастер Лючиан! — сказал старик. — Я очень рад вас видеть! Но вы не должны здесь оставаться.

Ваша жизнь в опасности. Вы должны уйти через секретный проход и дождаться Мастера Родольфо. Он все объяснит.

Детридж не стал ничего слушать, он подвел Люсьена к стене, повернул канделябр, и через несколько секунд Люсьен оказался в потайном ходе в крошечной темноте. Но это не смутило его: он пользовался ходом уже несколько раз и знал его достаточно хорошо, чтобы добраться до дворца Герцогини в полной темноте. Он был рад, что его мерлинский кинжал все еще в его поясе, так как не знал, что ждет его на той стороне потайного хода.

Подойдя к двери, он услышал голоса и, немного помедлив и удостоверившись, что один из них — это голос Родольфо, осторожно толкнул дверь, сразу оказавшись в центре внимания.

Родольфо был рад ему, но, хотя он улыбался, Люсьен не мог не заметить, как постарел его учитель, — как будто за недолгое время его отсутствия произошло много событий, заставивших его сильно переживать. Герцогиня тепло приветствовала Люсьена, и они оба начали пересказывать ему новости, которых было так много, что Люсьен был совершенно сбит с толку.

— Арианна арестована? — наконец понял он и спросил: — Могу я увидеть ее?

— Почему бы и нет? — сказала Герцогиня и засмеялась: — Тюремная камера — это последнее место, где тебя станет искать городская стража. Арианне тоже нужно о многом тебе рассказать.

— Я отведу тебя, — сказал Родольфо. — Мы пройдем через Зал Совета и по Мосту Вздохов. Но ты не должен задерживаться в Белле дни, пока мы не найдем способа снять с тебя обвинение.

* * *

— Мастер Родольфо, — обратился к нему Детридж, когда сенатор вернулся в свою

лабораторию, — я думаю, что мне удалось найти свой мир.

Он показал Родольфо, что он сделал с зеркалом, и оба *страваганти* стали рассматривать комнату Люсьена. Это заняло у них много времени, так как она не была похожа ни на то, что Родольфо видел в Талии, ни на то, что Детридж видел в своей старой Англии, но они оба узнали спящего мальчика. В молчании они наблюдали, как незаметно он дышит — его грудная клетка практически не двигалась.

— Наверное, я выглядел точно так же, когда, в свое время, стравагировал сюда, — произнес Детридж. — А я еще удивлялся, почему они принимали меня за мертвого. Я не сразу понял, что должен путешествовать только ночью.

— Потрясающе! — отозвался Родольфо, хлопнув его по плечу. — Поздравляю, дотторе, вы сделали очень важную вещь — и я думаю, это очень поможет нашему Братству.

* * *

Совет Беллеции быстро разобрал все незначительные правонарушения, слушание которых было назначено на этот день, и теперь все ожидали, когда же приступят к главному делу. Заседания Совета не были открыты для публики, и поэтому Родольфо не мог присутствовать там. Правда, на Совете не мог присутствовать и Ринальдо ди Киммичи, но у него там были свои люди, которым он хорошо платил, чтобы они шпионили для него.

Ввели узницу, которая явно была слишком свежа и красива для человека, проведенного в камере несколько дней. Свидетельствовал против нее хозяин маленькой кофейни.

— Да, именно ее я видел в Запретный день, — неохотно сказал он, — она пила шоколад в моем заведении с каким-то парнем.

— Ваша Светлость, он не был пойман, — подал голос прокурор.

— Что ж, тогда мы не хотим слышать о нем больше ни слова. — сказала Герцогиня. Она уже очень давно не получала такого удовольствия от заседаний.

— Я докажу, что девушка не является жительницей Беллеции. — продолжил прокурор. — Вызываю Джанфранко Гаспарини.

Ввели Гаспарини, и он занял свидетельское место.

— Синьор Гаспарини, — начал прокурор, — скажите Совету, где вы живете.

— На Торроне, — ответил тот. — Я куратор музея при соборе.

— Вы узнаете обвиняемую? — спросил прокурор.

— Да, — ответил Джанфранко, — это моя приемная дочь.

Слезы навернулись на глаза Арианне — ей все еще тяжело было слышать это от него, а по Залу Совета разнесся ропот.

— Приемная дочь? — переспросил прокурор, просматривая свои бумаги. — Вы имеете в виду, что не являетесь настоящим отцом девочки?

— Именно так, — ответил Джанфранко. — Мы с женой ее вырастили, но она не является нашим ребенком.

— Но, по моей информации, — возразил прокурор. — она известна на острове как *Figlia deirisola*, единственный ребенок, родившийся там за много лет.

Джанфранко кивнул:

— Все это так, за исключением того, что она родилась на острове.

Это произвело настоящую сенсацию в Совете.

— И где же она родилась? — спросил прокурор, хотя уже с ужасом догадался, каким будет ответ.

— Здесь, в Беллеции, — ответил Джанфранко.

— Ваша Светлость, — обратился явно нервничающий прокурор к Герцогине. — Это новая информация, свидетель должен предоставить доказательства, иначе любой обвиненный в этом преступлении сможет заявить, что на самом деле он родился в Беллеции.

— Согласна, — ответила Герцогиня. — У вас есть доказательства, синьор Гаспарини?

— Если Ваша Светлость позволит вызвать еще одного свидетеля, некую синьору Ландини, то прокурор сможет спросить об этом у нее.

Герцогиня кивнула, и ввели еще одного свидетеля. Арианна понятия не имела, кто это, как, впрочем, и сбитый с толку прокурор.

— Назовите ваше имя, синьора, — начал он.

— Мария Мадалена Ландини, — ответила женщина. Она была полной, лет шестидесяти.

— И какое вы имеете отношение к обвиняемой?

— Я как акушерка присутствовала при ее рождении, — ответила она.

— Где? — последовал новый вопрос.

— Здесь, сир, в Беллеции.

— И кто был ее матерью?

На лице Герцогини не дрогнул ни один мускул. Свидетельница смотрела прямо перед собой.

— Мне кажется, что я не обязана отвечать на этот вопрос, — сказала она.

— Ваша Светлость? — воззвал вконец раздавленный прокурор.

— Родители ребенка не имеют отношения к этому делу, — ответила Герцогиня. — Только место его рождения. Если это Беллеция, то дело будет прекращено.

— Что произошло после рождения ребенка? — спросил прокурор.

— Я показала его матери, которая была женщиной знатного происхождения, — ответила синьора Ландини, — и она попросила отвезти ребенка к одной паре на Торроне, согласившейся вырастить ребенка.

— И что вы сделали? — спросил прокурор, чувствуя, что дело ускользает у него из рук.

— Выполнила просьбу, — ответила синьора, — я в ту же ночь отвезла ребенка на Торроне и оставила в семье Гаспарини. Мать хорошо мне заплатила, а больше я ничего не знаю.

— Мне уже ясно, что произошла ошибка. — вмешалась Герцогиня, — и дела просто нет. Отпустите заключенную к ее приемным родителям.

* * *

Герцогиня вернулась со слушания дела в приподнятом настроении. Люсьен с Родольфо ждали окончания заседания Совета в ее апартаментах.

— Как Арианна? — спросил Люсьен, все еще находясь под впечатлением визита в темницу, которая, впрочем, оказалась весьма комфортабельной.

— Свободна и счастлива, я надеюсь, — ответила Герцогиня. — Я думаю, Джанфранко отвел ее к тётё.

— Я могу пойти к ней?

— Тебе небезопасно появляться на улице — приказ на твой арест еще в силе, — сказал Родольфо.

— Я отменю его, — ответила Герцогиня. — Я скажу, что отклонение одного обвинения ставит под сомнение и второе. Отправляйтесь к Родольфо через потайной ход, а как только опасность минует, я отправлю сообщение Арианне. Тогда она придет за тобой или ты сам сможешь отправиться к ней, ничего не опасаясь.

— Но, пожалуйста, не забудь зайти ко мне, прежде чем возвратишься в свой мир, обязательно, — сказал Родольфо.

Люсьен почувствовал, что у него просто гора с плеч свалилась. И теперь он по-новому смотрел на Герцогиню. Зная, что она мать Арианны, он не мог отрицать их очевидного сходства. Вот и сейчас, находясь в хорошем расположении духа, Герцогиня, как и ее дочь, проявляла замечательное чувство юмора, причем, как и у дочери, оно у нее было очень заразительно.

— А сейчас уходите, оба, — весело сказала она. — У меня есть еще и другие дела.

* * *

Энрико насвистывая, прогуливался вдоль канала. У него появилась новая, очень важная информация. У его друга Джузеппе, шпиона Герцогини, был друг на Мерлино, который знал мастера, собравшего Зеркальную комнату. И по звеньям этой хрупкой цепочки в одну сторону передавалось серебро — все меньше, по мере того как попадало в очередные руки, а в другую — информация, обраставшая все новыми подробностями — все больше, по мере того, как она проходила очередное звено.

И сейчас у Энрико было описание того, как устроена эта Зеркальная комната. Он был готов заработать свое состояние.

* * *

Джулиану попросили еще раз изобразить Герцогиню. Она, конечно, не собиралась отказываться.

Ее любовь к серебру затмила даже ее любовь к Энрико. В этот раз она решила оставить всю награду себе и поэтому ничего не сказала своему жениху. В этот раз ей не нужно будет появляться на публике, а только принять всех просителей в аудиенц-зале. Ей не нужно будет говорить, служанка предупредит всех, что у Герцогини болит горло, так что все, что ей придется сделать — это надеть платье Герцогини, выслушать просителей и после — передать все Герцогине. Решения правительницы будут объявлены позднее.

Джулиана была удивлена, узнав, что Герцогиня использует замены для таких мелких неприятных моментов: до этого она думала, что это происходит только на государственных праздниках, но с радостью согласилась на новый обман. Она разглядывала великолепную одежду, которой наполнялся ее кедровый сундук, и не могла закрыть крышку — она думала, что просто не может остановиться на достигнутом. Джулиана все больше думала о нарядах и новом доме и все меньше — о любви к Энрико. Иногда он казался ей просто неизбежным

злом, просто способом начать новую богатую жизнь.

* * *

Арианна практически танцевала вокруг фонтана, когда Люсьен нашел ее. Уже было поздно куда-либо идти — в общем-то, Люсьену было почти пора возвращаться домой. Но и просто пройтись по улицам без того тупого постоянного чувства опасности, нависавшего над ним последние дни, было очень приятно.

— Ты продолжишь занятия? — спросила Арианна. — И сможем ли мы продолжить наши ежедневные прогулки?

— Я не имею ничего против, — ответил Люсьен. — Мне все еще предстоит узнать очень многое о *страваганции* и о Беллеции.

Он не говорил Арианне о том, что у него появилась новая причина для волнений. Что станете его беллецианской жизнью после того, как ему придется вернуться в школу в сентябре? Будет очень трудно наверстать все, что он пропустил, и прожить наполненные событиями школьные дни без того, чтобы нормально спать каждую ночь. Сейчас он наслаждался каникулами в обоих мирах, но чувствовал, что скоро все изменится, и это ему не нравилось.

* * *

— Выпейте вина, дотторе, — сказала Леонора.

— Спасибо, вы очень добры, — ответил Детридж. — Но где же дети?

— Где-то в городе, они стараются проводить все время вместе, — улыбнулась она. — Уже почти стемнело, и Люсьену, наверное, пора возвращаться к сенатору Родольфо и отправляться домой.

— Так вы знаете, кто он? — спросил доктор.

— Конечно, — спокойно ответила Леонора, — я с самого начала знала это. Но он хороший мальчик, и какая разница, из какого он мира, правда?

Детридж задумался.

— А вы знаете, что я тоже был таким, как он?

Леонора взглянула на него:

— Нет, но вы сказали «был». Что случилось?

Детридж порывисто вздохнул.

— Опасность и несчастный случай... Слишком долгая история. Может, когда-нибудь я расскажу вам ее полностью. Сейчас достаточно того, что я больше не такой, как Мастер Лючиан. Теперь я здесь — и слава Богу!

Леонора подошла к нему и похлопала по руке.

— Я очень рада, — сказала она.

* * *

Ринальдо ди Киммичи был взбешен, узнав результаты слушания в Совете, и взбешен вдвойне, узнав, что приказ на арест Люсьена также отозван.

Энрико же просто пожал плечами:

— Иногда выигрываешь, иногда проигрываешь, — сказал он. — И какое это будет иметь значение завтра, когда Герцогиня будет мертва?

Ди Киммичи не смог сдержать дрожь. Кровожадность этого человека пугала его. Использовать его для достижения своих целей было все равно, что есть изысканнейшее блюдо грязным ножом. Но он зашел уже слишком далеко и не мог идти на попятную. Его кузина Франческа уже была в Беллеции и ожидала своего часа, чтобы вступить в игру. У него также были наготове пара беллецианских дворян, готовых жениться на ней, как только покушение удастся.

— И мы сможем схватить мальчишку, если вы захотите, — напомнил ему Энрико — Когда у нас будет новая Герцогиня, а город станет частью Республики, вы сможете достать его с помощью ваших новых законов против колдовства. В нем ведь есть кое-что очевидно противоестественное.

Ди Киммичи воспрял духом. Этот мальчишка был ему очень нужен. И можно даже не ждать выборов Герцогини — почему бы не использовать все тот же грязный инструмент, чтобы заполучить еще и его? Но он подождет до завтра.

* * *

Раз в месяц любой человек в Беллеции мог обратиться к Герцогине с прошением. Если это будет не очень серьезное дело, то она не станет передавать его в Совет, а вынесет решение сама. Она поступала так в случае ссоры между соседями, при спорах по поводу наследства или между арендатором и владельцем собственности.

Обычно Сильвия с удовольствием занималась этим, она любила сидеть в Зеркальной комнате, где в остальное время в основном принимала послов. Она хорошо понимала, что беллецианцы — народ, в общем, весьма законопослушный, — чаще всего приходили, чтобы лично увидеть свою великую Госпожу и иметь возможность поговорить с ней. Это был один из старых обычаев, за который горожане еще сильнее любили свою правительницу.

Они уходили исполненные благоговейного страха перед ее властью и пораженные тем, что увидели. Зеркальная комната находилась рядом с личными апартаментами Герцогини, их разделяла только скользящая дверь. Сегодня через нее прошла Джулианна и села на стеклянный трон Герцогини.

От этой комнаты у Джулианы кружилась голова, она не решилась бы отойти от трона и на два шага — она не могла сказать, где здесь реальность, а где — отражение. Джулиану передернуло — в этой комнате было что-то жуткое. Только такой человек, как Герцогиня, мог придумать это.

Первых трех просителей Джулиана слушала весьма невнимательно, взгляд ее под красной пернатой маской метался по этой нереальной комнате, многократно переотражавшей ее образ, разбивая его на тысячи осколков своими затейливыми зеркальными узорами. От этого зрелища у нее разболелась голова.

Но, увидев четвертого просителя, она вздрогнула и разом пришла в себя. Это был Энрико! Она не могла разговаривать с ним, но покраснела настолько, что ее лицо стало

одного цвета с маской и платьем. О чем он попросит? Она была уверена, что он будет говорить об их будущем венчании.

Но он молчал. Быть может, он, как и все остальные, был сбит с толку этой комнатой? Но нет. Он смотрел прямо на нее, явно не обманутый зеркалами. Внезапно он наклонился, потянулся рукой к полу и закатил под трон что-то вроде шара, после чего мгновенно выскочил из комнаты.

* * *

Родольфо слышал взрыв у себя в лаборатории. В это время Люсьен как раз прибыл для утренних занятий. Сначала послышался оглушительный грохот и вслед за ним — звон осыпающихся зеркал. Родольфо знал, где Герцогиня должна была находиться в этот день и в это время, как он знал это всегда. Более того, одно из его зеркал было как раз настроено на комнату аудиенций. В ужасе Родольфо смотрел на жуткую мешанину стекла и крови. Она просто не могла остаться в живых. Но он был готов голыми руками разобрать все осколки зеркал, лишь бы найти ее.

Кратчайшей дорогой во дворец Герцогини был потайной ход. Оставив позади Детриджа и Люсьена, он повернул подсвечник и побежал в темноту, не доставая огненного камня. Он слышал звук собственного дыхания, многократно усиленный узким каменным коридором. Какой-то голос молил: «Пожалуйста, богиня, нет!» — и он не понимал, что это был его собственный голос.

Глава 17

СМЕРТЬ ГЕРЦОГИНИ

Энрико вышел из дворца настолько медленно и спокойно, как только мог, и успел спуститься на площадь. Но только он смешался с обычной толпой туристов, как прозвучал взрыв, и он со всех ног кинулся туда, где снимал комнату. Он договорился с ди Киммичи прервать на некоторое время контакты. Во дворце он назвался вымышленным именем и собирался на несколько дней затаиться. залечь на самое дно. А затем, как только получит деньги от посла, покинуть город и отправиться в Ремору. Это был абсолютно надежный план.

Ринальдо ди Киммичи тоже слышал взрыв, находясь в своих апартаментах неподалеку от Большого Канала. Вслед за этим шумом воцарилась полная тишина — создалось впечатление, что все в городе затаили дыхание. А затем — крики толпы, люди бежали ко дворцу, стража пыталась не пропустить их в здание и пробивалась через обломки в Зеркальную комнату.

Ди Киммичи изо всех сил старался вести себя нормально. Что же было бы нормальным для ремского посла, не подозревающего о том, что в палаццо Герцогини кровавая бойня — вот над чем раздумывал он. Он должен появиться на публике, должен выглядеть удивленным, даже ошарашенным, иначе его заподозрят в соучастии. Он позвонил, вызывая слуг, и, не узнав никаких новостей, кроме того, что в районе Пьяцца Маддалена прозвучал взрыв, направился к причалу, где его ждала мандола.

Пока его судно рассекало воду, он видел, что в том же направлении движется еще масса лодок.

Площадь была заполнена людьми — как на самом большом празднике. Но праздничную атмосферу разрушал черный дым, поднимавшийся над крышей палаццо. Беллецианская пожарная команда изо всех сил качала воду из лагуны.

Посол выскочил из мандолы на причал Пьяцетта и в этот момент услышал первый крик: «*Belezza e morta*». Он замер. После того что произошло на празднике Маддалены, он не мог поверить, что все получилось. Но эти крики могли означать только одно: Герцогиня была мертва.

* * *

Родольфо столкнулся с кем-то в проходе, кем-то бежавшим ему навстречу. В первый момент он схватил его за плечи, собираясь оттолкнуть в сторону, но что-то остановило его. От знакомого волшебного аромата у него перехватило дыхание, и он обнял ее. Он не понимал, как она выжила, но это без сомнения была Сильвия.

— Слава богине! — прошептал он.

Женщина сделала глубокий вдох, она дрожала.

— Богиня, может, и помогала. — сказала Сильвия дрожащим голосом, — но мне тоже пришлось поработать.

Они еще долго стояли в темном туннеле, пока их сердца не успокоились, и тогда они медленно пошли в сторону лаборатории Родольфо.

— Слава Небесам! — воскликнул Детридж, когда они вошли в лабораторию. — Мы подумали, что случилось самое страшное.

— Почти случилось, дотторе. — ответила Герцогиня. — но нужно что-то посильнее ди Киммичи, чтобы убить меня.

— Лючиано. — сказал Родольфо. — налей ей вина. У нее шок.

— Что произошло? — спросил Люсьен, подойдя к буфету и наполняя вином лучшие серебряные кубки Родольфо.

Прежде чем ответить, Герцогиня осушила свой кубок до дна. На ней было надето такое же кроваво-красное платье и маска с перьями, которое они видели в зеркале Родольфо за мгновение до взрыва. Если не обращать внимания на пыль и паутину, которые попали в потайном ходе на ее костюм, она выглядела как обычно. Рубины покрывали ее шею и сияли в ушах, а в руках был веер из кроваво-красного кружева.

— Сегодня я использовала замену для аудиенции, — сказала она, практически без дрожи в голосе.

— И, как оказалось, это была хорошая идея.

Люсьен пришел в ужас: погибла невинная женщина. Он знал, что жизнь правительницы постоянно находится в опасности, он сам помог ей пережить одно покушение. Но он с содроганием подумал, что на этот раз Герцогиня очень хорошо знала, что делает, посылая в Зеркальную комнату вместо себя двойника.

Очевидно, Родольфо думал о том же самом.

— Ты знала, что может случиться что-нибудь подобное?

Герцогиня кивнула.

— Меня предупредили.

— Ты знаешь, кто это был? — спросил он сквозь сжатые зубы.

Исполнителем был обычный негодяй, думавший, что убивает Беллецию, на самом же деле лишая жизни собственную невесту. — ответила Герцогиня. — Но настоящим убийцей оба раза был один и тот же человек — Ринальдо ди Киммичи.

— Откуда ты узнала об этом? — спросил Люсьен, все еще шокированный тем, что Герцогиня послала другую женщину на верную смерть, даже если та участвовала в заговоре.

— Моя мать, бабушка Арианны, известная кружевница из Бурлеска, — сказала Герцогиня в ответ на вопрос.

Люсьен обеспокоено подумал, не бил ли шок слишком сильным.

— Я знаю, я встречался с ней.

— Ах да, я забыла. — сказала Герцогиня. — И если ты видел ее работу, ты не можешь не согласиться, что ее кружева очень хороши. Люди приезжают к ней со всей Лагуны, когда им нужно что-нибудь особенное. Одна молодая женщина не так давно обратилась к ней с просьбой изготовить набор роскошной одежды для свадьбы. Эта женщина много хвасталась деньгами, которые ее жених получит, выполнив секретную работу для Ринальдо ди Киммичи.

— Какое совпадение! — удивился Люсьен. Герцогиня потеряла виски.

— Я не верю в совпадения, — сказала она, — это судьба. Моя мать передала мне сообщение способом, который могла понять только я одна. Когда я расшифровала его, я решила использовать эту женщину, как замену себе — я уже использовала ее раньше.

— Но как же она согласилась, зная, что подвергнется опасности? — не унимался Люсьен.

— Я думаю, что она не знала, когда это произойдет. Скорее всего, она не понимала значения и половины того, что пересказала моей матери. Она была очень жадной и с радостью согласилась заработать большие деньги. И, самое главное, она нарушила соглашение о молчании, заключенное со мной после ее первой имперсонации.

Герцогиня немного вызывающе оглядела их, как то предлагая им выразить протест против ее действий. Люсьен подумал, что она, наверное, наиболее безжалостный человек из всех, кого он когда-либо знал. Он поблагодарил судьбу за то, что оказался на одной стороне с ней в опасном и жестоком мире тальянской политики.

— Что теперь? — спросил Родольфо. — Мне послать охрану арестовать ди Киммичи?

Герцогиня встала и посмотрела в зеркало, показывавшее обломки Зеркальной комнаты.

— Нет. Когда я вышла из своих покоев, я была одна. Я просто хотела спрятаться от шума и беспорядка. Но в темном коридоре я поняла, что сегодняшнее происшествие послужит мне несколько необычным образом.

Она повернулась к ним и медленно развязала и сняла свою кроваво-красную маску.

— Я решила, что сегодня Герцогиня умерла.

* * *

Похороны были самыми пышными, какие только видела Беллеция. Был объявлен день всеобщего траура. Шестеро охранников Герцогини несли ее эбонитовый гроб, выложенный изнутри серебром, в собор, где процессию ожидали сенаторы и советники. Двое из них были среди тех, кто первыми пробрался в Зеркальную комнату, и знали, как мало осталось от их великой правительницы. Красные шелковые лоскуты и перья, залитые темно-красным — вот все, что осталось после взрыва. Никто не сомневался, что в великолепном гробу лежала Герцогиня. Это была последняя имперсонация Джулианы.

Епископ Беллеции проводил церемонию в Серебряной базилике. Сенатор Родольфо, публично исполнявший обязанности главного государственного деятеля и всем известный фаворит покойной Герцогини, был главным плакальщиком. Он прошел за гробом в собор, на его лице застыло выражение боли. За ним шел Ринальдо ди Киммичи, представлявший Ремору и Папу.

Беллецианцы, не попавшие в собор, стояли с опущенными головами и слушали грустные и величественные звуки, доносившиеся из серебряных дверей, остававшихся открытыми на протяжении всей службы.

После службы, два часа спустя, шесть лучших мандольеров Герцогини отнесли гроб к черной «*mandola di morte*», ожидавшей в лагуне, в то время как на колокольне непрерывно бил колокол.

Погребальная мандола была задрапирована черным кружевом, но шторы были подняты, чтобы горожане могли бросить последний взгляд на гроб их обожаемой правительницы.

Мандольеры повели судно по Большому Каналу, а затем на север, в направлении к *Isola dei Morti*.

Весь город провожал ее. Не осталось ни одного беллецианца — ни юного, ни старого. — который бы не присоединился к толпе на берегах канала. Два моста, пересекавшие канал, были так переполнены людьми, что чуть не обрушились в воду. Беллецианцы ночевали на Риальто, чтобы обеспечить себе места у парапета и попрощался с Герцогиней. Все, кто жил в домах над каналом или имел там знакомых, наблюдали за похоронной процессией из окон и с балконов.

За Риальто стояла одна семья, которая проявляла меньше эмоций, чем окружающие их беллецианцы. Две женщины средних лет, двое мужчин примерно того же возраста и молодая девушка, еще слишком юная, чтобы носил маску. За ними стоял высокий рыжеволосый юноша.

Женщины были одеты в траурные черные одежды, как и все остальные в Беллеции. Даже девушки спрятали свои каштановые локоны под черным кружевом. Леонора и Арианна не были особенно печальны, поскольку та, кого хоронили, на самом деле стояла рядом с ними. Красивая женщина с фиалковыми глазами была одета в одно из платьев Леоноры, благо у той был богатый гардероб траурной одежды.

Как только Герцогиня приняла решение продолжить фарс с собственной смертью, она послала Люсьена сообщить Арианне, что же произошло на самом деле, и достать да нее обычную одежду.

Старая служанка Герцогини — Сюзанна — та, которая наняла Джулиану в последний раз, поняла, что, скорее всего, произошло, и тоже воспользовалась тайным ходом: она была единственной из слуг, знавшей о его существовании. Она настолько обрадовалась, найдя свою хозяйку живой и здоровой, что это очень растрогало Герцогиню и они решили скрыться вместе.

Мужчины в этой маленькой кампании тоже были не столь безутешны, как остальные беллецианцы.

Эджидио и Фиорентино были еще двумя людьми, знавшими, что в гробу была вовсе не Герцогиня.

Гвидо Парола также знал секрет. Он так страдал, узнав, что очередное покушение на Герцогиню оказалось успешным, что братья, которым сообщил правду Родольфо, уговорили Сильвию включить его в круг посвященных.

Сейчас все они наблюдали, как погребальная мандола медленно движется по каналу, сопровождаемая на некотором отдалении государственной мандолой, на которой находились Родольфо, ремский посол, епископ и священники. За ним следовала «Баркона», с сенаторами и советниками на борту. На ней также был небольшой оркестр, игравший погребальную песнь, заунывная мелодия которой звучала диссонансом со звуком колокола кампаниллы^[10].

Канал был заполнен цветами, которые беллецианцы бросали на проплывавший мимо гроб.

Некоторые из них попали в мандолу, и теперь ее строгая чернота была расцвечена яркими красками. Но большая часть падала в воду, где они плавали на волнах, поднятых погребальным кортежем, вместе с дешевыми позолоченными изображениями богини.

Все это время большой колокол звонил не переставая.

В тот момент, когда мандола проплывала мимо них, Сильвия оглядела горожан,

окружавших ее маленькую компанию. Все они плакали, многие упали на колени и крестились или осеняли себя «рукой фортуны». Многие восклицали «Благослови ее богиня!» или «Беллеция умерла!». Пожилая женщина рядом с Сильвией сказала: «Никогда не было и не будет другой такой Герцогини, как она, — не при моей жизни!» Сильвия опустила вуаль пониже на лицо, чтобы скрыть улыбку удовлетворения. Она была действительно тронута.

Затем мимо них проплыла государственная мандола.

— Лицемер! — прошептала она, глядя на Ринальдо ди Киммичи, прикрывавшего лицо платком, как будто он испытывал страдание. — Он делает это, потому что не может терпеть запах канала.

Справа, рядом с посланцем, сидел Родольфо, на его лице застыло выражение горя. Члены маленькой компании знали, что он очень нервничает, так как ему отводится очень важная роль в этом представлении. Его лицо прорезали глубокие морщины, как будто события последних дней состарили его. Толпа симпатизировала ему, видя в нем романтическую фигуру мужчины, потерявшего любовь всей своей жизни и одновременно, как и весь город, свою правительницу.

— Бедняга! — сказал кто-то рядом. — Я слышал, что она крутила им, как хотела.

Сильвия бросила в ту сторону свирепый взгляд, но человек уже смешался с толпой. Больше никто не отзывался о ней непочтительно.

Через излучину от них у Большого Канала стояли Детридж и Люсьен. Люсьен хорошо осознавал нереальность этого спектакля и стоял, не выражая особых эмоций, зато Детридж по-настоящему оплакивал Герцогиню, хотя и знал, что она жива.

— Она была великой леди, — сказал он Люсьену, знавшему, что Детридж его не разыгрывает. — Как же город будет жить без нее?

И после этих слов Люсьен почувствовал, как его самого охватывают сильные эмоции. Он знал, что Сильвия жива, но происходящее было правдой — умерла Герцогиня. Никогда он больше не увидит ее в одной из ее фантастических масок, в великолепных бриллиантах и потрясающих платьях. Она стала просто Сильвией Беллини, гражданкой Беллеции, и он не представлял, чем она собирается заниматься всю оставшуюся жизнь.

Толпа осталась, затихшая и неподвижная, когда погребальная мандола, плакальщики и «Баркона» вышли из канала и направились к *Isola dei Morti*. Погребение было коротким, и вскоре погребальная мандола поплыла обратно. Ни звука, за исключением редких всхлипываний, не доносилось с берегов, пока она, освободившись от своего груза, плыла назад. Никто не бросал цветы, замолкли музыканты.

Когда мандола достигла причала, колокол замолчал и над городом разнесся одновременный вздох-стон. Герцогиня действительно ушла навсегда.

* * *

В северной части города маленькая компания по-своему поминала Герцогиню. Вскоре к ним присоединились Люсьен и доктор Детридж. Беллеция казалась городом призраков — на улицах не было ни души. Вскоре это изменится: когда люди выпьют дома достаточно вина, улицы вновь наполнятся и горожане начнут петь и устраивать что-то вроде спонтанных вечеринок, но сейчас все сидели по домам, всем нужно было отойти от эмоций, пережитых утром.

В доме Фиорентино собралось около дюжины людей, знавших, что Герцогиня осталась жива.

Здесь были Сильвия, Арианна, Валерия и Джанфранко, Люсьен, ставшие близкими друзьями Леонора и Детридж, Эджидио и Фиорентино, Гвидо Парола и служанка Сильвии Сюзанна. Вскоре к ним должен был присоединиться Родольфо, который покинул поминальный банкет. Никто не удивился его поведению, так как все понимали, что он слишком раздавлен горем, чтобы оставаться на публике.

С его прибытием компания оказалась в полном сборе. Все смотрели на Сильвию, ожидая, что она произнесет что-то вроде речи, но конец этому положил Родольфо, спросивший ее:

— И что теперь?

— Во-первых, — сказала Сильвия, — мы выпьем в память о Герцогине, как и все остальные лояльные жители Беллеции.

— За Герцогиню! — прозвучали голоса, и все выпили красного вина.

— А теперь, — продолжила Сильвия, но ее прервал Родольфо:

— Прежде чем ты продолжишь, мы помянем несчастную девушку, чье тело лежит в том гробу, и помолимся о ее душе.

Сильвия выглядела так, как будто собиралась возразить, но все же подняла бокал:

— За Джулиану (фамилия мне не известна), пусть покоится с миром.

И они все выпили еще раз.

— Могу я продолжать? — спросила Сильвия, оглядывая комнату. Ответом ей была тишина.

— Как уже знает большинство из вас, — продолжила она — когда произошел взрыв, я была у себя одна. Я побежала к Родольфо по потайному ходу, испугавшись шума и пожара. Я не знала, что делать дальше, но я устала. Я была Герцогиней этого великого города двадцать пять лет и служила ему как могла. И я приняла решение воспользоваться этой возможностью, чтобы начать частную жизнь обычного гражданина.

Люсьен никак не мог привыкнуть, что видит ее без маски, но хорошо понимал, что теперь ее лицо — лучшая маска. Никто за пределами этой комнаты не видел ее лица долгие годы, почти четверть века. Таким образом, сняв маску, она стала практически невидимой.

— Но я и дальше буду противодействовать Реморе и ди Киммичи. — продолжала она. — только теперь я буду действовать скрытно, за кулисами.

— Где ты будешь жить? — спросил Фиорентино. — Ты же знаешь, что всегда можешь рассчитывать на мой дом.

— Или на мой. — быстро добавил Эджидио.

— Или мой, — сказала Леонора.

Родольфо промолчал, хотя Люсьен видел, что Уильям Детридж настойчиво и весьма красноречиво тыкал его в ребра.

— Спасибо всем вам, — сказала Сильвия. — Но я не останусь в Беллеции. Это будет слишком опасно, даже если я поселюсь на островах. Я думаю отправиться в Падавию, это меньше чем в одном дне пути, так что я всегда смогу вернуться быстро, как только понадобится. Сюзанна унесла через потайной ход достаточно моих личных драгоценностей, чтобы я смогла жить как богатая вдова из Беллеции. Сюзанна оправится со мной, как, надеюсь, и ты, Гвидо.

Парола покраснел и подпрыгнул от радости. Он нагнулся и поцеловал руку Сильвии.

Люсьен почувствовал зависть. Когда он последний раз видел Паролу, тот пытался убить Герцогиню, и, несмотря на то что Люсьену сказали, что он стал другим человеком, трудно было поверить, что теперь он будет ее защитником. Люсьену очень хотелось предложить свои услуги, но что он мог?

Сейчас он даже не мог быть уверен, что сможет продолжать посещать Талию.

— Как насчет ди Киммичи? — спросил Фиорентино. — Ему, как и в прошлый раз, все сойдет с рук?

— Нет, — улыбнувшись, ответила Сильвия, — но есть способы наказать его гораздо сильнее, чем призвать к ответу перед законом. Не говоря уж о том, что я не смогу свидетельствовать в Совете по делу о моем убийстве, а?

Люсьен не выдержал.

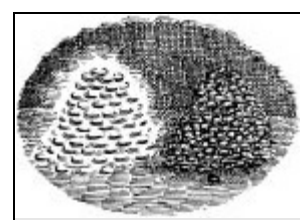
— Но я не понимаю, что будет дальше. Кто будет следующей Герцогиней? Что произойдет с Беллецией? Как вы можете просто уйти? Ведь теперь ди Киммичи точно сделают город частью Республики и приберут его к рукам.

— Не сомневаюсь, что у ди Киммичи уже есть готовый кандидат, Сильвия, — согласился Родольфо.

— Ты наверняка прав. — сказала Сильвия, обращая к нему свои фиалковые глаза, — но и у меня есть.

— Что это значит? — спросил Люсьен.

— Ты, конечно, мало знаешь о нашей политической системе, Лючиано. — сказала Сильвия, — но ты, наверное, слышал, что Герцогиней может быть дочь предыдущей. Конечно, ее все равно должны выбрать, но я не знаю ни одного случая в истории города, чтобы другой кандидат выиграл выборы у наследницы Герцогини. И я думаю, что Арианна будет великолепной Герцогиней!

Глава 18

ДА ЗДРАВСТВУЕТ БЕЛЛЕЦИЯ!

Проснувшись, Люсьен вздрогнул от испуга — прямо в ухо ему беспощадно звенел будильник, и он в первый момент не мог вспомнить, зачем заводил его. Потом осознал, что сегодня важный день — день, когда станет известен результат сканирования, которое ему делали пару дней назад. Хотя после всего, что он пережил, это казалось невозможным, но он совершенно не думал об этом дне, поскольку всецело был погружен в события в Беллеции.

А вот мама и папа явно очень волновались, хотя изо всех пытались скрывать свое волнение на протяжении всего завтрака и поездки в больницу. Почему-то именно это вставало начать волноваться и самого Люсьена.

Он знал, что чувствует себя сейчас значительно лучше, чем во время лечения. У него прошла та ужасная постоянная усталость — она сменилась гораздо более здоровым ощущением постоянного недосыпания из-за его ночной жизни в Беллеции. Да и возвращения из Беллеции больше не были такими изнурительными, как в тот: первый раз, когда на него как будто навалилась свинцовая тяжесть.

Но когда он прошел через вращающиеся двери в амбулаторное отделение, его старые страхи вернулись. Наверное, из-за запаха, решил он. Это была смесь раствора жидкости для дезинфекции, которой мыли полы: розовой антисептической жидкости — врачи мыли ею руки, и слабого запаха разваренной капусты, доносящегося из кухни. Абсурдно, но от этого запаха у Люсьена сразу заныло в желудке.

Пока они сидели в приемной отделения онкологу он изо всех сил старался отвлечься от мыслей о предстоящем обследовании, вспоминая вчерашние события в Беллеции. Во-первых, Арианна пришла в ярость, услышав, слова Герцогини.

— Ты не можешь управлять мной, как привыкла управлять всеми! — возмутилась она. — Ты больше не Герцогиня, так что я не обязана подчиняться тебе. И то, что ты моя мать по крови, не дает тебе никакого права так поступать. Ты бросила меня. Моя мать — та, что вырастила и воспитала меня. И она никогда не объявила бы о подобном решении, касающемся меня, даже не спросив моего мнения!

Все, кроме Сильвии, были смущены этой вспышкой. Герцогиня позволила ей высказаться. Она дождалась, пока Арианна замолчала и уткнулась, рыдая, в грудь Валерии. Глаза сестер встретились на ее взъерошенными, каштановыми кудряшками.

— А что ты предлагаешь, Арианна? — спросила Герцогиня. («Очень мягко для нее», — подумал Люсьен.) — Беллеции нужен правитель. Город должен остаться независимым от Реморы. Ты согласна?

Кудрявая голова, покоившаяся на груди Валерии, кивнула.

— Так кто же это будет? Я не готовила никого себе на замену, ведь мой уход не был задуман заранее. Лишь все эти покушения натолкнули меня на мысль, что я принесу гораздо больше пользы, действуя за кулисами. У тебя будет регент. Ты еще слишком молода, чтобы

правильно но Родольфо мог бы тебе помочь. И я буду всего в нескольких милях — в Падавии, — готовая прийти на помощь, как только понадобится тебе. Я всегда желала тебе добра и именно поэтому не стала сама растить тебя. Ты бы стала самым лучшим заложником для ди Киммичи, которые пошли бы на все, чтобы заставить меня подписать этот договор или сделать еще что-нибудь, нужное им. В Беллеции есть люди, которые знают ситуацию и будут помогать тебе — все в этой комнате и твои бабушка с дедушкой. Тебе не придется делать это одной.

В этот момент назвали его имя, и Люсьен внезапно испытал сильнейшее чувство благодарности к родителям.

— Я очень рад, что вы здесь, со мной, — шепнул он им, и они вместе вошли к консультанту.

Энрико был абсолютно не готов к визиту отца Джулианы. Витторио Масси был крупным широкоплечим мужчиной, и сейчас он был в плохом настроении. Он вошел в комнату Энрико, выкрикивая «Где она?!», за этим последовали неразборчивые угрозы, включая избивание кнутом, и ругательства в адрес дочери, которую он называл проституткой и многими другими, еще менее лестными словами. Энрико был удивлен.

— Вы говорите про Джулиану? — спросил он. — Я не видел ее несколько дней, с тех самых пор, как умерла Герцогиня, упокой богиня ее душу.

Витторио рефлексивно осенил себя «рукой фортуны», но не успокоился.

— Мы тоже не видели ее с тех пор, — ответил он. — Утром она сказала, что отправляется на Бурлеска, на очередную примерку, но оттуда прислали человека передавшего, что она не приехала и что они беспокоятся о ее здоровье. Поэтому я решил, что она у тебя, Позор на всю нашу семью из-за того, что она так бесстыдно поступила — и всего за десять дней до свадьбы!

Он рыскал по комнате, но было ясно, как день, что здесь нет и спрятаться ей негде. Энрико почувствовал беспокойство: может, она сбежала с серебром?

— Она взяла что-нибудь из вещей? — спросил он

— Пойдем, взглянешь сам, — ответил Витторио. — Насколько я могу сказать, все на месте.

Витторио, никогда не любивший своего будущего зятя начал понимать, что тот и в самом деле не знает, где Джулиана. Он почувствовал облегчение. И тут же — новое волнение: если его дочь не со своим женихом, то где же, во имя Лагуны, она есть?

* * *

Уборка палаццо продолжалась еще долго после похорон. Зеркальная комната была полностью уничтожена, но каждый осколок был осмотрен несколько раз, сначала в поисках останков Герцогини, потом в поисках улик и, наконец, на предмет того, чтобы выбрать те детали драгоценных зеркал, которые можно было бы восстановить или хотя бы сохранить. Только после этого все ненужное выбросили.

Все комнаты рядом с аудиенц-залом тоже сильно пострадали. Личные апартаменты Герцогини, Зал Совете, зал с картами и двумя огромными глобусами — земли и неба — все они нуждались в ремонте и декорировании. Но все это было отложено до того момента, когда будет выбрана новая Герцогиня.

Никто не обратил внимания на Сюзанну, когда она упаковывала и уносила личные вещи своей хозяйки. Люди решили, что она исполняет последнюю волю и передает наследство родственникам госпожи, если, конечно, таковые остались. Шкатулки с драгоценностями и серебром, ценные бумаги и великолепный портрет работы Мишеля Джамбери (но ни одного из великолепных платьев или масок) — вот что поможет Сильвии начать новую жизнь.

Консультант, мистер Ласки, просматривал толстую медицинскую карточку Люсьена. Несколько минут он провел, освежая в памяти историю болезни. Он занялся этим, как только они вошли. Люсьен был уверен, что для его родителей эти минуты показались годами, но сам чувствовал себя несколько отстраненно. Мистер Ласки не держал его судьбу в своих руках — все уже было решено, — он был только вестником.

— Я боюсь, что у меня для вас плохие новости, — наконец сказал консультант. — ЯМР-сканирование^[11] показало, что опухоль снова растет.

Люсьен почувствовал, как похолодела его кровь, и сквозь его отстраненность пробилась мысль — все это именно так и есть, это не просто слова. До него донесся сдавленный стон матери.

— Что именно это значит? — спросил отец. — Наш сын сможет от нее когда-нибудь избавиться?

— Вопрос на миллион долларов, — ответил мистер Ласки, — наши пациенты всегда хотят получить ответ на него... ответ, которого я дать не могу. Мы, конечно, продолжим лечение, так как надеемся, что болезнь снова отступит, но я должен предупредить вас, что это плохой знак.

В комнате воцарилась тишина — все пытались осознать происходящее. Люсьен с грустью подумал о новой химиотерапии, о постоянной усталости и о том, что снова потеряет волосы. Он жалел, что не может воспользоваться двойником, как Герцогиня. Но это был Лондон, а не Беллеция, и он знал, что ему предстоит самому перед перенести все это.

— Вы не хотите спросить еще что-нибудь? — мягко сказал мистер Ласки. Иногда он просто ненавидел эту работу.

— В последнее время произошли два странных случая — я не могла утром разбудить Люсьена, — сказала мама. — Я имею в виду, что это было нечто более серьезное, нежели просто глубокий сон.

Первый раз это затянулось на несколько минут, но во второй я даже вызвала нашего семейного врача. И оба раза он просто проснулся, как ни в чем не бывало.

— Ох, мам! — сказал Люсьен. — Какое это теперь имеет значение?

Но мистер Ласки очень заинтересовался и задал массу вопросов и даже проверил зрачковый рефлекс Люсьена маленьким фонариком.

— Я не могу объяснить этого, — наконец сказал он, — но я бы хотел, чтобы вы приглядывали за ним, и, если это повторится, — сразу привезли его сюда. Вы можете

предупредить моего секретаря, и я буду готов. Я считаю, что его непременно нужно обследовать в тот самый день, когда это случится. А пока я отдам распоряжение, чтобы химиотерапию Люсьену начали как можно раньше.

Говорить было больше не о чем, они попрощались и вышли.

У Арианны голова шла кругом. За несколько дней из простой девчонки с островов, находящейся к тому же под угрозой смерти, она превратилась в потенциальную Герцогиню. Когда Герцогиня впервые рассказала ей правду о ее рождении, она испытала смесь неверия, обиды и восторга.

Теперь она раздумывала о правлении городом и просто представить себе не могла, каково это.

Что касалось Герцогини, то чувства Арианны к ней остались прежними. Она просто не могла думать о ней, как о своей матери. Эта роль навсегда останется за Валерией, любящей и мягкой, пахнущей травами и хлебом, которая была с ней всю ее жизнь. Герцогиня же была беспощадной, эгоистичной, непреклонной командиршей, которой некогда было растить своего ребенка.

Но по прошествии нескольких дней Арианна почувствовала, что у нее все-таки много общего с родной матерью. Несмотря на то что идея стать Герцогиней в шестнадцать лет пугала ее до глубины души и даже обещанная помощь Родольфо была слабым утешением, она постепенно начинала проникаться ее чарующей силой.

Что-то подобное произошло, когда она впервые узнала тайну своего рождения: начальная неприязнь быстро сменилась восторгом от мысли, что ее ждет совсем другая, новая, неизвестная жизнь, а не та, которая, как она полагала, была ей уготована. Казалось, что очень давно прошли те времена, когда самым большим ее желанием было стать мандольером.

В итоге, прежде чем принимать решение, она попросилась обратно на Торроне, чтобы провести время с теми, кого все еще считала своей настоящей семьей. Она попросит у них совета и помощи.

— Пусть едет, — сказала Герцогиня, узнав о желании Арианны от Леоноры. — она все-таки моя дочь — она вернется.

* * *

Десятидневный траур был объявлен в Беллеции перед борами новой Герцогини. На улицах начали появляться транспаранты с именем Франчески ди Киммичи. Горожане не равнодушно обсуждали свое будущее. Весь охвачен странной апатией, совершенно не характерной, для жителей Лагуны.

Не в их духе было погружаться в депрессию и уныние. Но в городе никогда не происходило ничего, настолько ужасного, как убийство его правительницы. С той самой ночи, когда злосчастная стеклянная маска навсегда изменила судьбу и обычаи города, ничто не задевало беллицианцев так глубоко.

Никто не испытывал энтузиазма по поводу правительницы из семьи ди Киммичи, которая, без сомнения, положит конец независимости города, но других кандидатов просто не было. Обычай не оставлять распоряжении по поводу преемников был частью образа бессмертной Герцогини.

Немногие могли вспомнить те выборы, когда юная двадцатилетняя девушка стала правителем города на четверть века. И никто не помнил ее фамилии или истории.

Она была просто прирожденным политиком и оратором, получив место в Совете еще до двадцатилетия. Предыдущая Герцогиня, бездетная женщина средних лет по имени Беатрис, полюбила юную беллецианку, рожденную в городе, но выросшую на Бурлеска, и подготовила ее в качестве своей преемницы. Это произошло гораздо раньше, чем ожидалось, и причиной тому стала чума. Болезнь не различала чинов, и Герцогиня стала одной из ее первых жертв.

Тогда Беллеция тоже была дезориентирована и находилась в поисках сильного лидера, и юная

Сильвия выбила свою кандидатуру. Ди Киммичи в те времена были уже слишком заняты укреплением своей власти на западе страны, так что у нее не было настоящих соперников.

Если и было какое-то неприятие того, что такой молодой и неопытный политик станет править городом, оно было преодолено ее красотой, умом и сильнейшей преданностью городу и забыто много лет назад. Долгие годы Герцогиню считали незаменимой.

* * *

Для Люсьена после похорон Герцогини наступило странное время. Арианна была на Торроне, и ему не с кем было бродить по городу после занятий. Ему ее очень не хватало, но он испытывал странное меланхоличное удовольствие, прогуливаясь по опустевшим улицам притихшего города.

Это очень подходило к его собственному настроению. Он проводил много времени в раздумьях о том, что ждало его в родном мире.

Пока что он не чувствовал себя больным, но хорошо знал, как все изменится, когда возобновится лечение. И ему почему-то казалось, что на этот раз ничего не выйдет. Он был уверен, что мистер

Ласки тоже так думает. Что же он скажет своим друзьям в Беллеции? Он чувствовал себя совершенно беспомощным, и был искренне рад, что в этом прекрасном городе смертельная болезнь оставляет его.

Теперь, когда он увидел настоящую Венецию, он еще сильнее полюбил этот город. Беллеция, конечно, была не такой чистой, но зато была какой-то более свежей, здания были более новыми, и весь город казался более живым и полным надежд. До катастрофического происшествия с Герцогиней, конечно.

Люсьен снова подумал о том, как удобно использовать двойников для того, чтобы справиться с трудными вещами, с которыми не хочется иметь дело. И смерть была главной из них. Это сработало для Герцогини... Он оперся на каменный парапет маленького моста и смотрел в грязную воду, вспоминая разговор с родителями, состоявшийся сразу после посещения больницы.

Отец изо всех сил пытался поддержать его, говоря всякие ободряющие слова, в которые, как был уверен Люсьен, сам уже не верил. Но его маленькая храбрая мама была исполнена новой, яростной решимости — Люсьен никогда не видел ее такой.

— Мы должны помочь ему, Дэвид, — сказала она, перебирая свои темные кудрявые локоны, как до этого волосы Люсьена.

Люсьен, мы должны поговорить о том, что тебе может не повезти во второй раз.

— Я знаю мам. — сказал он так хладнокровно, как только мог.

Но они не смогли. В тот раз. Они отложили этот разговор до следующего дня, и Люсьен отправился в Беллецию, как только смог, моля о том, чтобы ночь наступила как можно быстрее.

Это утро с Родольфо прошло совершенно не так, как обычно. Три *страваганти* долго обсуждали, захочет ли Арианна стать Герцогиней. Сильвия продолжала жить у Леоноры, в полной безопасности, надежно скрытая в самом сердце города, считавшего ее мертвой.

Родольфо был очень расстроен.

— Сильвия хочет, чтобы я объявил, что Арианна ее ребенок. Потом я должен предложить себя в качестве регента. Похоже, что юный возраст Арианны будет единственной помехой на ее пути, если люди поверят в историю ее рождения.

— Вы не хотите делать этого? — спросил Люсьен. Они все были в саду на крыше, освещенном лучами летнего солнца. Детридж устроился в гамаке, а Люсьен с Родольфо — на одной из мраморных скамеек. Родольфо серьезно смотрел на своего ученика.

— Это относится к вещам, о которых не слишком легко говорить, — начал он. — Особенно со столь юным человеком, как ты. Я не хочу тебя обидеть, а имею в виду то, что здесь затронуты такие сердечные переживания, какие, я искренне надеюсь, тебе еще не скоро предстоит узнать. Сильвия не спрашивала, хочу я принять эту ответственность на себя или нет, она посчитала, что я подчинюсь и выполню ее желание. Именно так была устроена наша жизнь, именно так я вел себя все двадцать лет. и особенно последний год. И она знает, что каждый настоящий беллецианец сделает все. что возможно для своего города. Но если бы это была любая другая девушка!

Следить за ребенком от другого мужчины...

Он замолчал и резко встал, начав мерить шагами маленькую террасу точно так же, как и при первой встрече с Люсьеном.

— Да, очень горько сомневаться в верности жены, — сказал Детридж.

Родольфо замер.

— Я не имел в виду ничего конкретного, — быстро добавил елизаветинец, — но суть твоей проблемы именно такова. Ты должен прямо спросить ее о том, о чем тебе необходимо знать.

Люсьен был поражен. Он чувствовал себя мальчишкой рядом с этими двумя людьми, каждый из которых был значительно старше и мудрее его. И он просто не знал, как спросить совета у Детриджа по поводу собственных проблем. Елизаветинец никогда раньше не вспоминал о своей жене или детях.

Он увидел, что теперь Родольфо пристально смотрит на него.

— Лючиано! — обратился к нему Родольфо, подойдя к нему и взяв его руку в свои. — Мне очень жаль, я был настолько погружен в собственные заботы, что совершенно забыл, что у тебя в твоём мире должно было произойти очень важное событие. Расскажи, как прошел твой визит в больницу.

Люсьен опасался этого вопроса. Но смысла ходить вокруг да около не было.

— Плохие новости, — ответил он, — мне стало значительно хуже.

Детридж быстро выбрался из гамака, и оба мужчины заключили его в молчаливые объятия. В их глазах стояли слезы, а Люсьен почувствовал, как они оба близки и дороги ему. Было очень тяжело думать, что, возможно, он покинет своих любимых родителей, но теперь он понял, что, вероятно, ему вскоре придется попрощаться еще и с Беллецией и всеми этими людьми, которые стали ему так дороги.

* * *

Ринальдо ди Киммичи ходил по лезвию бритвы. Не было никаких признаков того, что кто-нибудь знает о его причастности к покушению. Его молодая кузина Франческа была в городе и уже даже вышла замуж за пожилого беллецианского советника, который пропил и проиграл почти все семейное состояние. Теперь Франческа была беллецианкой и могла законно претендовать на роль Герцогини.

В течение нескольких следующих дней должны будут осуществиться все его надежды на изменение положения в собственной семье. Захват Беллеции стал бы бриллиантом в короне его амбиций. Но он играл в гораздо более серьезные игры — он должен заполучить то, что было у мальчишки. Для этого он вновь вызвал Энрико.

Но шпион не пришел в резиденцию ремского посла. Они встретились в маленькой кофейне возле старого театра. Ди Киммичи был шокирован тем, как сильно изменился этот человек. Пропала его обычная самодовольная важность, на лице была трехдневная щетина.

— Что со мной случилось? — вяло переспросил он, как только патрон поставил перед ним большой стакан стрега. — Моя невеста исчезла, и никто не знает, где она. И ее серебра тоже нет.

Про себя Ди Киммичи подумал, что она могла передумать связывать свою судьбу со столь непривлекательным человеком, но объяснить случившегося не мог. Обычно он говорил все, что приходило ему в голову прямо, не исключая самых неприятных вещей, но сегодня он пришел не для того, чтобы обсуждать любовную жизнь шпиона.

— Мне нужно, чтобы ты еще кое-что сделал для меня. — наконец сказал он.

— За соответствующую плату, — автоматически ответил Энрико.

— Конечно, — отозвался посол.

— Что именно?

— Я хочу, чтобы ты, гм, схватил мальчишку.

— Убить его?

Ди Киммичи вздрогнул.

Не обязательно, только если он будет сильно сопротивляться. Я хочу, чтобы ты забрал все его вещи и принес их ко мне. Абсолютно все, какими бы незначительными они ни казались.

Энрико поднялся. Перспективе получить еще серебра стряхнула с него его апатию. Это будет легко. Ему уже приходилось следить за мальчишкой.

* * *

Вернувшись в Беллецию, Арианна направилась прямо в дом к тете и провела несколько часов наедине с Сильвией. Затем они послали весточку Родольфо, и вскоре три страваганти присоединились к ним в саду с фонтаном. Арианна одарила Люсьена одной из своих солнечных улыбок, но вскоре вновь стала серьезной. Люсьен подумал, что она выглядит так, будто за несколько дней своего отсутствия сильно повзрослела. Он задумался: можно ли то же самое сказать про его вид?

— Я приняла решение, — просто сказала она.

* * *

Наступил день выборов. На Пьяцца Маддалена построили деревянную платформу, на которой посадили чиновника со списком жителей города. Перед ним стояли две корзины — одна с черными, а другая с белыми камнем, с помощью которых будет проходить голосование. Каждый житель города, которому исполнилось шестнадцать имел право сделать свой выбор. Белые камешки за Франческу ди Киммичи, черные — для другого кандидата, ее имя еще не было объявлено.

Выбранные камни складывались в специальные чаши и должны были быть подсчитаны в Зале Совета. Результат объявят тем же вечером. Ходили слухи, что второй кандидат настоящий, а не просто фикция для законности выборов, но никто не знал, кто это будет. Горожане уже собирались на Пьяцца, и первые волны возбуждения пробежали по толпе впервые после убийства.

Стены палаццо все еще подпирали огромные деревянные стойки. Туристов было гораздо меньше, чем обычно, но все они были здесь, на этом неожиданном зрелище.

Как только колокол пробил одиннадцать, на платформу поднялись две небольшие группы людей: Родольфо, Арианна и синьора Ландини с одной стороны и Франческа ди Киммичи, по мужу Альбани, со своим мужем и послом. В толпе разнесся ропот — сенатор Родольфо был очень известной фигурой, а некоторые даже узнали недавно оправданную девушку, но никто не знал, зачем акушерка. Для кандидата не было ничего хорошего в том, что ее видели рядом с послом — его миссия была хорошо известна горожанам.

Чиновник посовещался с Родольфо и поднялся.

— Народ Беллеции! — возвал он. — У нас есть два кандидата. Первый — Франческа Албани, беллецианка по замужеству. Второй — Арианна Гаспарини, беллецианка по рождению. Оба кандидата будут представлены вам.

Ринальдо ди Киммичи встал и обратился к толпе. Речь его была не слишком вдохновляющей. Он не очень готовился, так как считал, что заплатил достаточному числу беллецианцев достаточное количество серебра, чтобы, как он думал, обеспечить, требуемый результат выборов в любой случае. Однако его все равно мучило любопытство по поводу другого кандидата. В какие это игры играл сенатор? А ведь смерть Герцогини должна была выбить его из колеи.

Редкие хлопки раздались, когда ди Киммичи сел, и гораздо более сильные аплодисменты — когда встал Родольфо.

— Сограждане, — начал он. — мы скорбим вместе, — по толпе разнесся одобрительный ропот. — Мы все потеряли ту, которую любили, ту, кого считали незаменимой многие годы. Кто-то может сказать, что нам не оправиться от этой потери, и в

чем-то я с ними согласен. Но когда мы уже отчаялись, у нас появилась новая надежда. В наступившей тьме забрезжили лучи нового рассвета. Герцогиня умерла не бездетной.

Эти слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. Под злым взглядом кузины ди Киммичи прошиб пот. Когда Родольфо продолжил, толпа затихла, жадно ловя каждое его слово.

— Эта молодая девушка, еще не достигшая шестнадцатилетия, уже доказала, что была рождена в Беллеции, чтобы опровергнуть обвинение в государственной измене специально сфабрикованное против нее. Присутствующая здесь синьора Ландини поклялась в Совете, что приняла роды у беллецианской дворянки и отвезла ее дочь Арианну, на Торроне в семью Гаспарини, которые удочерили ее. Теперь она расскажет вам продолжение истории.

Пожилая акушерка со страхом взглянула в толпу, увеличивавшуюся каждую минуту и уже заполнившую всю площадь.

— Матерью девочки была Герцогиня Беллеции. Я приняла роды в этом палаццо, — сказала она, указывая на дворец, — и сразу после этого отвезла ребенка к сестре Герцогини, Валерии Гаспарини, жившей на Торроне. Эта юная девушка, рожденная почти шестнадцать лет назад, — настоящая дочь Герцогини!

Толпа взорвалась. Не важно, что их Герцогиня оказалась немного не такой, какой они ее считали, не важно, что ребенка скрывали, главное, что сейчас Арианна стояла на платформе с высоко поднятой головой, ее фигура так напоминала фигуру матери, ее фиалковые глаза смотрели в толпу — она была избранницей каждого настоящего беллецианца.

Они не слишком внимательно выслушали, как Родольфо объяснил, что в случае ее избрания будет выполнять роль регента. Люди начали подходить к столу, выкрикивая свое имя и беря черные камни из корзины. Некоторые бросали серебряные монеты в ди Киммичи — к великому его смущению.

В полдень пришлось посылать за дополнительными черными камнями, тогда как корзина с белыми осталась нетронутой. Перед Ринальдо ди Киммичи росла горка серебряных монет, которую он изо всех сил старался не замечать. Когда кандидаты шли в Зал Совета для формального подсчета голосов, его кузина Франческа прошипела ему: «Я требую развода!»

На площади перед платформой лежала нетронутая куча серебра. Никто в Беллеции не хотел напоминания о том, что они могла проголосовать за кого-то, кроме дочери их Герцогини.

Когда Энрико тихо собирал серебро, над палаццо разнесся крик: «Да здравствует Беллеция!», «Да здравствует Герцогиня!» — у города вновь был правитель.

Глава 19

МЕЖДУ МИРАМИ

Когда Люсьен узнал результаты выборов, он подбросил шапку высоко в воздух и начал радостно кричать вместе с остальной толпой. Они с Детридом стояли рядом с дворцом Герцогини и вдвоем со старым страванте кричали: «Да здравствует Герцогиня!», пока не охрипли. Лючиано напрочь забыл про свой рак.

Они никак не могли пробиться к своим друзьям через толпу, собравшуюся во внутреннем дворе.

Родольфо и Арианна вошли во дворец через большие дубовые двери, на самом верху мраморной лестницы и пропали из виду. Ди Киммичи и его взбешенная кузина протискивались сквозь толпу в их сторону. Увидев их приближение, Люсьен отвел Детрида на Пьяцца, где начинался импровизированный праздник.

Уже были установлены деревянные столы, на площадь катили бочки с элем и ручные тележки, наполненные сыром, огромными копчеными окороками и буханками плоского беллецианского хлеба размером с колесо. Город готовился к празднованию выборов Герцогини без энтузиазма, а теперь, когда результат превзошел все их ожидания, люди поспешили отметить это как следует.

— Давай выпьем за здоровье новой Герцогини! — воскликнул переполненный радостью Детрид и повел Люсьена через площадь к одному из столов, где продавали в деревянных кружках. Люсьен сделал маленький слотов водянистого кислого пива и скривился. Оно и близко не было похоже на прозекко, но Детрид осушил свою кружку с явным удовольствием и пошел за добавкой. Он провозглашал такое множество тостов, что вскоре кружка Люсьена опустела, и он почувствовал, что площадь под ним утратила свою неподвижность.

— Ой! Держитесь, держитесь молодой человек! — смеясь, сказал елизаветинец. — Похоже, что вы не понимаете, как вам повезло! Позвольте мне помочь вам в этом.

Счастливый Люсьен смотрел, как Детрид пробирается сквозь толпу к прилавку с едой. Он чувствовал себя полностью удовлетворенным — Арианну выбрали Герцогиней и это означало начало новых, еще более захватывающих приключений. И хотя он все еще не был уверен в своем будущем ни в одном из миров, в этот момент он был счастлив просто присутствовать здесь.

Люсьен был среди друзей и собирался отпраздновать выборы, как настоящий беллецианец.

Он не заметил, как человек из толпы схватил его за руку — все беллецианцы сейчас жали друг другу руки и обнимались, но этот человек потащил его прочь с площади, и, когда Детрид вернулся, Люсьена уже нигде не было видно.

Сильвия устроила собственный маленький праздник прямо в саду Леоноры. Две женщины пили вино у фонтана.

— Ты же не пропустишь весь этот пышный праздник? — спросила ее Леонора, прислушиваясь к звукам пиршества, доносившимся со стороны площади.

Ее компаньонка ответила не сразу.

— Придется, — сказала она, — но я готова заплатить эту цену. Я хочу получить свободу. Я устала сидеть каждую неделю в Совете, слушая о преступлениях, совершаемых моими подданными. Я устала слушать мелкие жалобы каждый месяц. Я хочу ходить по улицам без маски. Я не хочу больше терпеть отвратительные разговоры Ринальдо ди Киммичи и его вонючие носовые платки.

Но больше всего я хочу, чтобы люди перестали пытаться убить меня.

— Ты предпочитаешь, чтобы они убили твою дочь? — тихо спросила Леонора.

— Этого не случится, — быстро ответила Сильвия. — С новой Герцогиней им придется начать все заново. Прошли годы политических игр, прежде чем Киммичи убедились, что я никогда не подпишу этот проклятый договор, и решились на покушение. И теперь они будут уверены, что с юной девушкой у них гораздо больше шансов на успех.

Леонора улыбнулась.

— Даже если бы ты не помогала ей, я думаю, что им было бы очень тяжело заставить Арианну делать то, что им нужно.

В герцогском дворце Арианна сидела на украшенном искусной резьбой деревянном стуле и гадала, будет ли ей когда-нибудь здесь уютно. Сюзанна посоветовала ей оставить всех прежних служанок, которые очень волновались о своем будущем со времени смерти Герцогини. Их вызвали, и сейчас они выстроились, чтобы выслушать ее волю.

Арианна заметила юную девушку в маске, значительно более молодую, чем все остальные, похоже, не намного старше ее самой. Она нервничала больше всех, и новая Герцогиня мгновенно почувствовала симпатию к ней.

— Как тебя зовут? — спросила она, подзывая юную служанку.

— Барбара, миледи, — ответила та, делая реверанс.

— Мне понадобится персональная горничная, чтобы одевать меня, — сказала Арианна. — Ты хотела бы быть ею?

Родольфо взглянул на нее и слегка покачал головой.

— Я имею в виду, — сказала Арианна гораздо более твердо. — Что это будет твоей новой обязанностью.

— Спасибо, миледи, — благодарно ответила девушка.

— Остальные могут продолжить свою обычную работу до дальнейших распоряжений, — сказала Арианна. — Это все.

Это был первый, с тех пор как они вышли утром на Пьяцца, момент, когда она, наконец, осталась наедине с Родольфо. Они оба очень устали. Арианна раздумывала, стоит ли сейчас

заговорить об ее отце, но Родольфо, похоже, просто засыпал. Вдруг он вздрогнул и вскрикнул: «Лючиано!»

Они оба осознали, что уже очень, очень поздно.

— Я надеюсь, что он не увлекся праздником настолько, чтобы потерять счет времени, — сказал Родольфо. Он подошел к двери, — Я должен на некоторое время оставить тебя, моя дорогая, и вернуться к себе. Почему бы тебе пока не отдохнуть? Позже люди будут ждать, что ты выйдешь к ним на балкон.

Теперь Арианна осталась одна — новая Герцогиня любимой Беллеции. Она взяла подсвечник и исследовала дворец. Он был удивительно тих и пуст. Почти все слуги были на кухнях, готовясь к ночному празднеству. Это была ее первая возможность побродить по дворцу в одиночестве. Когда она проходила мимо потемневшей опечатанной двери в Зеркальную комнату, ее пробрала дрожь.

Она прошла вверх и вниз по мраморным лестницам, и свеча отбрасывала причудливые тени вокруг нее. Как она хотела, чтобы Лючиано разделил с ней эту странную ночь! На нижнем этаже Арианна слегка заблудилась и толкнула очередные тяжелые двери. И чуть не уронила свечу.

Комната, казалась, была полна Герцогинями, наряженными в потрясающую одежду, и все они смотрели прямо на нее.

Она попыталась унять дрожь и держать свечу ровно и смогла, наконец, понять, что это галерея, где выставлены платья, которые последняя Герцогиня надевала на государственные праздники.

Витрина за витриной манекены с фигурой Сильвии были одеты в великолепные шелка, бархат и парчу, их лица спрятаны под усыпанными драгоценными камнями масками. Арианна задрожала.

«У меня ничего не получится, — подумала она, — я слишком молода».

Услышав шум позади себя, она резко обернулась, облив руки горячим воском.

— Простите, миледи, — сказала Барбара, — но я искала вас, чтобы спросить, что вы наденете сегодня ночью, — она проследила за взглядом Арианны, которая вновь смотрела на великолепные платья последней Герцогиня — Они прекрасны, правда, миледи? Но в покоях Герцогини их гораздо больше, и, если вы выберете одно из них, я смогу подогнать его по вашей фигуре, — она поклонилась, раздумывая, не была ли слишком прямолинейна.

— Пойдем, посмотрим, — с трудом ответила Арианна, губы которой как будто онемели, но внутри она была преисполнена решимости. Если ей пришлось занять место матери, то она сделает все подобающим образом.

* * *

— Что значит исчез? — спросил Родольфо, в отчаянии хватаясь за свою седую голову. Было ясно, что Детридж более чем слегка пьян.

— Да ничего страшно, — сказал Детридж. — Он был среди других празднующих и, без сомнения, уже отправился домой.

— Нет, — ответил Родольфо, — он не мог сделать этого.

Оставив Детриджа в лаборатории и строго наказав ему никуда не отпускать Люсьена, если тот появится, он стряхнул усталость и побежал вниз по лестнице. Он бежал всю дорогу

до дома Леоноры.

— Как она? — спросила Сильвия, встревоженная его расстроенным видом.

— У нее все отлично получается, — ответил Родольфо. — Я должен вскоре вернуться к ней, чтобы представить ее народу. Но я волнуюсь за Лючиано. Он не заходил сюда?

Обе женщины покачали головами, но ни одна из них не поняла, почему Родольфо так взволнован.

— Ты не оставишь нас на пару минут, Леонора? — попросила Сильвия, и вдова ушла в дом, оставив их сидящими рядом друг с другом на каменном бортике маленького фонтана. Но прежде чем Родольфо объяснил, почему так переживает за Люсьена, Сильвия начала говорить сама.

— Мне нужно с тобой кое о чем поговорить, — начала она, взглянув в его задумчивое лицо. — Вскоре возникнут вопросы о легитимности Арианны, это произойдет очень скоро, как только ди Киммичи оправятся от сегодняшнего потрясения, может быть, уже завтра, но точно до коронации.

Они ухватятся за любую соломинку, чтобы отменить результаты выборов и утвердить свою марионетку.

Родольфо ждал.

— Пора открыть истину, — продолжила Сильвия. — Ты должен сообщить им, что она законнорожденная. Ты должен рассказать им о нашей свадьбе.

Родольфо лишь через несколько секунд осознал, о чем говорит ему Сильвия.

— Наша свадьба не влияет на ее легитимность задумчиво произнес Родольфо, — если... если только... ты хочешь сказать, что Арианна — моя дочь?

Сильвия не ответила, Родольфо взял ее за подбородок своими длинными пальцами и повернул ее лицо к себе.

— Я должен знать, — сказал он так мягко, как мог. — Это сводит меня с ума.

* * *

Действие эля прошло, и Люсьен почувствовал себя ужасно — кошмарно болела голова и он был заперт в комнате, как ему казалось, где-то возле Большого Канала. Его странным компаньоном был смутно знакомый человек в синем плаще. Люсьен вспомнил, что он подошел и схватил его за руку на площади. Но как только они покинули Пьяцца, он перестал казаться дружелюбным: крепко держал Люсьена за рук у и, когда тот попытался освободиться, пригрозил ему мерлинским кинжалом. Заведя его в тихую боковую улочку, человек заткнул ему рот кляпом, связал руки и завязал глаза.

Люсьен упирался, пытаясь кричать, но редкие прохожие не обратили на это никакого внимания. Его затащили вверх по короткой лестнице, втолкнули в комнату с каменным полом, и он услышал, как за ним закрыли в заперли дверь. Чуть позже тот же, судя по запаху, человек тщательно обыскал его и забрал его вещи. Несмотря на все сдавленные крики и протесты Люсьена, он забрал все его вещи, включая и тетрадь. Гораздо позже какая-то женщина принесла ему кружку эля — последнюю вещь на свете, которой ему бы хотелось — и ломоть свежего хлеба. Но она не развязала ему руки.

Даже сквозь повязку на глазах Люсьен видел, что стало очень темно. Он лег на пол и отдался чувству безысходности.

Мистер Ласки был у себя в офисе на Харли Стрит, когда ему на пейджер пришло срочное сообщение. Через несколько минут, отменив все утренние встречи, он уже был в такси по дороге в больницу.

Дэвид и Вики Малхолланд, бледные и напряженные, стояли в отгороженной занавесями палате. Их сын лежал на столе и, на первый взгляд спал. Мистеру Ласки понадобилось все его терпение и опыт, чтобы проявить к ним внимание, вместо того чтобы сразу приступить к обследованию. Ему не терпелось осмотреть пациента, но он заставил себя выслушать мать и задать ей несколько вопросов.

— На этот раз все гораздо хуже, чем в предыдущие два раза, — сказала Вики Малхолланд дрожащим голосом, — мне пришлось вызвать скорую — я не смогла его разбудить сама, хотя пробовала все что угодно — кричала, трясла его, поливала водой. Затем я запаниковала по-настоящему, позвонила мужу, он посоветовал вызвать скорую — и вот мы здесь.

Во время своего монолога она беспрестанно мяла в руках бумажку.

— Что это? Это опухоль так влияет на мозг?

— Я не могу ничего сказать до обследования. — твердо ответил мистер Ласки.

— Это ведь ненормально, да? — напряженно спросил Дэвид Малхолланд. — В прошлый раз вы не упомянули. Что нам стоит ждать чего-нибудь подобного.

— Позвольте мне начать обследование, — сказал консультант. — Нам нужно сделать кое-какие анализы.

В Беллеции Люсьен не спал, несмотря на то что была уже середина ночи. Он непрестанно думал о том, что происходит сейчас в его мире. Он с ужасом представлял себе, что сейчас переживают его родители, испытал облегчение, когда услышал, как открылась дверь, хотя и опасался за свою жизнь.

Из-за того, что его глаза были завязаны, остальные чувства Люсьена обострились. Он почувствовал крепкий запах своего похитителя и еще один — острый, похожий на лосьон после бритья. Он услышал шепот и понял, что их было двое. Сквозь грубую ткань он видел яркий свет как будто кто-то светил фонариком ему в лицо. Затем свет слегка потускнел, и он почувствовал на своем лице чужое дыхание.

Люсьен не мог этого стерпеть.

— Зачем вы держите меня здесь? — спросил он, и его собственный голос показался ему очень жалким. — Я хочу домой.

— Ах, — произнес хорошо поставленный голос, — но где именно твой дом? И можешь ли ты отправиться туда? Или тебе нужно кое-что из того, что мы забрали у тебя?

Сердце Люсьена ушло в пятки. Они знали, что он *страваганте!* Наверное, это Киммичи. Но, скорее всего, они не знали, какая из его вещей была талисманом. В конце кондов, тетрадь была беллецианской. Возможно, они собираются попытаться его, чтобы узнать секрет.

— Вы не имеете права забирать мои вещи, — сказал он вслух. — Я хочу вернуться обратно к синьору Родольфо.

Вонючий и Пахучий — так он про себя назвал этих двоих. Вонючий что-то прошептал, и Пахучий обратился к Люсьену:

— Конечно, ты можешь вернуться к сенатору. Со временем. Мой друг отведет тебя.

И я хочу, чтобы мне вернули мои вещи.

— Ты получишь их обратно, — сказал Пахучий и добавил: — Все, за исключением тетради.

Конечно Люсьен не смог сдержать содрогания и услышал удовлетворенный смешок Пахучего.

«Великолепно, — подумал он. — Я сам сообщил им то, что им было нужно. По мере, теперь им незачем меня пытаться. Но, быть может, и незачем оставлять в живых?» Он представил, как

Вонючий ведет его по подворотням к палаццо Родольфо и тихо вонзает лезвие мерлинского кинжала между ребер. В каком-то смысле он даже хотел этого, так как, скорее всего, вернулся бы в свое тело в другом мире. Но живым или мертвым? Может, он хотя бы проживет достаточно, чтобы попросить прощения у родителей.

* * *

Детридж уже протрезвел. Прежде чем Родольфо вернулся с представления Арианны горожанам как новой Герцогини, Альфредо, по его указанию, вывел Детриджа в сад и подержал его голову под струей воды. Мокрый алхимик пытался унять головную боль и придумать, что же можно сделать.

— Мы можем посмотреть в зеркало, — наконец придумал он. — Я уверен, что смогу определить, вернулся он в свое тело или нет.

Родольфо подскочил к зеркалам. Он совсем забыл, что Детридж нашел способ заглянуть в мир Люсьена.

Зеркало всегда показывало комнату Люсьена и его самого, спящего в кровати, когда Лючиано был в Беллеции. Через несколько секунд он настроил зеркало на комнату. Через открытое окно лился солнечный свет, но кровать была пуста.

— Это ничего не значит — сказал Детридж, глядя на страдание, написанное на лице Родольфо. — Он мог не вернуться, а мог и вернуться.

— Нет, — горько сказал Родольфо. — Он не может вернуться, я точно знаю это и в этом моя вина. Наверное, его родители отвезли тело к врачу. Спаси нас, богиня, если они подумают, что он умер.

— Ох, — сказал начавший серьезно волноваться Детридж, — люди часто думали, что я умер, когда я был в *стравагацци*, — он был готов признаться в своем самом сильном страхе. — Я думаю, что меня похоронили, и я задохнулся в гробу — именно так я остался здесь навсегда Родольфо хлопнул старика по плечу.

— Мы не должны допустить, чтобы подобное случилось с Лючиано. Мы отыщем его и отправим домой.

Свет залил спальню Герцогини, когда Барбара открыла деревянные ставни. Арианна проснулась от глубокого, крепкого сна, не понимая еще, где она находится. Потом она вспомнила: теперь она Герцогиня.

Все события вчерашнего дня всплыли в ее голове — выборы, комната с платьями, ее одевают в синее атласное платье, подгоняя его с помощью огромного количества булавок, она стоит на *Loggia degli Arieti* с сенатором Родольфо. Он был еще более отстранен, чем обычно, а она так хотела поговорить с кем-нибудь о ее предыдущей ночи на этом балконе, в день Венчания с Морем.

— Как бы я хотела, чтобы Лючиано был здесь, — сказала она, приветственно махая толпе внизу.

Она была уверена, что он *стравагировал* домой и жалела, что не попрощалась с ним.

Но Родольфо обратил на нее взгляд своих больших черных глаз и тихо сказал что-то вроде «как бы я хотел, чтобы это было не так».

Арианна не смогла спросить его, что это значило. Она только начинала понимать, какова жизнь

Герцогини Беллеции, и одним из первых открытий стало то, что она практически никогда не оставалась одна. Где-то рядом всегда была охрана или слуги, и каждый час ей приходилось принимать сотни маленьких решений. Арианна недоумевала, как ее мать смогла выносить это четверть столетия. Это началось опять — пока Арианна сидела с чашкой зрячего шоколада в постели, Барбара непрерывно рассказывала о том, что предстоит сделать сегодня, что скоро придет портниха, чтобы приготовить все необходимые ей предметы одежды, включая платье для коронации.

Но Арианна практически не думала о своем гардеробе. Она, в отличие от Сильвии, была не слишком тщеславна. Что ее действительно волновало сейчас, так это ее государственные обязанности, заседания Сената и Совета, появление на публике, отношения с ремским послом.

Она отдала пустую чашку Барбаре и снова спряталась под одеяло. Быть мандольером было бы намного проще.

Люсьен был в отделе интенсивной терапии. Ему сделали еще одно ЯМР-сканирование рентген и электроэнцефалограмму. Было уже восемь часов вечера, а он все еще не проснулся. Сейчас он лежал в своей пижаме на больничной койке, его лицо было бледным, но умиротворенным. Рядом с ним сидела мать и держала его за руку.

Мистер Ласки изучил результаты обследования и выглядел очень серьезным.

— Опухоль уже слегка увеличилась со времени последнего сканирования, — сказал он, — но я не вижу никакого объяснения этому бессознательному состоянию.

— Так в чем же дело? — спросил отец Люсьена, изо всех сил сдерживая охватившую его панику.

Мистер Ласки покачал головой.

— Мы просто не знаем этого. Но еще рано о чем-либо говорить. Мы будем наблюдать за

его дыханием и мозговой активностью в течение двадцати четырех часов и узнаем какие происходят изменения. Также его осмотрит невролог. Постарайтесь не переживать слишком сильно раньше времени. Это отделение видело множество людей, вышедших из комы.

— Кома? — сказала миссис Малхолланд. — Так он в коме?

Родольфо не ложился. Всю ночь он провел, изучая с помощью зеркал закоулки Беллеции и даже другие города Талии в поисках Люсьена. После рассвета, наскоро позавтракав, он отправился во дворец Герцогини не через секретный ход, а по улицам. Он медленно шел по Пьяцца, которую еще продолжали убирать после ночных празднеств. Как он скажет Арианне, что Люсьен исчез? Он даже не говорил ей, что тот снова болен. И он должен был поговорить с ней еще кое о чем важном. Но не готов справиться со всем этим сразу.

Родольфо остановился и потер уставшие глаза. Несмотря на то что ди Киммичи потерпели поражение и в покушении на Сильвию и на выборах этим утром, впервые за все время Родольфо почувствовал, что враг побеждает.

Арианна была во временном аудиенц-зале.

— Доброе утро, Ваша Светлость, — сказал он, кланяясь.

— Доброе утро, сенатор, — ответила Арианна. — Но я ведь еще не она, а? Я имею в виду «Вашу Светлость», ведь коронация еще не состоялась.

— Это так, — сказал Родольфо, — и среди всего прочего нам нужно обсудить приготовления, необходимые — для этой церемонии. Мы должны знать, сколько времени уйдет на пошив платьев и все такое.

Если бы Арианна сидела, то непременно бы вскочила бы на ноги.

— Опять одежда! Это что, все, чем приходится заниматься Герцогине? Я хочу знать, сколько у меня будет денег, сколько часов в день мне придется работать и когда я могу начать издавать законы. Иначе я не уверена, что хочу доводить дело до коронации, каким бы ни был результат выборов.

Прежде чем ответить, Родольфо долго смотрел на Арианну, а потом устало провел рукой по лицу.

— Ты, конечно, права, — наконец заговорил он. — Тебя не стали спрашивать, хочешь ли ты быть Герцогиней. Ты все еще ребенок, хотя я более чем уверен, что ты будешь великой правительницей, но пройдут годы, прежде чем ты сможешь принимать решения без нашей помощи. На тебя ляжет множество скучных и тяжелых обязанностей и работа очень редко будет радовать тебя или доставлять удовольствие. Но если ты веришь, как верим Сильвия и я, что ди Киммичи нельзя доверять и что их попытки захватить абсолютную власть в стране должны быть пресечены, то не остается ничего, как только продолжать борьбу здесь, в Беллеции. Но ты сможешь действовать только после коронации. Он сделал паузу и взгляделся в ее лицо своим пронзительным взглядом.

Ты думала об этом, пока была на Торроне? Советовалась с родителями?

— С приемными родителями, — поправила его Арианна. — Да. Мы только об этом и говорили. Но я не знала, что это будет настолько трудно.

Родольфо впервые увидел в ней маленькую девочку. Он отбросил на время

беспокойство о Люсьене и устало улыбнулся ей.

— Тогда позволь мне ответить на твои вопросы... Во-первых, деньги. Сильвия, как ты знаешь, забрала свои собственные ювелирные украшения и некоторые ценности. Она оставила практически всю свою роскошную одежду, часть из которой может, наверное, быть переделана и подойдет тебе. Остались и все — а их немало — государственные драгоценности, которые ты будешь надевать по особым случаям.

Сильвия также забрала достаточно серебра, чтобы начать в Падавии новую жизнь как весьма преуспевающая горожанка. Но каждая новая Герцогиня имеет весьма значительный доход от налогов, оплачиваемых гражданами. Он поступает в городскую казну и идет, в основном, на оплату всяческих городских праздников, но солидная сумма полагается лично Герцогине, и она может тратить ее по своему усмотрению. Если тебе понадобится совет — я всегда к твоим услугам, *и еще* ты можешь обратиться к государственному казначею.

Что касается законов, то они выносятся на рассмотрение Сената, состоящего из двадцати четырех главных помощников Герцогини. Но все, что будет предложено правящей Герцогиней, я уверен, будет рассмотрено весьма благосклонно. У тебя уже есть что-то на уме?

— Я хочу издать закон, по которому девушкам будет разрешено обучаться на мандольеров, — сказала Арианна, слегка вздыхая. Теперь, когда на ее плечах лежала тяжесть управления городом, это казалось такой мелочью, но она очень хотела внести это маленькое изменение как можно скорее, несмотря на то что сама не сможет воспользоваться им.

— Как только ты будешь коронована, я лично прослежу, чтобы это было рассмотрено на первом же заседании Сената, — ответил Родольфо.

— И я хочу избавиться от этого ужасного обычая, по которому все молодые женщины должны носить маски, — продолжила Арианна.

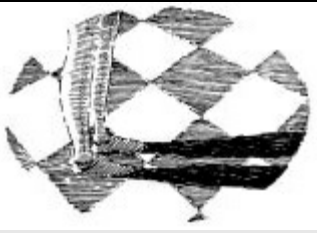
— Будет очень трудно убедить Сенат в необходимости сделать это, — ответил Родольфо. — Я бы хотел посоветовать тебе не спешить и не менять слишком многое сразу. Городу нужна преемственность.

— А как насчет палаццо? — спросила Арианна. — Могу я изменить кое-что здесь?

— Опять же — только после коронации — ты можешь вносить любые изменения, если мы договоримся о них между собой. У тебя уже есть какие-нибудь идеи?

— Я хочу избавиться от Зеркальной комнаты, — ответила Арианна, безотчетно вздрагивая. — У меня от нее мурашки по коже.

— Я с радостью поддержу тебя, — сказал Родольфо. Он встал и подошел к окну. — Теперь, если я успокоил тебя насчет твоих обязанностей и возможностей как Герцогини, я должен рассказать тебе кое-что о Люсьене. И это очень серьезно.

Глава 20

С ТЕНЬЮ

Заканчивались первые полные сутки заключения Люсьена. Ему развязали руки, так что он смог стянуть повязку с глаз и оглядеться. Он был в маленькой комнате с каменным полом, мебели практически не было. Стул, набитый соломой матрас, который принесли специально для него, и запертый деревянный сундук, на котором стояли кувшин и лохань для умывания. В дальнем углу — ведро для отправления естественных потребностей.

В комнате было только одно высокое окно, и, как только у него отошли онемевшие запястья, Люсьен снял лохань и кувшин с сундука и, подтащив его к окну, залез на него и выглянул наружу.

Вид открылся не слишком обнадеживающий. Он действительно был на одном из верхних этажей, и, исходя из знания шпилей и колоколен Беллеции, мог примерно определить, где он находится.

Но это совсем не помогло ему. Он был уверен, что находится в апартаментах ремского посла. Но важно было не то, где он находится, а как ему получить его тетрадь. Если бы она была у него, он бы мог мгновенно стравагировать домой. Без нее он был привязан к этому миру почти так же, как Детридж.

Прошло несколько тягостных часов, и он уже был рад убежать хотя бы к Родольфо. В полночь, как он определил по лунному свету из высокого окна, женщина принесла ему еще эля и хлеба и даже немного оливок. Но она не захотела разговаривать с ним и выскочила из комнаты так поспешно, как только могла. Она сразу же заперла за собой дверь.

Люсьен проклинал себя за глупость. Он ведь мог легко справиться с этой женщиной. Но ему претила сама идея нападения на безоружного, беззащитного человека, приносящего ему еду.

Однако он все-таки принял решение попытаться освободиться, как только она придет снова.

А пока он съел все, что принесли, и даже выпил эль, потом лег на матрас и заснул, впервые с момента своего похищения.

* * *

— Я кое-что обнаружил! — воскликнул Детридж, который практически непрерывно следил за магическими зеркалами с момента исчезновения Люсьена.

Родольфо сразу же подошел к нему и взглянул в зеркало, которое Детридж настроил на комнату Люсьена в его родном мире. Женщина лежала на его кровати, обняв руками подушку. Зеркало не передавало звуков, но было видно, что она плакала. Родольфо жестом

попросил Детриджа отойти и прикрыл зеркало серебряной шторой.

— Что вы об этом думаете? — спросил Детридж — Это его мать?

— Я боюсь, что да, — сказал Родольфо. Его лицо выражало сильнейшие переживания. — Она страдает, а мы ничем не можем ей помочь. Может, мне стравагировать в мир Лючиано?

Прежде чем Детридж успел ответить, в дверях показался запыхавшийся Альфредо:

— Мастер, — сказал он, — ди Киммичи созвали Народный Сенат, заседание состоится завтра, по всему городу уже развешаны плакаты.

Герцогский Сенат собирался раз в месяц по распоряжению Герцогини и занимался всеми гражданскими вопросами. Но каждый гражданин, заручившись поддержкой одиннадцати других, мог собрать так называемый Народный Сенат для решения экстраординарных вопросов. Тогда двадцать четыре сенатора соберутся не в Зале Сената, а в большом Зале Совета, двенадцать граждан, собравших Сенат, сообщат о своем деле, и начнется открытое слушание. Беллецианцы заполнят зал, который обычно занимают двести сорок советников.

Это было редкое событие, но абсолютно конституционное. Ди Киммичи не сам создал Сенат, так как был жителем Реморы, но подкупил для этого двенадцать беллецианцев. Это было не слишком сложно — овладевшее всеми во время выборов возбуждение уже прошло, и люди были открыты сомнениям, тем более что они ничего не знали о своей новой Герцогине.

В этот вечер в лаборатории Родольфо проходило чрезвычайное совещание. Альфредо привел двух женщин из дома Леоноры, и Арианна, получившая сообщение от Родольфо, впервые воспользовалась потайным ходом. Войдя в освещенную свечами комнату, она взглянула в серьезные лица собравшихся, всем сердцем желая, чтобы Лючиано был в безопасности, здесь, среди этих серьезных взрослых людей.

— Что случилось? — спросила она.

— Ринальдо ди Киммичи организовал собрание Народного Сената, оно состоится завтра, — ответил Родольфо, — и мы не можем остановить его.

— Но тебе не придется председательствовать, быстро добавила Сильвия, — поскольку до коронации ты еще не вступила в права. Родольфо будет вести разбирательство, как Главный сенатор.

— Мне придется присутствовать? — спросила Арианна, чье сердце ушло в пятки.

— Боюсь, иначе невозможно, — ответил Родольфо. — Мы подозреваем, что дело будет касаться именно тебя, ди Киммичи попробует использовать любую возможность, чтобы отменить результат выборов.

— Что он может сделать? — спросила Арианна.

— Он поставит под сомнение твою легитимность, — ответила Сильвия. — Эти вопросы никогда особо не заботили беллецианцев, но в конституции действительно есть статья, которая требует, чтобы претенденты были законнорожденными. Надо было отменить ее, пока я была у власти.

Арианна пришла в смятение:

— Но тогда мое избрание будет признано незаконным!

— Подожди, дитя, — сказала Леонора.

— Мы можем отклонить это конкретное обвинение, — сказал Родольфо, мельком взглянув на Арианну, — но мы не знаем, что еще они планируют. Я боюсь, что исчезновение

Лючиано — их рук дело. Мои люди обыскивают город, но нигде нет и следа его — значит, его где-то заперли. Но есть еще кое-что, очень беспокоящее меня.

Он начал ходить по комнате взад-вперед.

— Лючиано сказал нам с Детриджем, что его болезнь вернулась. Не важно, похищен он или нет, я точно знаю, что он не вернулся в свой мир. Мы не можем определить, ни сколько там прошло времени, ни что его родители думают о его безжизненном на вид теле. Доктор сказал, что он должен выглядеть спящим — дышать, но оставаться без сознания.

— Это ужасно! — воскликнула Арианна. — Они подумают, что это из-за его болезни!

И Родольфо и Детридж были очень мрачны, так Арианна испугалась по-настоящему. Она была так поглощена своими проблемами, что новость о болезни Люсьена стала для нее настоящим шоком.

От мысли, что она может больше никогда не увидеть его, Арианна чувствовала себя опустошенной.

Мистер Ласки и невролог, мисс Бьюмонт, так и не смогли понять, что же произошло с Люсьеном.

Его кома продолжалась уже три недели. Через некоторое время его пришлось кормить внутривенно. Еще через несколько дней он перестал самостоятельно дышать и теперь был подключен к аппарату. Он очень похудел и был смертельно бледен.

— Сегодня мы должны объявить его родителям, — сказала мисс Бьюмонт. — Никаких признаков активности мозга. Он не восстановится. Не остается ничего — только выдернуть шнур.

Заседание Народного Сената было назначено на три. С самого утра люди начали собираться на Пьяцца, чтобы попасть в зал заседаний. Как только все места советников были заняты, люди начали выстраиваться у стен. Вскоре в Зале Совета стало очень душно.

Люсьена снова связали и завязали глаза. Ему не пришлось перебарывать себя, так как в следующий раз еду и питье принес мужчина с кинжалом. Он узнал в нем Вонючего и шпиона в синем плаще, преследовавшего его многие недели.

Утром мужчина вернулся и, связав ему руки и завязав глаза, вывел Люсьена из комнаты и повел вниз по ступенькам. Они вышли из дома, и Люсьен почувствовал на плечах теплые лучи беллецианского солнца. Чуть позже ему развязали глаза, и он увидел, что находится совсем с Пьяцца. Он глубоко вдохнул, не обращая внимания на душок от канала.

— Делай все, как я говорю, — прошипел человек в синем плаще, — помни про кинжал. Давай, иди как обычно. Мы направляемся во дворец Герцогини.

— Но еще слишком рано! — протестовал Дэвид Малхолланд. — Вы сами сказали, что

это не рак стал причиной комы.

— Это очень нетипично, — согласился мистер Ласки, — но, с учетом того, сколько это продолжается, шансы на выздоровление ничтожно малы.

— Но три недели это ничто, — сказала побледневшая Вики Малхолланд. — Известно множество случаев, когда люди выходили из комы через месяцы и даже годы.

— Но не в случае опухоли мозга и только если все это время наблюдалась активность мозга, — мягко сказала мисс Бьюмонт. — Я боюсь, что, как мы уже вам сказали, Люсьен получил повреждение мозга. Я повторяю, что нет никаких следов мозговой активности. С практической точки зрения, он уже мертв.

— Так что, не осталось никакой надежды? Никакой альтернативы, только отключить аппарата? — спросил Дэвид Малхолланд.

Оба консультанта молчали. Родители обняли тело Люсьена.

— Всем встать! — провозгласил служитель, и сотни беллецианцев стоя ждали, пока двенадцать сенаторов займут свои места на возвышении. Места в первом ряду были зарезервированы, и вскоре Арианна и Леонора заняли два из них. Сильвия тоже хотела прийти, но все согласилось, что это будет слишком опасно, и с большим трудом убедили ее не делать этого.

Рядом с ними сели двенадцать горожан, созвавших Сенат. Оставалось еще много свободных мест, когда Родольфо объявил заседание открытым и все наконец сели.

— Кто созвал Сенат? — следуя процедуре, спросил Родольфо, и служитель зачитал имена двенадцати беллецианцев, которые поочередно вставали и снимали шляпы.

— Какова причина?

Первый из них, некто Джованни Риччи, снова встал, прокашлялся, несколько раз переступил с ноги на ногу и произнес отрепетированную речь.

— Со всем должным уважением к памяти нашей последней Герцогини, упокой Мадонна ее душу, и к ее дочери, недавно избранной на ее место, мы хотели бы поднять вопрос о происхождении этой юной девушки. Мы все слышали свидетельство синьоры Ландини, акушерки, помогавшей Герцогине при родах. Но разве Герцогиня Беллеции не должна быть законнорожденной?

Риччи облегченно сел — он сыграл с вою роль. В зале поднялся тихий гул. Беллецианцы не хотели лишиться своей вновь обретенной Герцогини, но они желали, чтобы все было выяснено до конца.

Арианна заметила, что в первый ряд проскользнул Ринальдо ди Киммичи.

Родольфо встал и обратился к Сонату, у него в руках была стопка каких-то бумаг.

— Сенаторы и граждане Беллеции, — начал он, — синьор Риччи прав. Я сверился с конституцией и там действительно есть такой пункт, номер 67в, если быть точным, в котором говорится, что Герцогиня должна быть законнорожденной, чиста перед законом и иметь хорошую репутацию среди своих сограждан.

В зале поднялся гораздо более сильный ропот.

— При этом, — продолжил Родольфо. — присутствующие должны помнить, что по тальянским законам последующий брак узаконивает всех общих детей супругов. У меня есть

документ — свидетельство о браке, заключенном между последней Герцогиней, да упокой Мадонна ее душу, и отцом новой Герцогини, Арианны Гаспарини.

Ропот в зале перешел в сильный шум, а ди Киммичи передал записку своему оратору. Риччи снова встал, нервно вертя в руках свою шляпу.

— Сенатор, — начал он. — я, естественно, очень рад слышать это. Но могу ли я узнать, кто отец?

— Конечно, — сказал Родольфо. — Вы и остальные одиннадцать граждан, созвавшие Сенат, сможете самым подробным образом изучить регистрационные записи, которые я вначале передам сенаторам. Вы сами сможете прочитать документ, удостоверяющий брак между ее светлостью Герцогиней Сильвией Изабеллой Беллини и мной, сенатором Родольфо Клаудио Росси, который был заключен в день Венчания с Морем в этом году.

В это мгновение Зал Совета просто взорвался, но Арианне показалось, что в нем осталось всего двое — она и мужчина, который только что спокойно сообщил всему миру, что он ее отец. Сейчас он смотрел прямо на нее, и она почувствовала, что краснеет. Леонора взяла ее за руку.

— Но почему он не сказал мне, что он мой отец? — шепотом спросила ее Арианна.

— Она не при признавалась ему до самого дня твоих выборов, — ответила Леонора. — Не знаю, как она уговорила его на тайный брак, хотя, с другой стороны, он всегда был готов на все для нее.

Я уверена, что у твоей матери были причины откладывать это. Но она сказала ему правду о тебе только позавчера, и, по-моему, он еще не воспринял ее полностью.

Сенаторы закончили рассматривать свидетельство браке, и Родольфо передал его синьору Риччи.

Тот вместе со своими компаньонами старательно делали вид, что проверяют его, однако Арианна была уверена, что не все из них смогли бы хотя бы прочесть его.

Родольфо дал им несколько минут, после чего сказал:

— Я также пригласил брата Людовика, который провел церемонию в личной капелле Герцогини, чтобы он подтвердил все сказанное в документе.

На возвышении показалась неприметная фигура в коричневой рясе. Арианна вспомнила, что видела ее в ту ночь, когда пряталась на Loggia degli Arieti. Это был тот самый монах, которого она видела на одном из переходов под самой крышей собора. Наверное, он провел церемонию перед празднованием, сразу после того как состоялось Венчание с Морем. Но Арианна тут же решила, что ее мать, скорее всего, не участвовала в первой церемонии — она наверняка использовала двойника.

В зале было неестественно душно и жарко — драматические события последнего часа заставили беллецианцев попотеть. Арианна почувствовала, что от жары и запаха у нее все сильнее кружится голова. И внезапно она потеряла сознание.

* * *

— Я не перенесу этого, Дэвид, — сказала мать Люсьена. — Мне кажется, что я сойду с ума.

— Я знаю, я знаю, — все время повторял муж, крепко обнимая ее и пряча лицо в ее кудрявых волосах.

— Я не могу больше выносить, что он лежит там, худея и бледнея, и тает прямо на глазах. Мне тяжело слышать, что опухоль снова растет, — сказала Вики, — но я никогда не думала, что все случится так быстро, что мы даже не успеем попрощаться.

Ей казалось, что она уже выплакала все слезы, но она вновь заплакала, когда отец Люсьена сказал: «По крайней мере, у нас были эти каникулы в Венеции...»

* * *

— В свете сегодняшних новостей, — сказал синьор Риччи, вдохновленный возможностью говорить в великом Зале Совета от своего имени, — я надеюсь, что могу выразить от имени всех моих сограждан наши искренние соболезнования вам, сенатор, по поводу смерти вашей супруги, которой, как мы теперь знаем, была наша возлюбленная Герцогиня.

Возгласы «Хорошо сказано!» разнеслись по залу, и в этот момент Арианна, наконец, пришла в себя — не без помощи бутылочки с нюхательной солью, принадлежавшей Леоноре. Но она подумала, что все еще не пришла в сознание, увидев, как ди Киммичи вскочил с места и закричал:

— Есть еще один вопрос!

— Посол, — ответил Родольфо, — как почетный гость нашего города, вы, конечно, можете посещать публичные заседания Сената, и мы даже рады приветствовать вас здесь, но мне кажется, что вы отлично знаете, что вопросы на рассмотрение Сената могут выноситься только гражданами нашего города.

— Конечно, — сказал ди Киммичи, садясь на место. — Простите меня. Просто я слышал, как эти почтенные граждане совещались, и знаю, что вопроса было два.

Он многозначительно взглянул на Риччи, который тут же снова встал с места.

— Ах да, сенатор. Я так разволновался, что чуть не забыл, что мы были обеспокоены тем, что близкие друзья Герцогини занимаются колдовством.

— Колдовством? — переспросил Родольфо. — Вы могли бы выразиться точнее?

— Магия, — с явным неудовольствием произнес Риччи, — связь с духами.

Родольфо лишь скептически приподнял бровь.

— У нее есть друг, — решил Риччи, — близкий друг, с которым она проводит много времени, юноша.

— Вы, наверное, имеете в виду моего ученика, Лючиано? — спросил Родольфо.

— Да, действительно, его зовут Лючиано. У нас есть доказательство, просто невероятное, но совершенно очевидное, что он... что он не совсем... как бы это сказать? Не совсем создание этого мира.

— Что это за доказательство? — спросил Родольфо.

С вашего разрешения, сенатор, мы приведем его сюда, и вы все увидите.

Энрико, тащивший Люсьена за собой, стал очередной сенсацией этого дня.

— Лючиано! — воскликнула Арианна в тот же самый момент, как Риччи сказал:

— Как вы видите, у мальчишки нет тени.

— Вы готовы? — спросил мистер Ласки.

Родители Люсьена кивнули. Они стояли по обе стороны от него, держа его за руки.

— Прощай, мой дорогой, — сказала его мать.

* * *

Солнце как раз на мгновение скрылось за облаками, но вот-вот должно было вновь показаться и засиять сквозь большие окна Зала Совета. Окна были сразу позади Люсьена и выходили на запад, так, что он знал, что сейчас все увидят, что он страванганте. Все случилось наихудшим образом. Он смотрел на Арианну и думал о том, что де теперь будет с ним и с ней.

В этот самый момент Родольфо крикнул ему: «Лючиано, лови!» — и бросил что-то прямо в него.

Люсьен рефлекторно попытался поймать этот предмет, но его руки все еще были связаны, да и Энрико крепко держал его. Он не смог поймать предмет, и тот упал на пол.

В следующую секунду солнце вышло из-за туч и засияло в полную силу сквозь окна, и Люсьен увидел то, чего никогда не видел в Талии — свою тень на полу перед собой. Он ощутил какую-то новую целостность и прежде чем успел осознать, что это означает, увидел, как Леонора, опередив ди Киммичи, подняла с пола предмет, брошенный Родольфо, и спрятала его, и услышал, что все в Зале Совета хохочут.

— Судя по всему, вопрос об отсутствии тени можно считать снятым, — сказал Родольфо, и этот ровный голос дался ему ценой огромных усилий. — Если это все, то я объявляю заседание Народного Сената закрытым.

Доктор закрыл Люсьену глаза.

Глава 21

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ

Люсьен был в состоянии шока. Энрико быстро развязал его и исчез. Леонора забрала его к себе домой, и Арианна не отходила от него ни на шаг. Она провела его в элегантную гостиную с вращающимися стульями и позвонила, чтобы принесли вино. Прежде чем это было исполнено, к ним присоединилась Сильвия и еще через минуту — Родольфо.

Он проверил его пульс, Люсьен неподвижно лежал на маленькой красной бархатной софе.

— Что произошло? — спросил Родольфо. — Ты в порядке?

Люсьен кивнул. Он находился в странном оцепенении, и Леонора силой влила ему в рот немного вина. Красная жидкость, будто переливание крови, дала ему силу говорить.

— Человек ди Киммичи, тот, в синем плаще, забрал меня с Пьяцца в ночь выборов. — сказал он, — он угрожал мне, связал и запер в комнате. Первое время у меня были завязаны глаза, он приводил кого-то ко мне, я уверен, что это был посол — и они забрали все мои вещи, — сбивчиво говорил он, его голос дрожал. — они забрали и тетрадь, я не смог помешать им.

Он отпил еще немного вина, пытаюсь успокоиться.

— Возможно, они не знали, что это такое? — предположила Арианна. Люсьен покачал головой.

— Они все точно знали. Теперь это вопрос времени, они рано или поздно поймут, как она работает. — он повернулся к Родольфо. — Я подвел вас, учитель.

Перед ним предстала безрадостная картина: ди Киммичи стравагирует и начнет свое грязное дело — будет воровать из двадцать первого века всякие вещи, которым найдет какое-нибудь жуткое применение здесь, и никто ему не помешает. И вслед за этими зловещими мыслями у Люсьена зародился новый страх.

— Нет, — сказал Родольфо, чье лицо выражало сильнейшую боль. — Это я подвел тебя. Я не смог отыскать тебя, чтобы отправить домой, а теперь уже слишком поздно.

В комнате было очень тихо.

— Что произошло на заседании Народного Сената? — спросила Сильвия.

— Ди Киммичи вынес на обсуждение второй вопрос, — сказал Родольфо. — чтобы обвинить Арианну в колдовстве из-за того, что у нее есть знакомый демон — наш друг Лючиано. Оратор ди Киммичи объявил, что у него нет тени.

У Сильвии перехватило дыхание.

— Так его раскрыли? Они знают, что он страваганте из другого мира? Ставни в столовой Леоноры были закрыты, чтобы обивка на мебели не выгорала на солнце Родольфо подошел к окну и резко открыл ставни.

— Он больше не является им, — сказал он. — Смотри, он такой же целостный, как ты

или я.

Люсьен поднялся, подошел к окну и снова увидел свою тень на мозаичном полу столовой.

— Я ведь могу вернуться, могу, да? — спросил он.

Родольфо обнял его за плечи.

— Нет, — ответил он, — теперь ты беллецианец, и днем и ночью. Твоя жизнь в другом мире окончена. Это очень горько, и я никогда не прощу себе этого.

Люсьен заморгал, пытаясь сдержать слезы: это случилось — он умер.

Одна его часть пришла в ужас от этой мысли, но другая — напомнила ему, что он все еще жив здесь, в Беллеции. Он знал, что в его родном мире рак убил бы его и что ему представился второй шанс, за который большинство людей отдали бы все что угодно. Он подавил чувства к своей другой жизни и родителям, схоронил их в глубине души, чтобы подумать об этом позже, в более безопасный момент.

Сейчас нужно было немедленно решить одну важную задачу — ведь ди Киммичи теперь обладал ключом к стравагации.

— Тетрадь, мастер, — сказал Люсьен, — мы должны выкрасть ее.

— Не нужно, — с горькой улыбкой ответил Родольфо. — По-моему, Леонора позаботилась о ней.

Люсьен изумленно наблюдал, как Леонора достала то, что без сомнения было его тетрадь, его талисманом; ключом к другому миру.

— Но как? Шпион ди Киммичи сразу же забрал ее у меня в первую ночь похищения.

— Нет, — ответил Родольфо, — они забрали подложную тетрадь, которую я изготовил вскоре после праздника Мадалены. Именно тогда я понял, какой ты подвергаешься опасности. Ты ведь помнишь, что с того времени я всегда настоятельно просил тебя возвращаться ко мне в лабораторию, прежде чем стравагировать домой? Это нужно было для того, чтобы менять ту тетрадь, что была у тебя, на настоящую.

— Но зачем? — спросил Люсьен. — И как это удалось?

— Я был уверен, что они попытаются поймать тебя и отобрать ее, — сказал Родольфо, — поскольку это не было трудной задачей. Я получил от Эджидио еще одну тетрадь и привел ее в точно такой же вид, какой имела твоя. Я скопировал все твои записи, хотя и не понял большую их часть. Это была точная копия.

— По крайней мере, я обманулся, — горько сказал Люсьен.

— Я был неправ, — ответил Родольфо, — я должен был рассказать тебе об этой предосторожности, но не захотел пугать тебя. И, Лючиано, — добавил он мягко, — результат был бы тем же. Киммичи слишком долго держали тебя. Нашим единственным шансом было то, что я найду тебя и отправляю домой, пока не поздно.

Все смотрели на Люсьена, и он видел в их глазах больше чем симпатию.

— Вы правы, — сказал он дрожащим голосом, — и даже если бы меня не похитили, в моем мире я бы все равно умер. Мне просто очень тяжело оттого, что я не попрощался с родителями.

— Я понимаю это, — сказал Родольфо, — и собираюсь исправить. Но перед этим мне нужно еще кое-что сделать. Леонора, могу я уединиться с Арианной?

Арианна вышла вслед за Родольфо в маленький сад как будто во сне. На какое-то время она перестала понимать, что происходит вокруг нее — ее разум был уже перегружен чрезвычайно важной информацией, чтобы принять что-нибудь еще. Она вспомнила, что

разозлилась на Родольфо, но ей показалось, что это было очень-очень давно, и она воспринимала это сейчас как-то отстранение. Она подумала, что может снова упасть в обморок.

Под грузом случившейся трагедии Родольфо казался постаревшим и унылым. Она не знала, что сказать ему, но он избавил ее от мучений.

— Я знаю, что тебе тяжело от того, как поступила Сильвия, — начал он, — и от того, что я только что сделал в Сенате. Мы оба решили, что твое искреннее удивление поможет убедить людей, и поэтому приложили столько усилий, скрывая этот факт от всех, включая и тебя. Иначе они могли не поверить нашей истории. Я не мог признаться им, что узнал о твоем существовании всего несколько дней назад, а о своем участии в твоем появлении на свет еще позже.

Он замолчал. Арианна прилагала все усилия, чтобы проследить за его мыслью.

— Так ты на самом деле не знал, что у Герцогини есть дети?

Родольфо энергично кивнул.

— Если бы я знал, ты думаешь, я бы позволил ей исполнить ее план? Позволил ей лишиться меня моего ребенка? Я бы забрал тебя и уехал на край света, я скорее предпочел бы никогда больше не видеть ее, чем согласился на это.

В душе Арианны шевельнулось теплое чувство к нему.

— Я упрекал ее за ложь и за сомнения, на которые она обрекла меня своим поведением, — продолжал он, тряхнув головой. — Я не желаю, чтобы подобное когда-нибудь повторилось. Но, в конце концов, я не могу не признать, что она действовала в соответствии с тем, что считала правильным. Но никогда не думай, что ты не желанна, дочь моя.

Он нежно взял ее за руки и поцеловал в лоб.

— А сейчас мы должны будем отправиться в мой палаццо, так что нам придется отложить все, о чем мы хотим поговорить. В результате моих поспешных и непродуманных действий случились очень серьезные вещи, и мы должны заняться ими как можно скорее. Но я уверен, что в будущем у нас будет много времени, чтобы поговорить, и я смогу узнать обо всем в твоей жизни, что пропустил за эти годы.

* * *

Уильям Детридж сразу понял, что Люсьен изменился.

— Ах, рад видеть вас, юноша! — воскликнул он, когда все они вернулись в лабораторию, и сразу же внимательно взглянул на него и сказал: — Вы перенеслись сюда окончательно, так же, как и я.

Больше он ничего не добавил, а просто надолго сжал Люсьена в своих объятиях, после чего сел в дальнем темном углу.

— Ты знаешь, что маэстро Кринаморте открыл окно в твой мир? — спросил Родольфо Люсьена, используя новое тальянское имя Детриджа.

— Да, — ответил Люсьен, задумавшись, дадут ли ему новое имя. Он чувствовал себя ребенком без имени.

— Мы наблюдали кое-что, что, скорее всего, очень расстроит тебя, — сказал Родольфо, — но мне нужно посмотреть еще раз. Ты хочешь посмотреть со мной?

Люсьен кивнул. Он боялся, что не выдержит, если заговорит. Родольфо отодвинул серебряную штору. Было странно видеть свою спальню. Здесь это было странно в любое время, а теперь, когда он знал, что не сможет туда вернуться, это было почти невыносимо. Пока они смотрели, в зеркале появилась его мать. Он был шокирован — она выглядела такой постаревшей с тех пор, как он в последний раз видел ее, хотя, судя по всему, в его мире прошло не очень много времени...

Она похудела и осунулась. Возможно, это бросалось в глаза потому, что она была в черном платье, которого Люсьен никогда раньше не видел. В зеркале было видно, как она заправила его постель и, потянувшись, сняла серебряную венецианскую маску со стены.

— Ты понимаешь, что ты видишь? — Спросил Родольфо. — Что это значит?

Люсьен кивнул.

— Она надевает черное только на похороны, хотя именно этого платья я еще не видел. Насчет маски я могу, только догадываться. Они купили ее мне в Венеции.

Родольфо серьезно посмотрел на него.

— Тогда мне пора отправляться.

Он не страванировал со времени первого появления Люсьена в Беллеции.

— У нас здесь только вечерет, — сказал он. — значит в твоём мире раннее утро. Твоя мать встала раньше обычного, наверное, у нее бессонница. Назови мне свой адрес, чтобы я мог найти дом. Ты говорил, что живешь недалеко от школы в Барнсбюри. Маэстро, пойдёмте с нами, если хотите.

Люсьен рассказал Родольфо, как найти его дом, и три страванги скрылись во внутренней комнате, служившей Родольфо спальней. Родольфо снял с цепочки, висевшей у него на шее, серебряное кольцо и надел его на палец.

— Это мой талисман, — пояснил он, — доктор Детридж принес его мне. Вы понаблюдаете за мной, пока меня не будет, хорошо?

И не дожидаясь ответа, ускользнул в медитацию.

Приходской священник побледнел, увидев даты жизни человека, похороны которого должны были состояться в этот вторник. Он ненавидел хоронить молодых. Это было ужасно из-за трагической противоестественности того, что родители хоронят своих детей. С этим приходилось сталкиваться каждому священнику. Но основной причиной были все эти молодые люди, приходившие на похороны. Некоторые с головы до пят в черном, некоторые одетые так, как — им казалось — должно было понравиться покойному.

Девочки всегда много плакали, да и мальчишкам приходилось не легче. А он должен был провести церемонию, которая преисполнила бы сердца присутствующих надеждой, хотя большинство из них были атеистами и агностиками.

Как, например, представшие перед ним родители покойного. Они сказали, что обычно не посещают церковь.

— Даже если я ходил в церковь до этого, то теперь перестану. После того что случилось с Люсьеном, я знаю, что Бога нет, — резко сказал отец.

— Перестань, Дэвид — остановила его супруга, но она тоже спросила, может ли церемония быть «не религиозной»

— Что ж, совершенно не обязательно читать молитвы и петь гимны, — сказал священник со всей мягкостью, на какую был способен, уважая их горе. — Вы можете выбрать стихи или что-нибудь еще и музыку, которая подошла бы вашему сыну. Но я позволю себе предложить вам поминальную службу из «Книги общей молитвы». В ней много прекрасных слов, и она хорошо воспринимается большинством людей, в том числе и неверующими

В итоге они договорились о полной службе 1662, с двумя гимнами «Снизойди на меня Божественная любовь» и «Иерусалим». Остальную музыку выбрала мать и попросила одного из друзей сына прочитать стихи. Затем она порывисто сказала, что они будут очень признательны, если в своей проповеди он учтет, что они неверующие.

Священник не стал обижаться — если церковь подвела людей в столь тяжкий момент, он не будет давить на них. Он только ответил: «Мне не понадобится никакой другой веры, кроме моей собственной».

Сейчас он встал за небольшую деревянную кафедру чтобы попытаться внушить надежду всем этим напуганным подросткам. В этот момент дверь открылась, и в церковь вошел весьма странный человек. В первое мгновение священник подумал, что это бездомный, но почти сразу понял, что ошибся. Этот очень странно одетый длинноволосый седой джентльмен, казалось, сошел со страниц шекспировской пьесы: в черных бархатных бриджах, свободной белой рубашке, черной бархатной жилетке и таком же плаще. Обут он был в высокие черные замшевые сапоги. Он держал в руках великолепную шляпу из черной замши и очень внимательно наблюдал за церемонией.

* * *

— Спасибо, Том, — сказала Вики Малхолланд после службы, — ты замечательно читал. С твоей стороны было очень хорошо сделать это.

Том кивнул и пожал руку обоим родителям Люсьена. Бледная девушка крепко держалась за его левую руку.

— Кто это? — спросил его отец Люсьена, показывая на странного человека, затянутого в черный бархат, который разговаривал с кем-то из присутствовавшей молодежи. — Я подумал, что это один из учителей, пришедший прямо с репетиции.

— Я никогда не видел его раньше, — ответил Том. — Он спрашивал о том, что произошло с Люсьеном. Кажется, он хороший человек и явно очень расстроен, хотя и странно выглядит.

Они стояли и смотрели на море цветов вокруг карточки с именем Люсьена. От них самих здесь был огромный букет белых роз — они потратили целое состояние и разыскали настоящие розы, те, которые пахли. Через некоторое время они вернутся за пеплом Люсьена, который решили развеять в Венеции над Большим Каналом, серебряную маску они попросили положить в гроб.

Сейчас они собирались поговорить со всеми пришедшими и отправиться домой.

— Поговорим с ним? — прошептала Вики.

В этот момент человек сам подошел к ним. У него были прекрасные гипнотические черные глаза, и, как только он взял ее за руку, все вопросы о том, кто он и откуда, вылетели у нее из головы.

— Мне очень, очень жаль, — сказал он с несомненной искренностью. — Я сожалею, что все вышло именно так.

— Спасибо, — ответила Вики. — Это мой муж, Дэвид.

Незнакомец пожал руку отцу Люсьена и сказал странные слова:

— Знайте, ваш сын жив, но теперь в другом месте. Он никогда не забудет вас и тоже думает о вас, как вы думаете о нем. Он вырастет сильными и счастливым, и однажды вы вновь увидите его.

Слезы полились из глаз Вики, а когда она справилась с ними, незнакомец уже исчез.

— Ненормальный, — сказал ее муж. — Наверное, религиозный фанатик, из тех, что постоянно посещают похороны и рассказывают о другом мире. Не расстраивайся из-за него.

— Он вовсе не расстроил меня, Дэвид, — ответила она. — И не показался мне ненормальным. Наоборот, он очень утешил меня.

Люсьен и Детридж несли свое беспокойное дежурство у тела Родольфо. В спальне горели свечи и снаружи доносились голоса трех женщин, оставшихся в лаборатории.

Наконец, застывший Родольфо глубоко вдохнул и открыл глаза. Затем сел и снял кольцо.

— Вы видели их? — спросил Люсьен. — Вы рассказали им обо мне?

Родольфо кивнул. Он достал из рукава белую розу и молча протянул ее Люсьену.

У Люсьена перехватило дыхание.

— Вы принесли ее с собой!

— На это есть причина, — ответил Родольфо — Маэстро, если вы не против, я хотел бы поговорить с Лючиано наедине.

* * *

Они еще не скоро вышли из комнаты. Солнце вставало в неярком синем небе Беллеции, не похожем ни на какое другое, кроме неба Венеции. Его свет заливал лабораторию. Люсьен был очень бледен.

Арианна подбежала к нему и взяла его за руку. Всю ночь она проговорила с Сильвией, Леонорой и Детриджем и поняла все, что произошло. Она больше не сердилась на своих настоящих родителей и не боялась возложенной на нее ответственности; в сердце ее не осталось места для других эмоций, кроме скорби о своем друге.

Люсьен улыбнулся ей. Он смертельно устал. Но он знал, что в этом мире он был здоров. Его болезнь никогда не переносилась в Беллецию, и теперь он точно знал, что она ему уже не грозит.

Но он понимал, что еще не скоро оправится от пережитых потрясений.

— Есть несколько вещей, с которыми мы должны определиться, — сказал Родольфо. — Из-за участия в делах нашего мира Лючиано потерял свой родной. Мы должны отплатить ему дружбой, пониманием и защитой. Я сомневаюсь, что все опасности уже миновали. И, так как он еще мал, я предлагаю себя в качестве его приемного отца.

— Нет, — возразил Детридж. — мальчику нужны оба родителя, а вы, со всем моим уважением к леди, — обратился он к Сильвии. — Не сможете жить со своим законным мужем, если надеетесь сохранить в тайне то, что вы живы.

Люсьен растерялся. Законный муж Герцогини? Родольфо растерялся, и Люсьен подумал, сколько же всего случилось за время его заключения.

— И мне кажется, что Арианна не хотела бы, чтобы он стал ее братом, — внезапно сказала Леонора, о Арианна покраснела — ее всегда смущало то, как хорошо ее тетя понимает, что у нее на душе.

— Так как же быть? — спросила Сильвия — О Лючиано не должен заботиться непосвященный.

— Все очень просто, — ответил Детридж. — Я предлагаю в приемные отцы себя, я еще не слишком стар. И, поскольку эта добрая леди согласилась стать моей женой она станет ему матерью. Я не вижу никаких помех этому, так как я тоже погиб в прежней жизни и не могу вернуться к своей жене в другом мире.

— Тетя Леонора! — воскликнула Арианна

Даже Родольфо выглядел изумленным. Люсьен же вообще не знал, что сказать.

— Пойми нас правильно, Лючиано, — обратилась к нему Леонора. — Мы не пытаемся занять место твоих родителей, но ты сможешь жить в моем доме — совсем недалеко от палатки и лаборатории.

Ты сможешь видеть Родольфо и Арианну столько, сколько захочешь...

— Я бы очень хотел этого, — ответил Люсьен.

— Вы заставляете меня жалеть, что я буду жить в Падавии, — сказала Сильвия со своим обычным чувством юмора. — Я пропущу все веселье.

— Мне кажется, что далеко не все будет таким уж весельем, — сказал Родольфо. Он взял ее руку и поцеловал — первый раз присутствующие видели, как он делает что-либо подобное. — Вчера был день скорби, а сегодня наступил новый день. Нам нужно многое отпраздновать. И если Лючиано не может быть нашим с Сильвией приемным сыном, то мы хотя бы будем крестными родителями в его новой беллецианской жизни.

Он обернулся к Люсьену.

— Нам придется хорошо потрудиться, чтобы успеть подготовить соответствующий фейерверк к коронации моей дочери. Это должно быть моим лучшим творением.

Впервые Арианна услышала, как Родольфо назвал ее дочерью на публике. Родольфо взял девушку за руку, и она в первый раз почувствовала, что он действительно ее отец.

— Я попрошу Альфредо сделать нам что-нибудь на завтрак, — сказал Родольфо.

Люсьен внезапно осознал, что жутко голоден. Он не ел ничего с тех самых пор, как вчера в полдень тюремщик принес ему кусок хлеба. Теперь у него был приемный отец и крестный, оба — могущественные маги, ученые и натурфилософы. У него была крестная — Герцогиня, которую считали погибшей, — одна из самых очаровательных, умных и беспощадных женщин, которых он когда-либо видел. У него была приемная мать, мягкая, добросердечная и чувствительная, хотя совершенно не похожая на его родную. И у него был друг, девушка — позволил он себе предположить, глядя на то, как она на него смотрит, — которая станет самой влиятельной персоной в этом городе.

Но больше всего ему грели душу слова, которые Родольфо сказал ему наедине:

— Ты все еще страваганте, Лючиано. Никогда не забывай об этом. Все, что тебе нужно, — это новый талисман. Можешь сохранить тетрадь в память о своих прошлых путешествиях, но теперь роза будет помогать тебе переноситься из мира в мир — как только ты будешь достаточно силен, чтобы перенести путешествие. Только теперь ты будешь визитером из этого мира. Ты должен будешь всегда возвращаться сюда.

Люсьен погладил розу, уже обернутую в особую ткань и лежащую в кармане его рубашки. Пусть отныне он беллецианец, но он найдет дорогу в свой старый мир — у него еще остались там незавершенные дела.

Эпилог КАРНАВАЛ

На три дня Беллеция наполнилась радостью и весельем. Гуляки в масках танцевали прямо на улицах. Беллецианцы готовили для карнавала свои лучшие наряды, и теперь были одеты в яркие шелка, атлас и узорчатый бархат. Все мужчины и женщины — в масках, и это давало массу возможностей для флирта и обольщения.

Улицы были заполнены палатками, в которых продавали еду — поленту [\[12\]](#), сыры и фриттата. Ночью повсюду стояли юноши с фонариками, готовые за несколько скуди проводить гуляк до дома или к лодке. Все мандольеры тоже были в масках, а сами мандолы увешаны фонариками и цветными лентами. Астрологи установили шатры у каждого колодца и предлагали свои услуги по предсказанию судьбы молодым незамужним девушкам и юношам, пытающимся добиться симпатии своих избранниц.

Канатоходцы ходили с шестами по канатам, натянутым между двумя колоннами на Пьяцца Маддалена. Беллецианцы гуляли по улицам, специально чтобы продемонстрировать свои изысканные костюмы и экзотические маски. Самым популярным местом у них в городе была площадь перед величественной серебряной базиликой.

Прекрасно одетые женщины сидели на балконах вокруг площади, кокетничая со своими поклонниками, которые пытались забраться с цветами к ним наверх.

Один из мандольеров катал веселую компанию. Он был стройным, с черными кучерявыми волосами, в серебряной маске в форме бабочки. На его судне находилась юная девушка в маске и двое мужчин среднего возраста, которых весьма забавляли его старания.

— Лючиано, — сказал один из них, — так кто, ты сказал, учил тебя?

— Альфредо, — ответил юный мандольер, — но мандола у меня всего неделю. — Он улыбался. На деньги Герцогини он купил ту самую прекрасную черную мандолу, и слуга Родольфо давал ему уроки.

— Тебе, наверное, нужно будет заглянуть в наш каналетто [\[13\]](#), чтобы мы дали тебе еще несколько уроков, — заметил Эджидио.

— Да, ты будешь не первым, кому мы помогаем, — подхватил Фиорентино.

— Не обращай внимания, — со смехом проговорила девушка в маске, — я думаю, что у тебя все отлично получается — для начинающего, конечно.

— Давай, встань и покажи, как надо, — отозвался Лючиано. — Если, конечно, ты можешь.

— Смеющаяся девчонка поймала его на слове, забрала весло и очень умело и уверенно повела мандолу по каналу. Юноша внимательно наблюдал за ней, а мужчины просто светились от гордости.

— Ты настоящий мандольер, — крикнул ей Эджидио.

— Это у нее в крови, — отозвался Фиорентино.

Арианна, пользуясь анонимностью и вседозволенностью карнавала, наконец реализовала свои амбиции — она вела мандолу по Большому Каналу.

Когда Вики Малхолланд впервые увидела Люсьена, она не стала ничего говорить мужу: он бы подумал, что она сходит с ума. Кто знает, что она сама думала бы в первые недели после смерти Люсьена.

В первый раз она видела его лишь мельком, недалеко от школы и подумала, что ей показалось.

Только гораздо позже, увидев его еще раз, она поняла, что и в первый раз ей не показалось, и решила поговорить с мужем.

— Что? — спросил он. — Ты хочешь сказать, что видела кого-то, очень похожего на него?

— Нет, — ответила Вики, — это был именно он. Я уверена.

Муж обнял ее.

— Ты видела привидение, любимая? — очень нежно спросил он.

— Нет, — ответила Вики, слезы бежали по ее щекам. — Не привидение — настоящего мальчика. — Дэвид просто не нашелся, что ответить.

В следующий раз они оба увидели его. Он ничего не сказал, но, перед тем как исчезнуть, улыбнулся им.

В течение многих месяцев и лет они продолжали видеть его и даже говорить с ним. Он рассказал им свою версию произошедшего. Они держали все в секрете — это было очень странно и непонятно. Но эти встречи очень утешили и успокоили их.

Ниже, у причала, два крепких рыбака что-то обсуждали, сильно жестикулируя и время от времени показывая руками размеры чего-то непонятного. Люди, собравшиеся вокруг них, расспрашивали их и подливали им вина, так что рыбаки пьянели все сильнее.

— Это чудо, — говорил один. — рыба-мерлино все еще жива!

— Процветание Мерлино обеспечено, — отозвался другой, хотя это сложное предложение далось ему с большим трудом.

— И наше, — согласился его брат.

— Это меньшее из того, чего мы можем ожидать, — сказал второй, — особенно после того, как наша маленькая сестренка стала Герцогиней.

— Теперь ясно: вы все выдумываете! — сказал один из зевак. — Рыба-мерлино не вымерла, а наша Герцогиня — сестра двух пьяных рыбаков!

Но Анджело и Томмазо знали, что говорят. Они поймали рыбу-мерлино собственной сетью и отпустили обратно в ее стихию. Они знали, что когда-нибудь, после ее смерти, они найдут ее кости на своем берегу. Но это было знамение, и, как все жители Лагуны, они верили в знамения.

Пьяцца Маддалена была заполнена танцующими людьми. В палатце Герцогини был прием, на который даже священнослужители надели пышные костюмы и маски и ели

изысканные блюда. Это несколько не мешало простым баллецианцам наслаждаться своим собственным праздником на площади. К этому готовились целых три дня.

Сейчас все они были одеты в свои лучшие костюмы и готовы протанцевать всю ночь под музыку множества музыкантов, расположившихся в колоннаде вокруг Пьяцца. Сегодня все были в масках — мужчины и женщины, старые и молодые. Среди пестрых шелков, атласа и бархата, сверкающих блеском и ярких лент была одна, затянутая в черное, фигура в носатой маске Доктора Чумы.

Этот человек поспешно пробирался ко дворцу, опоздав на бал к Герцогине. Он остановился поприветствовать юношу, съехавшего по веревке с колокольни под радостные крики толпы, и ускорил шаг, проходя мимо костра, приготовленного меж двух колонн. Он уже знал, что на нем сожгут соломенное чучело, но все равно не хотел быть поблизости. Достигнув дворца отреставрированного полностью (за исключением больше не существующей Зеркальной комнаты), он поднялся по серебряной лестнице, вошел в холл и застыл в дверях, разглядывая заполнявших его людей. Он искал своих друзей. Первой он узнал женщину, которая, впрочем, сама к нему подошла.

— Где же вы были? — спросила величественная незнакомка в пурпурной парче и серебряной маске, украшенной черными перьями, без страха приближаясь к зловещему доктору.

— Простите меня, моя дорогая, — сказал Доктор Чума, — я должен был закончить эксперимент. Но теперь я здесь и готов веселиться, — он взял бокал вина с подноса проходившего мимо слуги. — Где остальные?

Пурпурная леди проводила его в другой конец комнаты, где боролись два сильных мужчины, одетых в темно-синий бархат и черные маски. Рыжий юноша в костюме арлекина подзадоривал их.

— Победил Фиорентино! — провозгласил арлекин, когда меньший брат прижал к полу более крупного.

— Я требую реванша! — сказал крупный, лежа под своим братом.

— Видишь, даже в масках они остаются сами собой, — сказал седовласый мужчина в черном бархате, хлопая доктора по плечу.

— Приветствую, дружище, — ответил доктор, порывисто возвращая объятья. — Где молодые?

— Вон там, — человек в черном указал на симпатичную пару, которая собиралась танцевать.

В этот момент женщина в зеленом шелке и зеленой, усыпанной блестками маске подошла к человеку в черном и со всей свойственной карнавалу дерзостью, потребовала пригласить ее на танец. Он медлил с ответом.

— Вы что, не веселитесь, сенатор? — тихо спросила женщина, ее фиалковые глаза сверкнули.

— Сильвия! — прошептал он, крепче обнимая ее. — Ты не боишься быть узнанной?

— На карнавале? — улыбнулась она. — Мне кажется, что сегодня я, как никогда, здесь в безопасности.

На ней было его серебряное обручальное кольцо, а на нем — ее. Это было одной из тех мелочей, которые они могли себе позволить, несмотря на все тайны, что им теперь приходилось хранить.

Новая Герцогиня была одета в серебряную тафту, ее фантастическая маска была из

серебряного кружева, сделанного ее бабушкой. Ее партнер, стройный молодой человек с черными вьющимися волосами, в своем сером бархатном плаще и серебряной маске кота казался ее тенью.

Они кружились по залу, и люди расступались, постепенно образуя круг, в котором мелькали широкие юбки Герцогини и быстрые ноги ее партнера.

— Ты явно тренировался! — сказала Арианна, смеясь и задыхаясь, после того как они остановились.

— Да, — выдохнул Лючиано. — Готов поспорить, что ты не знала, что доктор Детридж был в свое время выдающимся танцором. Он просил меня поддержать его репутацию этой ночью.

— Ты танцуешь гораздо лучше, чем управляешь мандолой, — сказала Арианна.

— Дай мне время, — улыбнулся Люсьен. — у меня много учителей.

Доктор Чума зааплодировал первым из зрителей, и под дружные аплодисменты Герцогиня и ее партнер сошли в зал.

— Давай попробуем лед, — сказала Арианна, — в этом платье так жарко.

Ей приходилось значительно легче, чем она ожидала. С момента коронации, когда на вершине серебряной лестницы она официально стала Герцогиней Беллеции, все старались для нее изо всех сил. Ей нелегко было привыкнуть, что ее всегда окружали слуги, предугадывавшие все ее желания и подававшие ей все, чего она хотела. Вот и сейчас, еще до того как они добрались до стола с прохладительными напитками, рядом оказался лакей с двумя стеклянными кубками лимонного льда, кристаллики которого сверкали, будто один из экспонатов мерлинского музея.

Арианна благодарно кивнула ему и вышла на галерею, окружавшую внутренний двор палаццо.

Лючиано стоял рядом с ней, наслаждаясь кристаллами льда, тающими на языке и приятно освежающими горло. Ему теперь приходилось значительно сложнее, чем Арианне. В первые дни после того, что Детридж назвал «переходом», он составил список вещей, которые больше никогда не сможет испытать.

Все они были такими, казалось, незначительными, но внезапно оказались очень важными. Он больше никогда не увидит футбольный матч или просто фильм, не съест пиццу и не сможет принять горячий душ или посмотреть телевизор, полакомиться попкорном, проехаться в метро или поплавать в бассейне. Никогда не заснет под пуховым одеялом и не купит лотерейный билет, не сможет поиграть на компьютере или пожевать жвачку. Никогда не полетит на самолете и не прокатится на роликах, не наденет джинсы. Ему не придется сдавать экзамены в школе или колледже, голосовать на выборах... Так можно было продолжать до бесконечности.

Он никогда не включал в списки упоминание о том, что никогда не увидит своих друзей и родителей, поскольку просто не мог думать об этом. Но постепенно, с помощью Родольфо и своих приемных родителей, он нашел плюсы в том, что проведет остаток жизни как беллецианец. Очень важным было то, что у него уже были здесь друзья, и очень хорошие друзья. Ему было хорошо жить с Детриджем и Леонорой, которые стали мужем и женой.

И он продолжал оставаться помощником Родольфо, и это было лучше любой работы, которую он мог бы получить в своем мире. Они договорились, что когда он станет постарше, то поедет учиться в университет — в Падавию. Он понял, что является одним из самых привилегированных людей в

Беллеции — его близкими друзьями были Герцогиня и ее регент. Но, конечно, самым главным было то, что он жив.

И он был достаточно богат — у него было серебро со дна канала и награда от предыдущей Герцогини за ее спасение. Герцогиня! Он был уверен, что видел ее на балу, — она танцевала с Родольфо.

Это было очень похоже на нее. Несмотря на то что она жила в Падавии, с Сюзанной и Гвидо Парола в качестве личных слуг, она часто незаметно приезжала в Беллецию, радуясь возможности свободно ходить по улицам, слушая сплетни и собирая информацию, полезную в борьбе с ди Киммичи. И конечно, чтобы видиться с Арианной.

«Это странная семья, — думал Лючиано, заканчивая свой десерт, — в которой родители не жили вместе с ребенком и жена живет вдали от мужа». Но он не мог не признать, что отношения у них были гораздо лучше, чем во множестве других семей, которые он знал в своей старой жизни. Чем дольше Арианна жила жизнью Герцогини, тем лучше она начинала понимать свою мать. И хотя она все еще несколько побаивалась своего нового отца, она очень уважала его и полностью ему доверяла.

А когда государственные обязанности слишком утомляли ее, юная Герцогиня убегала на острова.

Ее, конечно, не отпускали одну, так что ее сопровождали Лючиано, служанка Барбара и большая лодка, наполненная стражей. Они лакомились пирожными у дедушки с бабушкой, ели рыбу у Валерии и Джанфранко вместе с двумя рыбаками, к которым она относилась по-прежнему как к братьям.

Я бы отдала все что угодно, чтобы узнать, о чем ты думаешь, — сказала Арианна.

— А? Что? ...у нас есть пословица — «По пенни за мысль»... — сказал Лючиано.

— У кого это «у нас»? — передразнила его Арианна. — Ты теперь беллецианец.

— Я знаю, — ответил Лючиано. — Именно об этом я сейчас и думаю.

Он потрогал талисман, висевший у него на шее. Это была сплюснутая белая роза, заключенная в застывшую прозрачную смолу — это сделал для него Родольфо. Он уже трижды воспользовался ею, чтобы попасть в свой старый мир. Но успел только мельком увидеть родителей — теперь, когда он был беллецианцем, стравагация была значительно труднее, и он мог пробыть там всего лишь несколько мгновений. Родольфо обещал, что со временем у него начнет получаться лучше.

Люсьен вздохнул.

— Слушай! — сказала Арианна.

Она держала его за руку, и в наступившей полной тишине колокол пробил полночь. С последним его ударом толпа закричала и на площади зажгли огромный костер: «Идет! Идет! Карнавал идет!»

— Лючиано? — Арианна испытующе посмотрела на него. — Ты в порядке?

Он и сем теперь называл себя Лючиано, имя Люсьен принадлежало другому мальчишке из двадцать первого века. Лючиано жил в Талии. Он уже отпраздновал свое шестнадцатилетие, через пару недель после Арианны. Вспомнив, как это было с ней, он улыбнулся.

Герцогиня фыркнула совершенно неподобающим ее положению образом.

— Ты иногда такой!.. — сказала она. — О чем теперь думаешь?

— Я вспомнил о твоей первой маске, — ответил Лючиано.

Настала ее очередь улыбаться. Как у Герцогини у нее было официальное празднование

дня рождения, которое вершилось церемонией надевания первой белой шелковой маски. Это сделал Родольфо, ее отец и герцогский регент. Как она ее возненавидела! С тех пор ей приходилось постоянно надевать маски, когда она появлялась на людях.

Она все еще не любила их, хотя постепенно поняла, что от них есть польза. Несмотря на то что глаза видны, очень трудно понять, что думает человек, когда он в маске. Это не значило, что она отказалась от мысли отменить закон, но она последовала совету Родольфо и была осторожна с Сенатом. Пока она удовлетворилась тем, что они приняли ее новый закон о девушках-мандольерах.

Так что пока девушки все еще были обязаны носить маски со дня шестнадцатилетия до свадьбы.

— Ну что, ты еще не привыкла к ним? — спросил Лючиано. — Эта, например, просто потрясающе красива.

— Мм... — сказала Арианна. — Не совсем. Но, пожалуй, это уже не важно. Я не думаю что мне придется долго носить маску.

И она одарила Лючиано поистине герцогской улыбкой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

ЗАМЕТКА О СТРАВАГАЦИИ

Уильям Детридж, первый *страваганте*, совершил свое первое путешествие в иное измерение случайно — в результате неудавшегося алхимического опыта, повлиявшего на законы времени и пространства. Это случилось в 1552 году, когда Детридж официально преподавал математику в Оксфордском университете, но главным, хотя и тайным его увлечением была алхимия.

Медная плочка, которую он держал в руках, пытаясь превратить ее в золотую, стала его талисманом, позволяющим путешествовать между двумя мирами, и оставалась надежным ключом к путешествиям около четверти века.

Но, несмотря на то что Детридж всегда возвращался из своих путешествий в Талию в свое собственное время. врата, которые он открыл случайно, были очень нестабильны. С момента его первого путешествия, другие *страваганте*, из Талии, обнаружили, что прибывают в наш мир в значительно более поздние периоды, чем Англия времен Елизаветы, в которой жил Детридж. Так Родольфо оставил талисман (тетрадь) в XX веке.

Все талисманы работали в обоих направлениях, но должны были в самом начале прийти из измерения, чужого для путешественника. Вот почему Люсьену нужен был новый талисман после смерти в нашем мире. И именно поэтому его тальянская тетрадь, не могла быть использована Киммичи, но они не знали этого. Медная плочка Детриджа была единственным исключением из этого правила. Конечно, после того как Детридж был «перемещен» в момент своей смерти в его собственном теле в Англии, после того как он бежал в ужасе в Талию, его путешествия в наш мир, если бы таковые были предприняты, стали бы источником дальнейшей дестабилизации врат.

Находясь в Талии, Люсьен говорит и понимает тальянский язык, несмотря на то что не знает итальянского в своем мире. Язык Детриджа кажется ему старомодным, но только ему, так как они оба англичане, но родились с разницей в 450 лет. И это так и остается, даже после перемещения обоих в Талию.

ЗАМЕТКА О ТАЛИИ

Талия похожа и не похожа на Италию нашего мира. Она существует в параллельном мире и история ее «отклонилась» от истории Италии, которую мы знаем, сотни лет назад. Самое серьезное отклонение произошло в момент спора между братьями Ромулом и Ремом. В истории нашего мира, которая сейчас неотделима от его мифологии. Ромул победил и основал город Рим.

В Талии победителем стал Рем и основал город Ремору, столицу Ремской империи, расположенную примерно в районе Сиены в нашем мире.

Одно отличие привело к другим, и существуют некоторые моменты в истории мира Талии, особенно в отношении Англия (так они называют Англию), которые существенно отличаются от итальянских. Самым заметным является то, что Англия никогда не отделялась от Ремской Церкви.

Генрих VIII в Англия имел сына от единственной жены Катерины, который стал Эдуардом VI, но тоже умер молодым и его сменили одна за другой две его родные сестры, Мария и Елизавета, которые умерли бездетными. Там не существует никакого аналога англиканской церкви.

В некотором отношении Талия более развита, чем Италия, например в шестнадцатом веке там наслаждались стрега и прозекко (аналоги ликера и шампанского), выращивали картофель и томаты, импортировали кофе и шоколад, но Талия не знала табака.

Здесь речь идет о Лагуне, как о синониме города государства Беллеция — от итал. *belezza* — красота.

Sposalisio — бракосочетание, свадьба (итал.).

Мандола — от итал. *mandorla* — миндальный орех. Лодки особой формы (в Беллеции), чем-то похожие на миндальный орех. В реальном мире, в Венеции, это гондола — плоскодонная, удлиненная одновесельная лодка, с высоко поднятыми кормой и носом, с каютой или тентом для пассажиров.

Sposati — женаты (итал.).

Паста — всевозможные виды макарон.

Scuola Mandoliera — Школа Мандольеров.

Галанить — грести коротким кормовым веслом, которые используют для управления венецианской гондолой.

Stravagante (ед. ч.) странный, чудак Stravaganti (мн. ч.) — чудаки (итал.).

Vaporetto — речной трамвай (итал.).

Campanile — колокольня (итал.).

ЯМР — ядерно-магнитный резонанс. Один из наиболее современных видов медицинского обследования, дающий очень точный результат.

Полента — каша из ячменя или из кукурузной муки, каштанов (итал.).

Каналетто — небольшой канал (итал.).